ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ-2

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Безымянный мир, где рождаешься уже взрослым и в долгах. Мир, где даже твои руки и ноги тебе не принадлежат, а являются собственностью бездушной системы. Безумно жестокий мир, где жизнь не стоит ни единого сола, где ты добровольно низший со стертой памятью, где за ошибки, долги и преступления тебя лишают конечности за конечностью, медленно превращая в беспомощного червя с человеческим лицом… Мир со стальными небом и землей, с узкими давящими стенами, складывающимися в бесконечный стальной лабиринт. Мир, где в торговых автоматах продают шизу и дубины, где за тобой охотятся кровожадные безголовые плуксы, а самая страшная участь – превратиться в откормленную свинью..

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая

Дем Михайлов
Низший – 2

Глава первая

– Лопнуть и сдохнуть! – процедил я недовольно, осторожно массируя подошвы и заодно прислушиваясь к ощущениям в голове.

Да ерунда. Ноги болят, а голова нет. Сразу понятно, чем именно я себе зарабатываю на жизнь. И все равно приятно, что нет даже намека на похмелье – вчера мы выпили по сто пятьдесят грамм крепчайшего самогона. И заранее не знали о качестве сего продукта – но бригада Соплей, они же Солнечное Пламя, не подвела, и самогон утреннего похмелья не подарил.

Текущее время: 05:50.

Я выполз из капсулы пять минут назад, беззвучно шипя и припадая на каждую ногу, добрался до теплого стенного выступа и, осматривая все тело, массируя и приводя в порядок конечности, прогонял в голове события прошлого дня. Потрачу на прогон воспоминаний и впечатлений пять минут. Следующие пять минут уделю проверке интерфейса и мыслям о начинающемся дне.

Спал я всего пять часов. Понежиться бы еще на не слишком мягком, но зато теплом ложе в безопасной капсуле. Но что-то разбудило меня раньше срока на десять минут, заставило выбраться в заполненный сквозняками коридор и усесться рядом с десятком храпящих орков-работяг. Им не досталось капсул, ночевать пришлось на скамейках. Даже часового выставили: вон он дрыхнет сидя, прислонившись к стене. Будь я его командиром – разбудил бы ударом шила.

Что выгнало меня из капсулы?

Это точно что-то из минувших событий. Что-то вчера мною упущенное, ушедшее, но затем тихонько вернувшееся и залезшее в мой сон. А свой сегодняшний сон я помню отчетливо – это был повтор посиделок в Веселом Плуксе. Точная копия реально произошедших событий, разве что мы пили не самогон, а красное вино. Поглощаемое же нами мясо было сырым, сочилось кровью, мы смеялись, вытирая окровавленные губы салфетками из татуированной человечьей кожи, за соседним столиком что-то праздновали черви, с урчанием лакая красное месиво из эмалированных мисок и поминутно протяжно рыгая…

Вот оно!

Продолжая массировать ступни, чуть выпрямился, прищурился. Вот оно.

Салфетки из татуированной кожи. Вернее – сами татуировки. Где-то здесь… что-то здесь… в этом месте зацепка. Поэтому

татуированная мертвая кожа и всплыла в моем больше ничем не примечательном сне.

Вчера… За ужином… Мы выпили по второй стопке, вернулись к жадному поглощению жареного мяса. И в этот миг, прикрыв глаза от наслаждения, я жевал очередной кусок и… и что-то почувствовал. Нет. Я что-то увидел! Точно! Я опустил вилку, жадно жуя, повел глазами в проход, оценил покачивающуюся попку официантки – три из пяти – глянул чуть дальше, машинально оценил увиденное, но не придал значения. И отвел взгляд.

Точно!

Стоило вспомнить этот момент – и я сразу же вспомнил остальное.

Ничего особенного. Мелочи. Память услужливо начала подкидывать детали и мелочи. Перед глазами возникла отчетливейшая цветная картинка.

Я увидел соседнюю компанию. Нет, там не черви пировали. Там развалились вокруг невысокого столика орки и полурослики. Всего четыре мужика в возрасте где-то от тридцати пяти до пятидесяти. Две девушки – они помладше, но платным украшением стола и постели не выглядят. Сидят по-хозяйски, локти на коленях, одна лениво ковыряет ножом в зубах, другая тычет мясо огромным тесаком. Она уже сыта, просто ей нравится протыкать упругую жареную плоть острием. Стол богатый. Завален жареным мясом, заставлен бокалами и бутылками. Тут сидят обеспеченные низушки. Я бы даже сказал, богатые – одно мясо на столе потянет на три сотни солов, если грубо оценить объем. За весь стол отвалили не меньше пяти сотен солов. Бешеная сумма по меркам Окраины. Судя по тому, что они все сыты, а мяса еще много – голодать не привыкли, если вообще хоть когда-нибудь голодали.

Что еще?

Это волки. Мужики и девушки – неважно. Каждый выглядит бойцом, а не трудягой.

Одеты достойны, но неброско. Куртки, пара плащей, штаны, ботинки, тяжелые рюкзаки. Оружия не увидел – оно наверняка было в той прикрытой верхней одеждой куче у стены. Но ножи они оставили при себе. И шила на поясах – причем шила непростые. Качественнейший самодел. Взяли обычный стержень – такой вставляется в дубину – подточили, снабдили резной рукоятью и ременной петлей. Удобно, красиво, практично, вызывает уважение.

Сидящий у прохода широкоплечий мужик… вот об него и зацепился тогда мой взгляд. Ему около пятидесяти, правая щека в

частых шрамиках округлой формы – будто кто-то попытался перфорировать ее толстым шилом. Бейсболка прикрывает глаза. Но он как раз приподнял лицо, чтобы ответить что-то сидящей рядом девушке. И я увидел, куда он смотрит. А глядел мужик на сидящую к нему спиной Йорку. Если еще точнее – он не отрывал взгляда от ее правой руки, частично скрытой рукавом черной футболки.

Еще точнее – он глядел на новую приметную руку Йорки, сплошь покрытую непонятными татуировками.

И ведь примечательная деталь – сами ребятки были одеты так, что руки видны от запястья и ниже, штаны скрывают ноги, в вороте футболке видны шеи, само собой на виду и лица. Наколок я не заметил. То есть вроде бы ни у кого и малейшего намека на пятнающую кожу несмываемую краску.

Пристальный взгляд с огоньком узнавания – вот что я вчера заметил, но пропустил мимо сознания. Идиот. Напрягись я сразу, а не с запозданием в несколько часов – заметил бы куда больше важных деталей.

Либо я крупно ошибаюсь, либо тот мужик *узнал* новую руку Йорки.

И что дальше?

А ничего. Но присматривать за Йоркой стану в два раза пристальней. На всякий случай.

Текущее время: 05:55.

Попытался переключиться на грядущий день. Но в мозгу упорно всплывали картинки из вчерашнего дня и отрывки сновидения. Пришлось мотивировать себя просмотром интерфейса.

Статус.
Физическое состояние.
Финансы.
Задания.

Статус…

Номер: Одиннадцатый.

Ранг: Низший (добровольный).

Текущий статус: ОРН-Б (повышенное трехразовое питание, стандартное водоснабжение, стандартное дополнительное снабжение).

– Вот это интересно. – хмыкнул я, чувствуя, как возвращается хорошее настроение. – ОРН-Б? Боевой орк? Нет уж, я пока, пожалуй, останусь гоблином. Питание повышенное…

Изучил каждую строчку, задумчиво поскреб опять начавшую зарастать щетиной щеку. Пока не попробую и не пощупаю –

радоваться рановато. Но увиденное выглядит неплохо.

И снова все по машинному логично.

Бойцы нахаживают в день расстояния как минимум вдвое большие чем обычные работяги. Тем куда ходить? Проснуться, позавтракать, явиться на сегодняшнее место работ, выполнить норму, вернуться обратно в родную кляксу. Обед, болтовня, ужин, болтовня, сон. Стандартных питания и уколов вполне хватит для покрытия растраченной энергии. Заработок уходит на личные нужды – если ты орк, а не жалкий гоблин.

Бойцы же… Сначала надо выполнить задание рабочее – сходить на место работ и обратно – потом плестись километра два или три на патрулирование, к примеру, а потом может появиться еще одно срочное боевое задание. На все это нужны силы. Нужна бодрость. Желательна повышенная скорость восстановления.

А что у меня с бодростью и восстановлением?

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Дополнительная информация: борьба организма с последствиями острой интоксикации. Легкий токсикоз.

Сначала испугался. Но через секунду понял и с облегчением выдохнул – информация просто не обновилась. Организм не может сам себе сделать диагностику, а чтобы обновиться, – надо наведаться в ближайший медблок, заплатить сол и получить свежие данные.

Баланс: 38.

Четыре сола сняли за сегодняшнюю аренду комплекта конечностей.

Еще два – ночлег и душ. Не в крови же запекшейся спать.

Из девяти стопок первые три были бесплатно. Следующие шесть – по четыре сола за стопку.

Вот и поистратился. Но не переживаю по этому поводу. Будут задания – будут деньги.

Задание: Патруль.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 12:00. По двойному сигналу сменить предыдущий патруль.

Описание: Патрулирование 29-го магистрального коридора с 80-го по 110-ый участки. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: 29-ый магистральный коридор с 80-го по 110-ый участки.

Время выполнения: до 15:00, по двойному сигналу сдать смену прибывшему патрулю.

Награда: 45 солов.

Боевое задание расположено сверху – приоритет системой указан четко.

И снова двадцать девятый магистральный. Похоже, это самое проблемное место Окраины. Двадцать девятый, насколько я понял, идет гигантской дугой, проходя рядом с Гиблым Мостом мимо Зловонки и дальше – в места, о которых даже Баск не мог рассказать почти ничего. Лишь сказал, что где-то в районе семидесятого участка расположен КЛУКС-16, а если продвинуться еще километров на пять, уткнешься в КЛУКС-15, прозванный Чумной Кляксой. Давным-давно там случилась эпидемия, унесшая жизни нескольких сотен гоблинов. Система справилась далеко не сразу, но распространения не допустила – проходы были блокированы бронированными перегородками и боевыми звеньями, имевшими приказ стрелять по любому, кто приблизится на расстояние ближе тридцати шагов.

С каждым днем я узнаю больше о здешних местах и готов отдать должное – данные прозвища намертво оседают в памяти. Клукс-15, может, и не вспомнишь сразу, а вот Чумная Клякса – попробуй забудь. Для населения этой части Окраины названия «населенных пунктов» мало что значат – они далеко не путешествуют. Рабочее задание выдается с таким расчетом, чтобы трудяге не пришлось топать больше трех-четырех километров. Ну, может, пяти. И вряд ли прижившийся в семнадцатой кляксе гоблин вдруг решится пуститься в долгое путешествие только для того, чтобы поглазеть на внешне точно такую же пятнадцатую кляксу. Хотя на Гиблом Мосту, наверное, каждый побывал хотя бы раз – зрелище впечатляющее.

Задание: Доставка и установка блока.

Важные дополнительные детали: Получить блок у первого участка 30-го магистрального коридора у шестьдесят третьего во временной промежуток с 07:00 до 10:00. Приступить к доставке блоков. По пути не утерять блок, приглядывать за блоком, защищать блок, не доверять блок. По прибытию на место перед установкой блока (не ранее! Крайне важно!) изъять (извлечь, вытащить) из блока пластиковую предохранительную пластину. Блок вставлять правильной (красной) стороной в приемные отверстия 22-5, 22-6, 22-9 (214 коридор).

Описание: **Доставка и установка блока.**

Место выполнения: Зона 27, коридор 214.

Время выполнения: до 12:00.

Награда: 15 солов.

– Оп-па… – прочитав, помотал головой, прочитал еще раз.

Так…

Ну, разжевывание для дебилов налицо – система попыталась сделать текст как можно более понятным, хотя получился скорее обратный эффект. Хрен разберешься… Но отнестись надо предельно серьезно.

Задание новое. Подобного прежде еще не выполняли. Уверен – у остальных членов группы точно такие же задания. Итого – три блока. И настораживающе много упоминаний об этих блоках – не утерять, приглядывать, защищать блок, не доверять блок.

Защищать блок! Не доверять блок!

От кого защищать, блин?

Первый вопрос очевиден – что это за блоки такие? Но вряд ли мне кто-то ответит.

Насколько тяжелые? Неизвестно. Но вряд ли легкие. У меня и у Йорки есть рюкзаки. Немедленно надо получать рюкзак для зомби Баска, наскоро перекусывать, диагностироваться, колоться и выдвигаться. Оба сегодняшних задания завязаны на время. Я уже начал тосковать по столь милому «до вечернего сигнала окончания работ».

Первый участок тридцатого магистрального – у самого Гиблого Моста. Место, где вчера полегло четыре боевых орка.

Текущее время: 05:59

Из открывшейся капсулы выполз зомби. Уселся на пол, широко зевнул, натянул бейсболку, прикрывая изуродованное лицо. Наклонил голову. Слушает. Я дробно простучал по скамейке – три раза, пауза и еще три раза. Мягко встав, ощупав себя, скользнув руками по ложу капсулы, Баска зашагал ко мне. Капсула за его спиной закрылась. Теперь, если что-то в ней забыл, придется платить еще один сол.

Зомби уселся рядом.

– Утро, командир.

– Утро. – ответил я на приветствие и перевел взгляд на третью капсулу.

Текущее время: 06:01.

– Так, блин…

– Я сделаю.

– Буди безжалостно! – велел я. – По пути к соне проверяй интерфейс – сегодня задания необычные.

– Делаю.

Прочитав текст обоих заданий еще раз, похмыкал и занялся осмотром ран, тщательно оглядев и прощупав каждую заплату на

ногах. И принюхаться не забыл. Показалось? Или от рано явственно попахивает свежей свининкой? Страшно, гоблин? То-то же. Бойся, гоблин! Старайся, гоблин. Стал червем – превратился в потенциального поросенка. Только хрюкать и сможешь в загоне – без языка-то.

Убедившись, что все в порядке, встал, неспешно потянулся, внимательно прислушиваясь к ощущениям. Норма, выражаясь языком системы. Есть окостеневшие забитые мышцы, но их разомну по пути к торгспотам.

Третья капсула открылась. С протяжным зевком на пол вывалилась Йорка.

– Лопнуть и сдохнуть! Рань какая! Может, еще минуток со…

– Через две минуты выдвигаемся! – не дал я шанса на переговоры. – Читаем тексты заданий – и вперед! Времени в обрез, бойцы. Кому неохота трудиться – пусть трижды хрюкнет и представит себя бифштексом. Сразу захочется.

– Оди! Фу! Это неспортивно, гоблин! Я готова.

– Проверь капсулу. – тихо посоветовал зомби Баск.

– О черт! Точно – шило забыла. Все, теперь точно готова!

– Двинулись…

Завтрак нас поразил. Всех троих. Мы с Йоркой пораженно пялились, Баск с удивленным недоверием ощупывал и покачивал на ладони выданный системой паек. Новые пищевые брикеты. Они были крупнее процентов на тридцать обычного завтрака – того, что получают рабочие зомби, гоблины и орки. Но главное – они были *тяжелее*. Реально тяжелее. Сразу верилось – вот в этот брикет действительно впрессовали многое. Меньшая пористость, более сильный запах, увесистость, объем. При этом цена осталась прежней – сол. Удивительные ощущения. Раньше тебе за эти деньги давали черствый кусок хлеба, а теперь – горячий тост с маслом и колбасой.

– Чтоб всегда так жить. – удивительно тихо и нежно произнесла Йорка, ласково баюкая брикет в ладонях.

Пришлось рыкнуть:

– Может, еще колыбельную ему споешь? А ну все за еду!

Подавая пример, первым откусил солидный кусок. Пока жевал, мысленно прогнал перед глазами ассортимент пищевых торгспотов. Я вроде видел в них увеличенные пищевые брикеты. И цена у них была иная. Три сола за брикет – в три раза выше той суммы, что сняли у меня с баланса. Вкус брикета оказался куда более насыщенным. Но все так же непонятным – солоноватое приятное что-то.

Закончив с завтраком, зыркнул на бойцов и заворчал злым

орком:

– Куда?! Доесть до крошки!

– Оди! На потом! – воспротивилась Йорка, пойманная на горячем – прятала добрую половину брикета в поясную сумку.

– Ты мне свои гоблинские привычки брось! – надавил я. – Хватит обглоданные кости по углам закапывать. Баск! И тебя касается. Куда четвертушку прячешь?

– Тоже привычка, – смущенно отозвался зомби. – Раньше не каждый день еда в руки попадала. Специально за рационом не ходил – чтобы долги не увеличивать. Грыз брикеты по крошке. Рассасывал под языком по грамму – из-под языка, говорят, сразу в мозг и кровь все уходит.

– Не особо уходит! Эти времена прошли! – отрезал я. – Я вам не советую, я вас не прошу, я даже не требую. Я отдаю четкое и обязательное к исполнению распоряжение – завтрак, обед и ужин съедать до крошки сразу же! Каждая крошка – сколько-то калорий. А это восстановление, бодрость, запас энергии. Дольше пройдем или пробежим, быстрей выполним работу, при необходимости выдержим затяжную драку или убежим от слишком сильного врага. Без энергии в крови всего этого не сделать. Жуйте!

– Йесть!

– Как-как?

– Ну слова «йес» и «есть» вместе. Круто же? Йесть съесть все до крошки!

– Знать бы еще, на каком языке мы разговариваем, – вздохнул я, одобрительно глядя, как бойцы доедают брикеты.

– На нашем, – пожала плечами Йорка. Баск согласно кивнул.

«На нашем» … и что это за ответ? Но я сам не могу ответить на этот вопрос.

Покончив с завтраком, выдвинулись в дорогу. Я чуть отстал, оглядел команду. Вздохнул еще тяжелее, горестно покрутив головой. Идут, блин… сгорбились, руки по локоть в карманах, головы опущены, загребают ногами, зевают через каждые три шага, жадно посматривают на каждую встречную скамейку – сесть бы сейчас, а еще лучше, лечь и не спеша переваривать завтрак… Это не бойцы. Нет. Это… это один в один те зомби, что каждый день собираются на семнадцатом перекрестке и валяются там тюленями в ожидании какой-нибудь работенки.

– Йорка берется за дубинку, – ласково произнес я, – левой рукой. Через каждые десять шагов отрабатывает простенькую связку.

– Оди!…

– Тихо!

– Йесть…

– Держи шило. Теперь оно твое. И всегда должно быть в полное порядке и под рукой. Глядя на него, что видишь?

– Чистенькое, блестящее…

– Именно. Пусть так и будет. Баск – это и тебя касается.

– Понял.

– Йорка, шило за ремень поясной сумки так, чтобы жало тебя в пузо не тыкало, когда сгибаешься! А если придется резко сесть или нагнуться внезапно? Сама себе шилохири сделаешь?!

– Лопнуть и сдохнуть! Что сделаю?!

– В сторону чуть шило. Смести к боку. Но чтобы правой рукой можно было моментом выхватить. Потренируйся. Ага… видишь – неудобно, слишком долгое движение. Должно быть максимальном коротким. Да, вот теперь хорошо. Теперь поясняю и показываю. Сначала на словах, затем раза три покажу. Связка тебе частично знакома, но с добавлениями. Сорвать дубину с пояса левой рукой, выхватить из-за пояса шило, на подшаге вперед дубину поднимаешь, резко опускаешь. Плукс пришпилен. Удерживая дубину, опускаешься на левое колено, быстро и сильно бьешь шилом трижды – раз, два, три!

– Вот на меня сейчас смотреть будут как на…

– Как на кого? – поинтересовался я ласково.

– Э-э… как на того, кому надо завидовать!

– То-то же. Давай сюда дубину и шило. Показываю… – встав, повернулся к Йорке: – Уловила?

– Нет, конечно! Так быстро!

– Быстро? Ну нет – я делал все медленно, – не согласился я. – Текущая физика не позволяет большего пока.

– Физика? – переспросил Баск.

– Физическое состояние тела, – с готовностью пояснил я. – Совокупность гибкости, силы, координированности. Так что готовьтесь, бойцы, – с этого дня нагрузки пойдут по нарастающей. Для чего? Чтобы не сдохнуть в тяжелой ситуации. Чтобы вывернуться, выжить, да еще и победить – и гордо вернуться. Йорка! Приступай!

– Йесть!

– Баск. Твоя очередь. Ты слепой, в курсе?

– Ну… к-хм… догадываюсь, что слепой. – кашлянул зомби. – Почти слепой.

– Но ты постоянно скрываешь признаки ущербности – козырек на глаза натягиваешь так, что только подбородок и видно. Так дело не пойдет.

– Ну ему же так легче. – возразила Йорка.

– Связку! Через каждый седьмой шаг!

– Ой! Сдохну! Сдохну и лопну, Оди! Прости меня! Делай с зомби что хочешь!

– Баск, у тебя неверный подход к своим недостаткам. Ты их маскируешь, а надо гордо выставлять напоказ и превращать недостатки в достоинства.

– Слепоту в достоинство, командир?

– Тяжеловатая задача. – согласился я. – Но речь пока о твоих жутких шрамах и пустой глазнице. Прямо-таки напоказ их выставлять глупо, но надо сделать так, чтобы любой зрячий встречный сразу видел – перед ним слепошара. Беспомощный слепошарый зомби. Что это нам даст?

– Ну…

– Многое. В случае стычки с гоблинами и орками, а не плуксами, атакующий, увидев твою незрячесть, либо проигнорирует тебя как незначительную угрозу, пройдя мимо, либо же, наоборот, – первым делом решит пришлепнуть самую легкую цель. В обоих случаях у тебя открывается огромный тактический простор с настолько шикарной вариативностью действий, что лучше бывает только в сказках…

– Огромный тактический простор с шикарной вариативностью действий. – завороженно повторил Баск, часто закивав и поднимая козырек бейсболки на пару сантиметров. – Я слушаю очень внимательно, командир…

– Огромный тактический простор с шикарной варюат… вареа… Да вы… гоблины вы! – припечатала Йорка и, не дожидаясь моего окрика, начала связку. Проследив за ней, дал пару поправок и вернулся к разговору с Баском:

– Сейчас покажу тебе первый удар шилом. Удар подлый, быстрый, незаметный, идеальный для отработки по почти вплотную стоящему противнику. Удар дробный, сразу предупреждаю! Вытащил – воткнул, вытащил – воткнул. Чтобы не было такого – воткнул шило и радостно лыбишься, думая, что уже все кончено.

– Понял.

– Назовем этот удар – «Кто тут?»

– Гениально. – зафыркала Йорка, успевшая отработать связку уже трижды. Куда только делась ее недавняя вялость – от нее прет волна бодрости. Глаза сверкают, плечи расправлены, руки напряжены…

Не обращая внимания на сарказм, начал пояснять, взяв левую руку Баска и водя ей в пространстве:

– К тебе подходит гарантировано нехорошая личность. Предположим, подходит громко, что-то говорит, смеется, подходит без опаски – потому что ты беспомощный слепошара.

Что ты делаешь? Тут просто – поняв, что он в шаге от тебя, робко и неуверенно вытягиваешь дрожащую левую ручонку, тянешь ладошку в попытке нащупать любую часть его тела. Кто тут? Тут кто-то есть? Ау? Как нащупал, к примеру, плечо – в голове сразу возникнет картинка его тела, примерное сложение, положение в пространстве. Но не торопись! Быстро скользишь рукой по его плечу, груди, плечам – зависит от выбора цели удара. Как понял, что он не прикрыт защитой, рукой-щупом крепко хватаешься за то же плечо, дергаешь к себе и сам подаешься вперед и тут же бьешь вот так! – перехватив его правую руку, дернул ей, нанес удар. – Это если по животу. Вот так по шее справа-налево. Отработай эти два удара. Суть не в силе, а в скорости. Действуй. Ошибки будут, но это ерунда, научишься. Следи за выражением своего лица – на нем должна быть не агрессия, а чуть испуганная беспомощность. Мышцы лица расслаблены, рот приоткрыт. Враг должен отчетливо видеть – этого слепошару я могу раз пять поиметь, а он и заметит-то не сразу.

– Понял! – козырек бейсболки поднялся еще на сантиметр.

Показались во всей красе исполосовавшие его лицо жуткие шрамы, зияющая пустотой глазница, побелевшее и полускрытое изуродованным веком второе глазное яблоко.

– Вот так и ходи. – одобрил я. – Если дискомфорт слишком сильный – сделаем повязку и чуть поднимем ее с одного края. Она закроет глаза, но при этом, в отличии от бейсболки, не скроет факт твоей слепоты, а даже подчеркнет ее.

– Я сделаю! – вызвалась напарница.

– Отлично. А теперь продолжаем отработку! И я тоже…

Колени… ступни… да и общее состояние ног меня не удовлетворяло.

Волка ноги кормят. В моем случае я казался сам себе хромой улиткой. Ноги едва держали меня в выпадах и глубоких приседаниях. О более сложных движениях и речи не было – просто рухну. Вот ногами и займусь, благо сделанная диагностика выдала оптимистичный лаконичный прогноз:

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Дополнительная информация: Легкий токсикоз.

Легкий токсикоз – тут грешу на вчерашнее самогонное возлияние. Хотя может, и остатки плуксового яда в крови до сих пор бродят.

Общее состояние – норма. И плевать, что у меня до сих пор раны на ногах и локоть толком не работает. Но укол лекарства мне сделали.

А еще система начала выдавать описанное «дополнительное снабжение», положенное нам по статусу боевых орков. Первый подарок был влит прямо в вену – дополнительные витамины. А за вторым отправили к ближайшим торговым автоматам. Туда мы и двигались – зомби колет шилом, гоблинша пыхтит с дубиной, а я… а я делаю глубокие выпады.

Боец без сильных выносливых ног… это просто мясо, кусок свинины, которую быстро отобьют до нежной мягкости, слегка обжарят и со вкусом сожрут, не забыв облизать когтистые пальцы.

В оружейном торгспоте я потратил девятнадцать солов. Десять на дубину, четыре на стержни-шипы к ней и еще пять отдал за шило. Не забыв отломать вредительское крепление на дубине, снабдил ее шипами, повесил на ремень поясной сумки. Пару раз снял и взмахнул для пробы. Шило повисло с другой стороны. Вот теперь и я вооружен относительно неплохо. Прошелся глазами по электрошокерам. Жадно облизал взглядом ножи – самый дешевый стоил семьдесят пять солов. А самый дешевый электрошокер – сто двадцать солов. И выглядел он не слишком мощным. Цены бешеные. Не могу судить по электрошокерам – хотя грамотно пользоваться ими вроде как умею – но почему настолько дорогие ножи? Разве нож с пластиковой рукоятью и средней длины и ширины лезвием может стоить семьдесят пять солов? Гоблин никогда не купит такую игрушку. Максимум скопит на шило или дубину. Орк… экономя и трудясь, приобретет. И постоянно будет бояться потерять такую дорогую игрушку. Да и сам нож – лезвие не выглядит достаточно прочным. Штамповка низкого качества. Хорошо, когда вся торговля сосредоточена в одних руках – система может устанавливать любые цены и не бояться конкуренции.

Снова вспомнилась та вчерашняя компания по соседству. Девица тыкала в мясо здоровенным ножом, считай тесаком, что слишком велик для ее руки и комплекции. Чистые понты, и чтобы «выглядело зачетно» … И сколько может стоить такой тесак? Оглядел ассортимент оружейного торгоспота, но столь большого ножа не обнаружил. Здесь самый дорогой стоил триста солов ровно и в размерах был меньше.

Опять я почти нищий. Ну и ладно. Тратим дальше. Купил четыре таблетки «шизы», тут же вручив каждому по одной. Крутнул витрину дальше. Глянул ниже. И приобрел на оставшиеся десять солов две небольшие упаковки медицинского

клея БФ-22М. Одну отдал Йорке, велев не жалеть и прямо сейчас замазать все открытые ссадины и порезы. Заодно попросил осмотреть Баска. Попросил и тут же пожалел – Йорка с энтузиазмом принялась крутить бедного зомби как куклу, тормошить, заглядывать под футболку, с ехидцей спрашивать все ли в порядке под штанишками. Смущающийся Баск покорился неизбежному и позволил обмазать себя клеем. Я тоже прошелся по себе, закупорив несколько ранее обнаруженных ссадин. Задумчиво взвесил на руке упаковку БФ-22М. Пять солов. Белая квадратная пятидесятиграммовая упаковка с завинчивающимся колпачком. Удобно переносить. Дизайн продуман. Хм…

– Что ты на него смотришь? – поинтересовалась Йорка.

– Он вроде как неплохо горит. – ответил я, убирая клей в поясную сумку.

Баланс: 0.

Повозившись у торгспота, Йорка протянула мне руку и потребовала:

– Ладонь гоблинскую подать!

Удивленно подал. И мне на ладонь легло пять таблеток шизы и пять красных таблеток КРФР.

– Красные – красный фрукт. – пояснила девушка. – Все твое!

– И вот…

Баск протянул в пространство руку с четырьмя таблетками и двумя парами серых перчаток. Вытянутая чуть дрожащая рука, жалобное и беспомощное выражение нечастного слепца…

– Отлично! – одобрил я. – Выражение лица идеальное.

– Стараюсь. Забирай, командир. Йорка, ты тоже.

Сгреб две таблетки шизы и пару перчаток. Убирая подарки во внешний карман рюкзака, покачал головой.

– А чего?! – сразу перешла в атаку Йорка, заметив мое неодобрение. – Ты один стараться за всех должен? Поможем, чем сможем! Мы с Баском уже решили!

– Поможем, чем сможем! – подтвердил зомби. – Не обижай. Мы команда.

– Принято. – вздохнул я. – Вот до чего доводит демократия и расовая терпимость к зомби… Нежить в резервацию! Изгнать гоблинов в Чумную Кляксу! И заодно получить дополнительное снабжение! Где оно, кстати?

Нужный нам торговый аппарат выглядел как серый безликий ящик с идущий поверху надписью «ОРН-Б». Квадратик сенсора, закрытая заслонка выдачи. Никакой витрины. Вплотную к нашему автомату стоит еще один. В размерах чуть больше, цвет синий, поверху надпись: «ПРН-Б». Вот чудится мне, что там подарки покачественней будут…

Я прижал палец первым.

Дополнительное снабжение произведено (ОРН-Б).

Сообщение неожиданно, но как всегда лаконично. Заслонка лязгнула, автомат выплюнул… две пары длинных черных носков и большую оранжевую таблетку. Принял дар. Отошел, пропуская Баска.

Так…

Носки – это понятно. Боевого орка ноги кормят.

Таблетка… крутнул оранжевый кругляш в руке и не удержался. На одной стороне мелко написано черным «Энергия. ЭТ-М-2». На другой стороне тоже черным и очень крупно «СОСАТЬ!»

– Прекрасная инструкция. – всхлипнув, утер слезы восторга. – Как четко, коротко и ясно! Потрясающе! Уф… кому что дали? Зомби?

– Пару носков, пару трусов, таблетку какую-то. Не вижу же.

Ну да. Система не пояснила. Так вот получишь таблетку и решишь – сосать надо! А окажется, что плуксам задницу ими натирать следует…

– У тебя шиза! – помогла Йорка зомби. – Мне дали белье – верх и низ. Спортивные. И таблетку энергетическую. К-хм… написали, так написали…

– Неплохо. – подытожил я. – И, вроде как, каждый день подарки выбирают по принципу генератора случайных чисел. На общую сумму… где-то от трех до шести солов? Плюс минус…

– Примерно так получается. – кивнул Баск.

– Ну все. Выдвигаемся к тридцатому магистральному. По пути тренируемся – на каждом сотом шаге.

– Я могу чаще! – удивленно заметила Йорка. – На каждом пятидесятом?

– И я!

– На каждом сотом. – покачал я головой и пояснил: – День только начался. Так что побережем силы. А то под вечер придется строго следовать оранжевой таблеточной инструкции, чтобы суметь добраться до капсул. Будем идти и дружно…

– Что делать? – озадаченно спросил зомби, не дождавшись ответа. – Что будем дружно делать по оранжевой таблеточной инструкции? М? Оди? Йорка? Чего молчите? Что мы будем дружно делать под вечер?

* * *

Задание: Доставка и установка блока.

Важные дополнительные детали: Получить блок у первого участка 30-го магистрального коридора у шестьдесят третьего во временной промежуток с 07:00 до 10:00.

Текущее время: 07:04.

Пройдя по двадцать девятому, добрались до поворота в тридцатый. Еще двести метров – и Гиблый Мост. До места вчерашнего боя шагов двадцать. Но я остановился сам и остановил группу перед самым поворотом в тридцатый.

Что-то тут не так…

Секунда. Другая. Я двигаюсь дальше, жестом даю знать Йорке, что с расспросами пока надо погодить. Девочка умница – понятливо кивнула, толчком в плечо чуть подправила направление Баска, спокойно зашагала с ним рядом. Треугольником – я во главе – дошли до поворота в обычном темпе ленивых трудяг. Но это ноги лениво шагали. Глазами же я водил по сторонам с жадной пытливостью подростка, впервые в жизни открывшего разворот премиального выпуска журнала для взрослых. Сколько тут всего интересного…

Глаза фиксировали. Мозг сортировал, быстро клея каждой увиденной личности-фигуре или группе свой ярлык.

Группа. Сектанты. Мрачные полурослики, которым система поручили детективное расследования жирного Джонни. Стоят посреди перекрестка, угрюмо смотрят в глубину тридцатого магистрального. Они очень недовольны, корчат суровые неодобрительные гримасы, руки лежат на дубинках, но… никто ничего не делает. Просто стоят.

Толпа. Вместе и порознь. Около сорока рыл. Судя по поведению, любопытному выражению лиц и общей нейтральности – просто зеваки. Зомби, гоблины, орки, а если судить по одежде – то и две небольшие группы полурослико. Стоят у дальней стены двадцать девятого коридора, тоже смотрят в тридцатый, перед ними сектанты-полурослики. Никто ничего не делает. Стоят, переговариваются.

Большая группа. Вместе и порознь. До пятнадцать рыл. Орки и полурослики. Толпа состоит из четырех-пяти групп. Это сразу бросается в глаза – кто с кем кучкуется, одинаковые элементы предметов и цветов одежды. Я бы сказал, что здесь пять групп. В каждой по трое. Как интересно… нас вот тоже трое. Главное впечатление от этой толпы – они напуганы. Топчутся на месте. Порываются в тридцатый магистральный. Но при этом не пересекают незримую черту. Все они пребывают в нетерпении, поглядывают на потолок, будто надеясь получить защиту. Второе впечатления – это усердные работяги, среди них нет никого ниже орков, большая их часть давно пребывает в статусе полурослико.

Неплохо одеты, обуты, снаряжены.

Так…

И что же тут такое?

Если взять все три группы и выстроить их в одну линию по направлению к тридцатому магистральному коридору, то получится странная карта эмоций и количества.

Толпа любопытных и одновременно безразличных зевак.

Четверо – трое старых знакомых плюс еще один новенький – полуросликов «детективов» верующих в Мать. Очень сердиты, напоказ сердиты. И при этом пассивны.

Четыре-пять нетерпеливых и при этом испуганных рабочих групп.

И что эта композиция «Любопытные, Злые и Напуганные» означает?

Мы почти дошли до «Напуганных», когда от них нерешительно отделилась тройка полуросликов, сделала несколько шагов и свернула в тридцатый. Самые храбрые из трусов отпочковались и двинулись навстречу… чему? Тут же оживились «Сердитые». Их главный поднял руки и громким торжественным басом заявил:

– Нельзя на пути Матери становиться! Нельзя мешать ей! Она заботится о нас!

Мужик, ты серьезно? Возомнил себя на театральных подмостках? Или считаешь себя кем-то вроде проповедника?

Едва завопил сектант, сразу заволновались «Любопытные», подались чуть вперед, жадно уставились в тридцатый.

Я теперь тоже волнуюсь и мне тоже очень любопытно…

Мы быстро миновали уставившихся на нас «Напуганных».

– У этих тоже доставка?

– Спроси у них!

– Остановите их, они же не знают…

– Орки! Это же Оди!

– А этот вообще слепой…

– Так у них доставка?

Мы свернули. Подавшись чуть вперед, жадно впился взглядом в пространство коридора. Чего тут происходит? Перед нами, шагах в семи, медленно и нерешительно шагает тройка полуросликов. Состав чисто женский. В глаза бросилась незначительная деталь – у всех троих ухоженные хорошо расчесанные волосы собраны в хвосты. От стены перед тройкой лениво отлепился широкоплечий здоровяк, сплюнул под ноги, упер руки в бока, вежливо спросил:

– Куда претесь, сучки? Доставка блоков? И говорите быстро, – детина поразил меня удивительнейшим жестом, щелкнул себя по

скрытому штанами бугру члена, – а то втроем моего зверя унимать будете лаской!

Как красиво сказано…

– Мы… – робко начала одна из тройки.

Я остановился, прижался к стене, чуть присел. Почувствовал, как за мной пристроилась таким же макаром Йорка, успевшая толкнуть за себя Баска.

Что за хрень тут происходит?

Из-за спины здоровяка – да это же Барс! – выскочила Букса, глянула на потолок и тут же нанесла удар кулаком в горло заговорившей. Сразу ясно – удар непоставленный, слабый. Но полуослик отшатнулась, схватилась за горло, захрипела, сделала шаг назад. Закивала. Да, доставка.

– Доставка, значит, – кивнул Барс. – Блоки не донесете, сучки! По дороге их у вас заберут. Кто спросит – скажете, потеряли, а где не знаете. Всосала?

– Так нельзя…

Быстрый взгляд на потолок. И через мгновение мы стали свидетелем звериной жестокости – от Буксы прилетел плевок в лицо хнычущей девчонки, еще один удар в горло, а следом Барс, схватив жертву за голову, с силой ударил ею о стену. Бам-м-м… Вскрик, еще удар в живот, полуослик рухнула навзничь на руки подруг, что оттащили ее назад и, развернувшись, торопливо пронесли мимо нас. Я опустил голову, пряча лицо – не от них, от Барса.

– Либо так – либо никак, сучки! – крикнул Барс, снова прислоняясь плечом к стене. Букса повернулась к нему, оба залились веселым смехом, последовал смачный долгий поцелуй – не вижу сзади, но, наверное, с языком.

Два шага, и я за Буксой.

– Не так ты головами о стены бьешь, Барс, – посетовал я с глубоким вздохом.

Вздрогнувшая парочка с мокрым чавком распалась, Букса начала оборачиваться. Плевок в лицо, ладонь на голову и резкий рывок. Б-А-М! Коротко, сильно, с чувством! И еще раз! Теперь лицом! Б-А-М! Тварь рухнула, я радостно улыбнулся:

– Вот как надо бить, котик.

– Ты!

– Ага, – согласился я, успев опустить руку на дубину и, не снимая ее с пояса, просто резко нажал на рукоять. Шипастый конец по дуге взлетел вверх, войдя аккурат между широко расставленными ногами Барса. Почти одновременно с этим мое шило ударило его в лицо, вспоров щеку и насквозь пробив нос – на сантиметр ниже глаз, там, где хрящи. Нажать на дубину, шипы

входят в такую мягкую-мягкую плоть. Шило на себя.

– А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А! Ха… ха…. А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Согнувшийся и при этом вставший на цыпочки Барс жалок. Он танцует. Перебирает ножками, льются на чистый пол первые капли крови.

– Заткнись! – еще рывок шилом.

– А-ГХ-Х-Х-Х-Х!

– Заткнись! – нажать на дубину.

И тишина… такая приятная тишина…

– Постой так. – попросил, глядя в глаза Барса и, вспомнив, плюнул ему в лицо – Совсем забыл – вы же так здороваетесь, да? Привет тебе, гнида!

Тишина… льется из пробитой шипами промежности кровь. И не только кровь – жидковатая больно. Вместе с мочой. Котик описался…

Повернул голову, мимо замершей в готовности своей группы посмотрел на перекресток. Наткнулся взглядом на главного сектанта. С пару секунд мы смотрели друг на друга, после чего он демонстративно заложил руки за спину и громогласно объявил:

– Я ничего не вижу! Мы ничего не видим! Око Матери будет здесь через четыре минуты.

Кивнув, повернулся снова к Барсу, продолжая удерживать его на шиле и шипах дубины.

– У нас еще четыре минуты радости, котик. Хочешь, я сильнее поглажу твоего барса? Ты же так этого хотел… приласкать? Унять твоего зверя лаской? А то мне так страшно – вдруг он зарычит и бросится на меня? Давай я ласково приласкаю. Тебе, может, даже понравится…

– Нет… нет… пожалуйста, не спеши… не спеши… – зачастил истекающий кровью парень.

– Странно слышать такие слова от парня. – признался я. – А ты еще так близко…

– Послушай… послушай… просто предложили… шанс… раньше это делал Джонни Лев…

– Прошлое не оставляет меня. – скривился я и, глянув вниз, прервал парня: – Стой… ты не против, если я ударю твою девушку пяткой в ухо? А то она уже шевелится… а мне так хочется кому-то сделать больно…

– Не надо, о… одиннадцатый… не надо…

– Тогда тебе дубину засажу поглубже, да?

Решение было принято мгновенно:

– Н-нет… можно ее…

– Спасибо, что разрешил. – благодарю я и резко опускаю пятку на ухо начавшей ворочаться Буксы. Удар ноги, голова

бьется о пол. Нокаут.

Подняв глаза, спросил:

– Кто вам предложил?

– Послушай…

– Кто предложил, тварь! – лязгнувшая в голосе сталь заставила Барса сжаться, и он тут же охнул от боли. – Говори! У меня твой хер на вилку наколот! Один рывок, сука, один рывок, и твой вонючий зверек без всякой ласки повиснет на моей дубине! А потом ты его у меня сожрешь – прямо с дубины! И дубину оближешь! Кто?!

– Я не знаю! НЕ ЗНАЮ! Они городские! Приехали вчера. Ночью явились пьяные! Искали Джонни – он не пришел навстречу! Нашли меня! Сказали, что делать – бить и пугать, проверять номера по списку, что мне дали. Я еще не прочел весь… ты там, да? Там, да? С-сука, если бы я знал…

– То позвал бы дружков с дубинами? – предположил я, и этот дебил согласно моргнул, шевельнул губами:

– Аг-га… А-А-А-А-А-А-А!

– Список! Сюда дал!

– Н-на! На! Вот!

Мне протянули крохотную пластиковую пластинку. Увидел столбец номеров.

– Йорка!

Чуть пригнулся. Вытянувшая над моим плечом руку Йорка забрала табличку, отступила. Выпрямившись, спросил:

– Сколько их? Городских.

– Шестеро! Шестеро! Мужики! И две девки! Опасные девки!

Дерьмо…

– С ножами? – бросил я наугад.

– Да! Да! Одна все время нож крутит. Они и сказали – пугать! Бить! Главное – не пропускать всю толпу сразу, пусть проходят по двое и трое, берут блоки и уходят. Следующих пускать через двадцать минут. Стараться выбить согласие отдать блоки. Если не согласятся – бить сильнее, потом пропускать. Такой уговор! Нам всего-то сто солов и два тяжелых шила пообещали!

– Хорошо. – кивнул я. – Они что-нибудь спрашивали?

– Н-нет… – и глаза ушли в сторону.

Рывок.

– О-О-О-О!

– В следующий раз я проверну дубину. – шипяще пообещал я. – Проверну так, сука, чтобы вывороти тебе яйца вместе с мочевым пузырем! Не ври мне! Что они спрашивали?

– Про девку в черной футболке! С расписанной правой рукой! Кто такая, где можно найти, одиночка или ходит под кем-то,

какой номер, где чаще всего спит, какой уровень и в чем замечена!

– А ты что?

– Я знать о такой не знаю! Обещали узнать!

– Еще что-нибудь?

– Нет, клянусь! Нет!

– Подаришь мне свою соску? – спросил я, глянув на Буксу.

Ого… она почти пришла в себя. Моргает глазами, начала подбирать под себя ноги. Затаилась, пытается преодолеть боль и головокружение. Кровь и моча Барса залила ей лицо и шею.

– Я с ней поиграю пару ночей – и верну. – продолжил я. – Тебе-то долго еще зверьком пользоваться не придется. Что скажешь, Барс?

– Бери… – выдохнул тот.

– Спасибо. – улыбнулся я и выдернул дубину. Чуть опустив рукоять шила, рывком выдернул и его, причинив дополнительную боль. И резко ударил. Шилом. В печень. Короткий быстрый удар. Раз! И выдернуть.

Охнувший Барс согнулся. Схватился рукой за живот, другую бережно приложил к пробитой промежности. Наклонившись, я прошептал:

– Я убью тебя. Обязательно убью. А теперь беги, крыса. Я пробил тебе печень, но, может, промазал и задел печеночную артерию. Беги, крыса, беги!

И Барс побежал. Согнувшись, крича, он тяжело побежал. Домчался до перекрестка, свернул. Исчез из виду. Я глянул вниз. Размазывая по лицу кровь и мочу, Букса плакала. Слезы оставляли белые дорожки на щеке, скользили по носу. Присев, задумчиво причмокнул губами, медленно произнес:

– Бить головами о стены – можно и нужно. Но не без действительно веской причины. И главное – выбирай мудро того, кого станешь называть своим барсом. Не спутай трусливую мусорную крысу с благородным хищником. Зверь за тебя жизнь отдаст. А тварь вроде этой – продаст, не торгуясь. У тебя сотрясение. Не слишком тяжелое. С ухом все в порядке – ударил резко, но не сильно. Как встанешь, дойди до медблока. А потом хорошенько подумай о том, как жить дальше.

Не дожидаясь ответа, встал и пошел вперед – к Гиблому Мосту. Молчащая группа зашагала следом. Тишину нарушил Баск:

– Как я жалею, что не увидел этого…

– А я вот жалею! – булькнула Йорка. – Шипами в я… я…

– Яйца. – буркнул я. – И поглубже. Под шкурой барса жалкий слизняк… тьфу!

– Слышу много шагов. – оповестил зомби.

Я оборачиваться не стал. Зато это сделала Йорка.

– О! За нами идут. Та толпучка, мимо которой мы прошли! У них тоже задания?

– Ага. – мрачно кивнул я.

– Оди! Вспомнила! Что этот гад говорил про расписную руку и девку в черной футболке?! Жуть! Городские спрашивали обо мне? Да я ничего не делала!

– Ты – ничего. – согласился я. – А вот система сделала – похоже, отдала тебе ту руку, что не следовало. Расслабься, гоблин.

– Да лопнуть и сдохнуть! И что теперь?!

– Теперь – все по порядку. Сначала осматриваемся. Берем задание. Возвращаемся на перекресток и думаем думу тяжкую – как обойти городских.

– Они отрежут мне руку?

– Да не о ней сейчас речь, гоблин! Они явились сюда за блоками! Хрен его знает, зачем они им. Но они сделают все, чтобы мы не выполнили наше задание.

– Так, может, и к черту?

– Разберемся. – ответил я. – Разберемся. Главное, не мельтешить. Что там с номерами?

– Вот, – сообразила Йорка, протянув табличку. – Мы внизу.

Номера незнакомые. Скользнул ниже. Три последние номера – наши. Откуда подобная информация у городских? Им докладывает система? Сомневаюсь.

Кто еще может знать номера тех, кому выдали задание по доставке блоков?

А что тут думать – наши номера обязан знать тот, кто эти самые блоки отдает выбранным для задания. Тот, чей номер указан в тексте нашего задания:

Важные дополнительные детали: Получить блок у первого участка 30-го магистрального коридора у **шестьдесят третьего** во временной промежуток с 07:00 до 10:00

Шестьдесят третий. Это ты крыса, сдающая информацию налево? Ты самый очевидный вариант. Едва подумал об этом – и мы покинули тридцатый магистральный, оказавшись у начала Гиблого Моста.

Что ж – мы на месте.

Искать шестьдесят третьего не пришлось. На стальной полосе Гиблого Моста стояло нечто, что с огромной натяжкой можно было назвать самоходным вагоном, жестоко изуродованным вандалами, а затем изукрашенным безумными граффити. Стекла выбиты, освещение демонтировано. Жалкий остов на восьми

стальных колесах, покрытых не слишком толстым слоем пластика.

Перед вагоном, широко расставив ноги, заложив левую руку за спину, стоял мужик в длинном кожаном оранжевом плаще. Черные штаны, красная футболка, красная бандана, брутальная небритость, на груди золотое украшение на толстой цепи – «63». На переносице солнцезащитные очки в металлической оправе. Правая рука ходит вверх-вниз – мужик ловко подбрасывает и ловит пару больших таблеток. Красную и синюю.

– Избранные для доставки? – деланно скучающе спрашивает он

– Избранные. – киваю я и бросаю короткий взгляд на таблетки. – А что? Предлагаешь сделать выбор, что ли? Съем синюю – ты дашь мне блоки, и мы расстанемся. Съем красную – и перед тем, как отдать нам блоки, ты признаешься, что сдал наши номера тем тварям, что собираются устроить на нас охоту?

Рука вздрогнула. Таблетки пролетели мимо ладони и упали на пол. Синяя осталась лежать. Красная же, встав на ребро, прокатилась до края Моста и сорвалась, упав в Стылую Клоаку.

– Вот и нет больше выбора. – улыбнулся я.

– Ты что несешь?! А? Гоблин!

А сколько гнева в ревущем голосе. И сколько испуга… неожиданного и постыдного. Такой неловкий испуг испытывает взрослый мужчина, перепугавшийся внезапно выскочившей из подворотни собачонки.

– Чего так испугался-то? – продолжаю я улыбаться. – Ты будто седой дедуля, пойманный внучкой за рукоблудием во время просмотра комедии «Старые стервы в раю».

– Что несешь?!

– Блок давай. – буркнул я, убирая улыбку и оттягивая ворот футболки. – Номер одиннадцатый. Блок мне!

– Ты не сильно рот раз…

– Блок давай! – рявкнул я, глядя на мужика с нескрываемым отвращением. Так смотрят на вывалившееся из пакета собачье дерьмо.

– Ты это…

– Отказываешься дать блок? – прервал я его и поднял лицо к потолку.

Прямо над нами висела огромная покосившаяся полусфера системы.

– С-сука! Я тебя запомнил! Сейчас принесу!

– Три блока! – добавил я, и Йорка с Баском продемонстрировали номера.

Шестьдесят третий глянул на номера, круто развернулся и

утопал, чеканя каждый шаг черными ботинками. Держится грозно. Держится серьезно. Вот только это не так – очередная пешка в ярком оранжевом плаще. Пешка удивительно неплохо зарабатывающая и, судя по куче признаков, находящаяся на хорошем счету у ничего не подозревающей системы. А ей бы стоило озаботиться подозрениями – эта тварь в ярком плаще подставляла и ее, и простых работяг, старающихся выжить и заработать на черный день.

Шестьдесят третий сраный номер не может не знать – система не прощает провала заданий. Не доставил блоков – получи откат статуса! Был полурослико́м? Вернись к оркам! Был орком? Тебе пора в гоблины. Был гоблином? Тебе облегченку, за которую почти ничего не платят. Наверняка уже не раз и не два из-за этого упыря немало честных работяг похерило свои планы, кого-то искалечили ни за что, кто-то, может, и вовсе был убит – что на Окраине стоит жизнь гоблина? Ничего.

Если это просто чмо в ярком, то где серьезные фигуры?

А они за нашими спинами. Тут и гадать не надо. Та шестерка городских, что прибыла заранее, и, соря деньгами, сытно поужинала в Веселом Плуксе. Следом они поискали жирного Джонни, но нашли лишь остатки его вони и пару наверняка не слишком добрых посмертных слов. Вроде – наконец-то этой твари перехватили глотку. Свято место пусто не бывает. И на место Джонни попросился мечтающий о карьере Барс с верной подругой Буксой. Он вполне неплохо справлялся со своей ролью, нагнетая страх, угрожая, убеждая, создав надежный блокпост в тридцатом и готовясь пропускать особо упорных с заранее уговоренным интервалом.

Интервал – вот важнейший момент этого стопроцентно рабочего старого успешного плана.

Небольшая группа берет три блока и торопливо тащит их несколько километров по дорогам и тропам. Часть пути им в любом случае придется проделать по сумрачным зонам. Почему? Из-за временного лимита, установленного самой системой и неплохо укорачиваемого этими жадными и хитрыми упырями. Система сама себе подосрала, определив на задание временной лимит.

Возможность получить блоки в семь утра и иметь целых пять часов для их доставки?

Хрен вам, гоблины! Этого не будет!

Джонни, а теперь занявший его место Барс, продержит вас на перекрестке часа три. У него в потной ладошке список номеров. Сверяясь с ним, часть «несунов» он морально и физически попрессует, заставит взять блоки и тут же отдать за углом.

Согласятся на это не все. Систему боятся. Статус терять не хотят. Кто-то обязательно устоит. Скажем – процентов пятьдесят. Что ж – не проблема. Барс сделает, что может, а затем неохотно пропустит всех – но с интервалом.

И вот благодаря всем этим задержкам ты получил блок в десять утра – у тебя всего два часа на доставку. Тут ты уже не сможешь особо выбирать маршрут, и тебе не удастся пройти одними только светлыми безопасными тропами. Так или иначе, но по одной из тропок смерти пройти придется. И вот там-то тебя, дружок, и будут поджидать злые городские дяди с большими ножами. Убивать? Да зачем? Увидишь нож – и, предварительно шумно обделавшись, протянешь блок и попросишь лишь об одном – дайте уйти, пожалуйста. Боязнь потерять статус не сравнится со страхом смерти – последняя всегда побеждает, ведь она окончательна. А статус всегда можно восстановить долгим и упорным трудом.

Вот и весь план.

Собрав максимальное количество загадочных блоков, городские убывают обратно, унося богатую добычу. Учитывая, как щедро они разбрасывались солами в Веселом Плуксе – ради дешевой мелочи их дергать бы не стали. Блоки стоят дорого. Может, даже *очень* дорого. И вот это уже интересно.

А еще я впервые за все время, проведенное на Окраине, ощутил смутно знакомый холодок под глазами. Будто мне к щекам приложили два куска сухого льда. Это ощущение бодрит, говорит о том, что в этот раз опасность достаточно серьезна.

Мудило в оранжевом плаще вернулся уже в роли бурлака. Притащил на веревке пластиковый лист с тремя достаточно внушительными прямоугольными блоками. Смотрящая в потолок сторона окрашена в красный цвет, сбоку торчит кусок широкой и толстой пластиковой предохранительной ленты. Шагнув, прошел впритирку с шестьдесят третьим, попутно смерив его настолько брезгливым и глумливым взглядом, насколько сумел передать. Нагнувшись, приподнял.

Килограмм двадцать пять. Вес, подходящий для переноски в одиночку. При условии, что в наличии имеется рюкзак. У нас они имелись у всех троих.

– Загружаем в рюкзаки. – коротко и спокойно бросил я, глянул назад.

Другие группы медленно приближались. Отлично. Махнув им рукой, крикнул:

– Давайте быстрей, гоблины! Поезду пора отправляться! Живо, живо! Андиамо, орки, андиамо!

– Ну ты и дурак. – подал голос, пришедший в себя шестьдесят

третий. – Тупорылый ты гоблин. Не представляешь, в чьи дела вмешиваешься, чью схему ломаешь. И меня ты зря задел, урод. Пожалеть заставлю.

– Ты меня? – рассмеялся я, подступая к нему вплотную. – Знаешь, в чем между нами разница? Нет? Я поясню – ты тот, кто старается выглядеть серьезным и крутым. Следишь за словами и одеждой, ходишь важно. А я… я просто безумный гоблин, которого тебе, дерьма кусок, лучше не задевать. Потому что в отличие от тебя мне плевать на то, что будет дальше – пронзи меня пятью кольями, я все равно буду рваться к твоей глотке. И перед тем, как сдохнуть перегрызу ее! Схема? Я ломаю чужую схему? Это вы ломаете схему системы! И она единственная в этом гнилом мирке, кто, как я вижу, не действует исключительно ради своей выгоды. Ты гребаная городская сука, пытаешься помешать доставке каких-то важных блоков на Окраину. И тем самым ты и те, кто потрахивает тебя каждый день в задницу и шлепает по пухлым щечкам, творят великую беду! И когда из-за ваших трахнутых схем на Окраине случится что-то действительно плохое – вас в городе это не коснется. Пострадает только Окраина. Не так ли, дерьма кусок? Кстати – в этом плаще ты выглядишь как позолоченный кусок жирного дерьма. Таков твой стиль?

– Ты пожалеешь! – прохрипел мужик.

– Нет. – покачал я головой. – Не пожалею. А вот ты – да. Сейчас, жирный ты ублюдок, молча и быстро раздашь всем блоки. Не забывай – система смотрит на нас. Оценивает твою расторопность. Подведешь ее – и в следующий раз выгодное задание получит кто-то другой. Живо!

– Ты…

– Заткнись! – рявкнул я и он осекся, подавился следующим словом.

Я повернулся к другим группам:

– Разбирайте и грузите в рюкзаки блоки! Те, кто хочет донести их до цели и выполнить задание, пусть через пять минут будут у начала тридцатого магистрального. Через пять минут! Никого ждать не будем. Если этот кусок дерьма в плаще цвета мочи будет стараться вас задержать – машите полусфере, что над вами, указываете на промедление. Он постарается вас напугать своим хриплым грозным голоском. Не верьте и не бойтесь! Он никто.

Загрузив блок в рюкзак, вскинул на спину, пару раз неглубоко присел, наклонился. Нормально. Несколько километров вполне можно пройти. Но все же рюкзачные лямки слишком узкие. Придется переделать и жаль, что не сделали

этого раньше. Протолкавшись через вялых гоблинов, вывел группу к началу тридцатого коридора. Выжидающе глянул на команду. Досчитал до трех. И Йорку прорвало.

– Оди! Ты… не хочу ничего такого, но…

– Йорка!

– Да!

– У нас в группе не должно быть ломанных скромных голосков, когда дело касается всех. Никакой стеснительности и робости. Никаких покашливаний и заходов издалека. Это приводит к беде! Сначала мямлишь, затем ведешь за моей спиной странные разговоры, а следом уже недоверие, заговоры и развал всей группы – причем в самый для этого неподходящий момент. В результате все мучительно погибают. Поэтому! Если есть что сказать – говори напрямую! А чтобы было легче – начни со звонкого оскорбления, переходящего в вопрос. Пример: «Оди! Гоблин ты трахнутый! Что творишь?!». Попробуй.

– Оди! Гоблин ты трахнутый! Что творишь?!

– Ты про что? – осведомился я.

Йорка ткнула рукой, указывая на скрытого группами мужика в оранжевом плаще:

– Зачем нарываешься с ним? Он ведь городской. Крутой! Скажет слово – и нам крышка!

– Он крутой? Ну нет. Это просто извозчик. У него такое же задание по доставке блоков, как и у нас. В свое время на него надавили, подбросили немного деньжат, и он вдруг начал и себя считать крутым. Если я вдруг грохну этого придурка – его просто заменят. И никто даже не озаботится тем, чтобы отправиться на Окраину и найти гоблина-убийцу. Было бы ради кого напрягаться. А вот кого нам стоит бояться – так это тех шестерых волков, что засели где-то на сумрачных тропах и ждут свои жертвы.

– Согласен. – сказал Баск. – Я не видел, но слышал. У этого типа с вагона голос овцы. Старается быть крутым. Но не получается. Оди прав. Забудь про овцу, Йорка. Думай про волков. Оди…

– М?

– Я не знаю тех тропок. Провести смогу километра два еще. А дальше уже никогда не заходил. И не расспрашивал никогда про те места – незачем было. Расписания полусфер не знаю…

– А нам и не надо знать. – хмыкнул я.

– Точно! Расспросим гоблинов! Тех, у кого такие же задания. Кто-то же должен знать.

– Им тоже не надо знать.

– Почему? – удивленно спросила уже успокоившаяся

напарница.

– А никому не надо знать. – ответил я и, не став наводить тумана, предложил: – Смотри на потолок, Йорка. Ладно Баск. Но ты-то чего? Что над Гиблым Мостом?

– Ну… Мать смотрит… кривовато висит большая полусфера…

– Висит неподвижно с тех пор, как мы здесь. – дополнил я. – А вчера полусфера моталась над каньоном. Смекаете?

Тишина…

– Системе действительно важен успех этого задания. – пояснил я. – Сами посудите – тут ведь старая схема. Раз за разом эти городские упыри являются сюда, проворачивают тут свои схемы, мимоходом ломая чужие судьбы. А система не получает блоков – или почти не получает. Кто-то ведь должен проскакивать с грузом через их заслоны – может, два-три блока из двадцати. Но этого критично мало. И вот он результат – система не сводит с нас глаз. По этой же причине втягивающие нас в свой план городские волки пытаются разделить нас на мелкие группки. Почему?

– Легче справиться? – предположил Баск. – Нет… что с гоблинами справляться? Прикрикнул – и они уже все отдадут. Система?

– Маршруты и полусферы. Баск, у тебя в голове карта. Вот с этого места до родной семнадцатой кляксы сколькими маршрутами мы сможем дойти? Навскидку?

– Двадцать-двадцать пять путей. – уверенно ответил зомби Баск. – Сеть дорожек и тропок. Главное, знать какой коридор куда ведет.

– Вот на этом они и играют. – улыбнулся я. – Они волки. И поведение у них волчье. Знаете, как волки атакуют стадо?

– Как?

– Никак. Волки не дураки. Сначала они стадо разделят. Затем выберут самого слабого и медлительного – и атакуют разом. Сожрут. И опять отправятся следом за стадом. Если стадо не хочется разделяться – они будут гнать его вперед до тех пор, пока кто-то не отстанет. Так же и здесь. Волки заранее запугивают овец и разделяют их. Потом устраивают овечьи забеги – гоблины с блоками мчатся разными маршрутами к цели, а им остается лишь так хитро перехватывать их, чтобы, забрав добычу у одной группы, успеть перехватить и следующую. Отсюда интервалы – гоблинов-овечек выпускают с промежутком минут в пятнадцать-двадцать самое меньшее. Атаковать начнут далеко не сразу – выждут, когда все группы разбредутся по разным тропкам. Это ключевой момент – система не сможет наблюдать сразу за всеми.

Каждая группа в какой-то момент окунется в сумрак, окажется на тропе смерти. За редким исключением. Кому-то все же может повезти. Но сегодня эта схема больше не работает – я ее сломал. А минут через десять – мы вместе доломаем ее остатки.

– Что надо делать? – деловито осведомился зомби.

– Объединять и направлять. – с улыбкой ответил я. – Стадо в едином порыве – грозная сила!

Сообразив, Йорка оглянулась.

К нам медленно стекалась толпа работяг, что уже успели нагрузиться блоками. Все в сборе. Вместе с нами – двадцать рыл. Итого – двадцать блоков.

– Отлично! – широко улыбнулся я стаду. – Сейчас я скажу вам, что надо сделать, чтобы доставить блоки и сдать задание! Одно правило! Я говорю – вы делаете! Кто против – пусть уходит прямо сейчас!

Выждал… никто не двинулся с места.

– Класс. – улыбнулся я еще шире. – Начинаем! Всех прошу стать ближе друг к другу! И побыстрее! Отправление грузового состава через пару минут!..

– Пока все спокойно. – прошептала догнавшая меня Йорка.

– Влейся в толпу, неугомонная, – сердито проворчал я. – Не выделяйся из общей массы.

– А ты?

– А я типа оленя с роскошными ветвистыми рогами держусь на виду.

– И ведешь стадо. – хихикнула девушка.

– Выполняю роль приманки и стрелковой мишени. – поправил я ее. – Пихайся обратно в толпу!

– Ладно. Ты держись, Оди. Осталось немного.

Она замедлила шаг. И через мгновение ее поглотила шагающая следом за мной небольшая толпа. Второй час неспешного путешествия. До цели меньше километра, если верить настенным указателям.

Чужая схема сломана.

На Йорку я ворчал острастки ради. Сейчас уже нет ни малейшей выгоды на нас нападать. Разве что из мести. Но смысл подвергать себя такой опасности ради мести? А риск огромный. Плотной толпой, этаким хорошо груженным пушечным ядром, мы пошли самым коротким маршрутом от тридцатого магистрального к двести четырнадцатому коридору двадцать седьмой зоны. Первый час я взвинтил скорость группы, окриками заставив шагать быстрее – полтора-два шага в секунду. На этой скорости мы проскочили первую треть пути, чуть замедлившись,

преодолели вторую треть, еще чуть замедлились и спокойно дожимали оставшиеся метры. И все это время над нами неотступно висело «око божье» – система не ослабляла наблюдение, ведя полусферу точно над центром груженного блоками отряда. В конце каждого коридора нас уже ожидала новая полусфера. Так нас передавали по цепочке от ока к оку. И это еще не все – в соседних коридорах тоже висели «люстры».

В такой ситуации есть лишь один вариант захвата блоков – закрыв лица масками, начать атаку. Но… тут тотальный контроль, и я буду очень удивлен, если однажды выяснится, что в каждом из нас не сидит по одному-два, а то и три идентификационных чипа. Хотя я бы всаживал по чипу в каждую конечность – они принадлежат системе, а она за своим добром следит пристально. Попробуй с гарантией заблокировать сигнал каждого чипа. Разве что с головой обернуться фольгой?

Опять же – заглушить возможно любой сигнал. Были бы технические средства. Вот только – а были ли готовы «волки» к такому варианту развития событий? Прихватили с собой все необходимое? Вряд ли. Они не ожидали от «овец» подобной наглости и слаженности.

Сегодня волки в пролете. Даже странно, что из дальних коридоров еще не доносится озлобленный голодный волчий вой.

А вот и стрелка к двести четырнадцатому. Последние сто метров. С гудением над головами повисла дополнительная полусфера, и под двойным приглядом мы свернули в нужный весьма необычный коридор. Короткий, но очень широкий. Добавить еще пару стен – и получится целый зал. С жадным лязгом в одной из стен одно за другим открывались отверстия. Сняв рюкзак, вытащил блок, стараясь не напрягать левый локоть. Опустив на пол, выдернул удивительно длинную пластиковую ленту. Снова поднял тяжелый блок и ощутил, как он начал нагреваться. Стремительно нагреваться! Руки начало припекать сквозь перчатки уже через несколько секунд. Поспешно шагнув к стене, наклонил блок и красной стороной вставил в отверстие. Дожимать не пришлось – он втянулся сам. Система жадно проглотила подарок и защелкнула крышку. Я отошел. Через полминуты ко мне присоединились остальные члены группы. Не обращая внимания на все усиливающийся радостный гомон толпы и не дожидаясь благодарностей, ткнул своих в плечи, направляя в соседний коридор. Отвел шагов на десять, оглянулся. Важное задание выполнено. Система один за другим глотает блоки и захлопывает крышки.

– Куда сейчас? – не скрывая довольного выражение лица, спросил Баск.

– Шестнадцатая клякса неподалеку. – ответил я. – Передохнем там.

– Мудро. – кивнул зомби.

– Уф! – сердито и одновременно облегченно произнесла Йорка.

В сегодняшнем веселом шоу волки проиграли с разгромным счетом. Двадцать-ноль в пользу овец.

Волки наверняка сейчас от злости лезут на стену…

Баланс: 15.

Глава вторая

Текущее время: 10:40.

Новости разлетаются быстро.

Мы успели добраться до шестнадцатой кляксы и усесться за ближайший свободный столик, но не успели и ноги вытянуть, как едва не пришлось подскочить от раздавшегося громкого и предельно перевозбужденного вопля вбежавшего в зал запыхавшегося гоблина:

– Слушайте! Слушайте! Рядом с Веселым Плуксом орка кончили! Барсом кличут. Его же собственная девка и пришила! Он только из медблока выполз – а ему бац! Шилом в глаз! У всех на виду! На глазах Матери! Тот орет! А девка его продолжает шилом колоть! Раз за разом! Раз за разом! Он упал – а она что-то орет и продолжает его колоть! Потом встала – и к тридцатому-магистральному! Вся в крови! Страшная! До Гиблого Моста дошла точно. А куда дальше делась – неясно. В Дренажтаун рванула? Ну не в Зловонку же! И не в Клоаку… хотя говорят, она так психануто выглядела, что вполне могла и в Клоаку спуститься на неадеквате! Такие вот новости! Свежие! Горячие! Бежал два километра, считай! Гоблины! Орки! Отсыпьте крошек пищевых в ладонь! Не жмитесь!

Легко выдержав пристальный взгляд Йорки и не моргнув при виде немого укора пустой глазницы Баска, буднично спросил:

– Перекусим перед патрулем? Надо бы – в этот раз целых три часа бродить по двадцать девятому. А я уже, если честно, проголодался.

– Э-э… – сориентировался Баск. – Надо бы! По пищевому кубику? И бутылки бы водой пополнить, да шизы в них растворить. Вперемешку с красным фруктом – идеально заходит! Я вот рецепт знаю – таблетка шизы и полтаблетки фрукта. Не так сладко получается.

– Так! – мрачно произнесла Йорка. – Оди…

– Опять зайдешь с трахнутого гоблина? – предположил я мирно, медленно осматривая окружающие нас столики и народ, сидящий за ними.

Клякса как клякса. От нашей ничем не отличается. Даже гоблины, такое впечатление, те же самые – просто перебежали сюда первее нас.

– Нет, лопнуть и сдохнуть. Просто и мирно спрошу. Вот та конченая сука, что кровь и слезы по щекам размазывала – ее вроде как Барс тебе отдал после твоей дружеской просьбы…

– Дружеская просьба и шипы в яйцах – лучше, чем просто

дружеская просьба! – вставил оживившийся Баск.

– Она ведь слышала, – продолжала Йорка, врезав кулаком по плечу зомби, – слышала, как ты ее себе потребовал. А Барс отдал! Отдал! Потом ты сказал ей еще пару слов, и мы ушли. И вот итог… смертельный итог…

– В чем ты меня обвиняешь? – с нескрываемым удивлением спросил я. – В том, что по твоим же словам конченая сука испортила себе жизнь, убив конченого козла, а мы при этом не запятнали рук кровью? Так разве это не здорово? Пусть режут и грызут друг друга, напарница. Пусть льют свою кровь, а не нашу. Не жалей их. Не переживай за них. Ты всегда должна помнить главное.

– И что же это?

– Такие, как они, ничего не забывают и ничего не прощают. А тебе их жалко?

– Нет! Плевать я на них хотела! Просто нехорошо как-то получилось… твои ведь слова повлияли. Она убила Барса из-за твоих слов.

– Нет. – покачал я головой. – Ты не права. Просто Барс оказался не мужиком, а размазней с низеньким болевым порогом. Понимаешь? Букса – баба! Звероватая и жестокая, но баба! А бабы в своих мужиках в первую очередь видят утес! Скалу, что защитит их от любой непогоды, от любой беды! Скалу, за которой всегда можно спрятаться и чувствовать себя там в полной безопасности! Они верят – их мужик за них жизнь отдаст без раздумий! Насаженный яйцами на мою дубину Барс должен был плюнуть мне в лицо и прорычать: «Пошел ты, с-сука! Это моя женщина! И только моя! Давай! Убивай! Хоть яйца мне выверни! Но ее – не отдам! Мое!» Вот слова настоящего мужика! И услышь я такие слова – тихо бы и аккуратно вытащил шипы из его пронзенных яиц, дал бы ему разок в печень шилом и молча бы ушел! Но что случилось на самом деле? М? Йорка, чего смотришь в стол? Чего молчишь? Что случилось на самом деле? Что там проскулил Барс, ерзая мошонкой по моей дубине?

Тишина… Понурившаяся, странно съежившаяся Йорка согнулась, смотрит в столешницу. За нее ответил Баск:

– Он сказал – бери.

– Да. – кивнул я. – Он взял и отдал свою женщину. Вот поэтому она его и убила. Потому что ее скала оказалась не скалой, высящейся до небес, а глубокой ямой, заполненной кислым дерьмищем! Уф!..

Сделав пару глубоких вдохов носом, выдыхая через рот, быстро успокоился. Убрав из голоса рычащие нотки, позвал напарницу еще раз:

– Йорка. Чего замолчала?

Молчит… и снова за нее ответил зомби:

– Она плачет. Я слышу.

– Так… – после короткой паузы, произнес я. – Чудится, что не из-за моих слов ты рыдаешь, девица красная, да? Что-то вспомнилось и ненадолго боец расклеился?

Не поднимая лица, Йорка часто закивала.

– Оставить тебя на пару минут одной? А мы пока за едой сходим.

Еще пара кивков, затряслись плечи, она зябко обхватила себя руками, уже не сдерживаясь, шмыгнула носом.

Женщины… что ж у вас все так на эмоциях завязано?

– Я посижу с ней, командир.

Кивнул, вспомнил, что он не видит, продублировал голосом:

– Хорошо. Принесу. Спешить не буду. Успокой ее.

– Сделаю.

– И не забывай ловить обрывки чужих разговоров и сплетен.

– Это само собой! Так и выживал раньше – чего-нибудь услышу, порой и пригодится. А иногда новости пересказывал – за пищевые крошки. Хотя бывало, что в руку плевали или выбивали уже собранное.

– И знаешь, кто именно так с тобой поступал? – полюбопытствовал, вставая.

– Знаю.

– Слышал когда-нибудь – надо не таить зла и прощать?

– Ага.

– Так вот – это полная туфта. Не прощай зла никогда! Воздавай вдвое! За добро – добром. За зло – злом. Запомнил?

– Еще как… да и, если честно… забыть не получается… трудно забыть, когда ползаешь по полу и собираешь выбитые крошки, а тебя пинают… комментируют, что с таким задом мужику опасно – могут и трахнуть за углом. Я… я не забыл, командир.

– Одобряю и поощряю твою злопамятность. Сейчас буду.

Когда уходил, Баск обнимал Йорку за плечи. Сидят как птички мрачные бок о бок и молчат. Пусть молчат. Нестрашно. Я знаю – они сильные. И вскоре придут в себя. А если ненадолго позволили себе окунуться в горькое прошлое – так это только к лучшему. Злее будут в настоящем и будущем.

Покупая три стандартных пищевых брикета и две бутылки воды – прощайте пять солов – смотрел на высокий потолок кляксы. На большую полусферу, величаво перемещающуюся под ним.

Почему?

Почему здесь творится подобное, система?

Почему ты, по большей части, ограничиваешься ролью почти беспомощного наблюдателя?

Не так. Все не так в этом мире.

Убрав покупки в рюкзак, приобрел два черных шейных платка. Как кольнуло что-то, и я внимательно просмотрел вещевой ассортимент торгспота. Черных футболок не обнаружилось и здесь. Зато имелась в продажа бордовая футболка – а у нас ее не было. Странное снабжение или же что-то вроде лотереи с игровой составляющей. Как часто обновляется ассортимент?

Баланс: 8.

Платки пошли на обмотку рюкзачных лямок, проложенных согнутыми вдвое пластиковыми заглушками из тех загадочных блоков. Обматывал быстро, но тщательно, выглаживая пальцами каждый виток. Закончив, осмотрел результат, накинул лямки на плечи… отлично. Совсем другое дело. Пластиковых предохранительных лент у нас хватает – я успел подобрать штук восемь с пола, когда толпа работяг принялась лихорадочно завершать задание. Позднее заставлю Баска и Йорку модернизировать свои рюкзаки. Вроде мелочь. Всего-то лямка узковата. Но стоит прикоснуться к моем плечам – и я ощущаю боль в местах, натертых и продавленных узкими лямками. В таких делах мелочей не бывает.

Назад пошел другим путем. Двинулся по периметру, нагружая и без того усталые ноги – восстанавливаться не успевают пока, еще не вошли в кондицию. Поступаю глуповато, но любопытство гонит вперед. Всегда полезно узнать что-то новое – или хотя бы поискать новизну. Оглядывался, прислушивался, оценивал. Обычная клякса. Вся Окраина разбита на коридоры, зоны, блоки и кляксы. Все стандартно. Здесь даже столики расположены так же, как в КЛУКСе-17.

Идя мимо жилых «игл», практически рядом с каждой видел скучающего охранника. Звенья, бригады, пара-тройка живущих бок о бок групп – все стараются обособиться, отгородиться, застолбить свою территорию. Все как везде. Разве что здесь потолок чуть повыше. Кажется? Нет… на самом деле выше – метра на полтора. Шестнадцатая клякса – если судить по номерам и по разнице в дизайне – строилась раньше. Высота потолков доказывает это. Сейчас мы находимся в более старой части Окраины. А если добраться до КЛУКСа-1 и окружающих его коридоров? Как они выглядят?

А эти чем заняты?

В этой части кляксы из пола поднимались «лежбища» –

отдельные теплые выступы. Удивительно, но на них имелось эластичное на вид покрытие. Лежбища сплошь покрыты зомби. Безрукие, одноногие, они лежат, сидят, стоят, лениво переговариваются, хрипло смеются, чешутся. И нет-нет, поглядывают на расположенный напротив странно вогнутый участок стены. Между лежбищами и участком стены в ряд расположены еще выступы – тонкие, длинные. Остановившись, внимательно хорошенько вгляделся. На меня никто не обращал внимания. Все заняты тем же, что и обычно – ничем. Через пару минут я осознал, что именно видят мои глаза.

Сцена, скамейки, позади – лежбища.

Некогда, уж не знаю сколько десятилетий назад, здесь была утопленная в стену достаточно вместительная сцена. Хочешь – декламируй, хочешь – танцуй или показывай спектакли. В глубине сцены две наглухо заваренные двери по краям. Входы в гримерки. Задник сцены – обычная металлическая стена. С рисунком. Его остатками, вернее. Но этих цветных фрагментов достаточно, чтобы суметь понять, что здесь было изображено раньше.

Удивительно неплохая сохранность.

Удивительная картина…

Большая группа машущих руками белозубо улыбающихся мужчин и женщин. Мужчины коротко стрижены и чисто выбриты. Женщины… прически разные, от ультракоротких мальчишеских до доходящих до пояса волос. Примечательная одежда – примерно половина одета в рабочие разноцветные комбинезоны, держат в руках гаечные ключи, молоты, прочие простейшие инструменты, уже знакомые мне стальные блоки. Остальные в цивильной обычнейшей одежде – штаны, шлепки, кроссовки, кеды, футболки и майки, цветные яркие бейсболки, на женщинах милые топики, ленточки в волосах. Каждый что-то держит. Книги, теннисные ракетки, мячи волейбольные, футбольные и баскетбольные, клюшки от минигольфа…

Надпись… снизу длинная надпись, что пострадала сильней всего. Не прочесть ни слова. А вон там что-то на стене под изображением. Черный прямоугольник. Сенсор? Вряд ли – слишком большой. И слишком низко расположен.

На сцене почти никого – подойдя и прикоснувшись, понял причину – ледяная. Металл есть металл. Помню, как болели и стыли ноги, пока не обзавелся шлепками. Поэтому мало желающих сидеть на сцене – только те, кому не хватило места на теплых выступах. Запрыгнув, подошел к изображению, присел. Это не сенсор. Это приваренная табличка с едва различимыми выбитыми словами.

«Репродукция настенного изображения из КЛУКС-1 «Добровольно низшие? Счастье в работе и досуге!»

Хмыкнув, отошел, спрыгнул со сцены, глянул на ближайшего зомби с единственной конечностью – левой рукой. Зомби недобро пялился на меня, часто облизывая потрескавшиеся губы. Обрадованно спросил его:

– Счастлив в досуге и работе?

– Пошел нахер, гнида! Сдохни! – в довершение тирады он еще и плюнул, но плевок не долетел, упав ему же на впалый живот. – Сдохни!

– Счастья особо не заметно. – подытожил я, посмотрел еще раз на сцену и продолжил экскурсию. – Добровольно низшие счастливы в работе и досуге… что же это за хрень тогда творится вокруг?

Мне вслед донесся хриплый глас оплевавшего себя зомби:

– Эй! Дай чего-нить! Глоток воды. Пищевой брикет лизнуть хотя бы… эй!

Обернувшись, смерил его долгим взглядом и пошел дальше. Через шаг остановился, опять обернулся, услышав женское причитание. К однорукому, но безногому, прыжками передвигалась одноногая и однорукая растрепанная женщина:

– Ковшик, ты не переживай. Я сегодня отыщу чего-нить… Заработаю! Я еще ничего так с виду – мужики смотрят. Мне бы сполоснуться… а то брезгуют… но я заработаю! Ты не переживай!

Отвернувшись, зашагал дальше. Чем еще удивит чужая клякса помимо картины? Через двести шагов убедился – больше ничем. Те же зомби, гоблины, орки и полурослики. Все заняты вопросами ежедневного выживания. Никто не напоминает даже отдаленно тех улыбчивых и счастливых добровольно низших с репродукции.

Вернувшись к своим, застал их улыбающимися. Почти как на картине! И меня встретили улыбками. Оценив их моральное состояние, удовлетворенно кивнул, вручил каждому пищевой брикет, поставил на всех одну бутылку воды.

– Извини, Оди… – Йорка снова опустила взгляд. – Сорвалась что-то… расклеилась…

– У всех бывает. – спокойно ответил я, принимаясь за обед. – Ешьте. Нам скоро выдвигаться на «Патруль». И еще…

– Еще? – приподнял голову вгрызающийся в брикет зомби.

– Завтра прогуляемся по Гиблому Мосту и наведаемся в Дренажтаун. – максимально буднично сообщил я. – Завтра после обеда, как только выполним все задания. В семнадцатую кляксу ночевать не возвращаемся – чтобы система выдала следующие задания как можно ближе к району тридцатого магистрального

коридора.

– А что в Дренажтауне? – осторожно спросила Йорка.

– Понятия не имею. – пожал я плечами. – Просто хочу расширить кругозор. Как я слышал, местные полурослики и орки побогаче часто наведываются в верхний квартал Мутноводья. Верно?

– Бор-р-рдели. – звонко выговорила девушка. – Их там полным-полно! Еще места вроде Веселого Плукса. Сама там не была, россказней много слышала.

– Как и я. – поддержал ее Баск.

– Сделаем вылазку, осмотримся, прощупаем почву. Выспросим про чудеса глазной хирургии. Оценим ассортимент тамошних торговых автоматов. И глянем как там в целом. Чем живут, чем дышат, о чем мечтают.

– Дерьмом они дышат. – поморщилась Йорка. – Оди! Это Дренажтаун! Первое, что слышишь от того, кто там побывал – вонь! Мерзкая вонь! Второе, что слышишь – полумаски!

– Полумаски? Которые от пыли защищают? – уточнил я с интересом. – Рабочие защитные маски? Как их… респираторы?

– Ну, да, наверно… там их носят все и постоянно. Но не от пыли – от вони защищаются. Вроде как фильтры специальные в респираторах, ароматизаторы и что-то еще. Многие очки носят вместе с респираторами. А некоторые – противогазы! Без полумасок… тьфу… без респираторов туда ходить не стоит. И одежду лучше надеть ту, которую не жалко выбросить. А то вонять почище червей будем. Но выглядеть надо достойно… придется идти в черных футболках и штанах. Потом отстираем от вони!

– Да ты оживилась. – заметил я.

– Город. – развела руками Йорка.

Мы с Баском синхронно кивнули. Город. Как много в этом слове. Особенно, если ты гоблин с Окраины.

– Доели, бойцы?

– Йесть!

– Так точно.

– Тогда двинули. – скомандовал я, поднимаясь первым и завинчивая недопитую бутылку. – Три часа патрулирования. Сразу предупреждаю – быть настороже. Мы сегодня многих волков без мяса оставили. Так что по сторонам поглядывайте. Баск – ну ты понял.

– Да. Слушать в оба уха и эхолот на полную.

– Как живот?

– Чешется.

– Вот это уже хорошие новости. Выдвигаемся! О… еще одна

новость – система подкинула работенки.

– Что за работа?

– Что делать, командир?

– Даже смотреть не стал пока. – скорчил я усталую рожу. – Закончим патрулировать – там и глянем. Одного прошу, сам не знаю у кого, – лишь бы не сбор серой слизи…

– Есть задания и погрязнее. – уверила меня Йорка, и ее аж передернуло всю.

– Подтверждаю. – горько вздохнул Баск, и его тоже передернуло.

– Даже спрашивать не стану. – решил я.

– И правильно, лопнуть и сдохнуть! Этого лучше не знать!

Патруль проходил без происшествий, но при этом с большим толком. Эти часы несли свои плоды каждому из нас – помимо солов. Йорка упорно отрабатывала связку ударов, Баска корчил жалостливые рожи и бил шилом, делая это на коротких остановках и на узких безлюдных тропках. Не выкладывать же все козыри. То, что Йорка удары отрабатывает дубиной – это чужого внимания почти не привлекает. Сначала удивлялся чужой безразличности на факт того, что пыхтящая девчонка машет шипастой дубиной в коридоре, потом понял – боевых групп, регулярно сталкивающихся с плуксами, на Окраине хватает. И для них тренировки не редкость, а ежедневная обязательная рутина.

Кто не тренируется – долго не живет.

Но одно дело отработка ударов по хорошо известному всем силуэту плукса. Это норма. А вот когда слепой парень тычет шилом в шею или живот воображаемому двуногому и разумному, предварительно как бы нащупывая его дрожащей ручонкой… вот тут уже у гоблинов вопросы и подозрения нехорошие возникнут обязательно. Так что зомби тренировался в сумрачных потемках – как классической нежити и положено.

Они тренировались. Я не отставал, давая нагрузку ногам и рукам. Пока что процентов на восемьдесят чисто физическую топорную нагрузку, причем такого рода, что не каждый гоблин поймет. Вот, к примеру, ходьба – все ведь гоблины легко ходят, имейся у них по две исправно гнущиеся нижние лапы. Попроси пробежаться – пробегутся с ленцой. Положи на тот конец коридор конфетку в награду – помчатся изо всех сил. Прыгнуть или подпрыгнуть – сделают.

Вопрос в том, как они это сделают.

Смогут они максимально быстрым шагом, на грани бега, преодолеть десять километров, таща за спиной груз под тридцать

килограмм, а к финишу не сбить дыхания и иметь еще достаточно сил для боя? Куда там. Не смогут. Я и моя группа, во всяком случае, точно не сможем. И это только пример. Своих ускорением не нагружал, утреннего нервного вояжа с рюкзаками вполне достаточно на сегодня. На нас еще задание патрулирования. Оно тоже высосет немало сил и энергии, нагрузит и забьет мышцы, вселит боль в колени и стопы. Бегом и реальной быстрой умелой ходьбой они займутся позже. А вот я… меня проверить надо…

Я шагал себе и шагал, наблюдая за обучающимися бойцами и стараясь каждый свой шаг сделать другим. Быстрый и короткий, моментально «подтаскивающий» тебя к противнику вплотную. Три коротких шага со смещением в сторону – быстро уйти с линии вражеской атаки, прилипнуть к стене, тут же присесть и наметить стелющийся прыжок над полом. Расслабиться, двадцать метров просто шагать. Вот так… а теперь повернуться боком и сделать десять быстрых приставных шагов. Повернуться другим – и еще десять. Расслабиться… Прислушаться к себе.

Каково физическое состояние? Как отзываются на непривычную нагрузку чужие конечности? Хорошо ли помогают лекарства? Как чувствует и ведет себя левый локоть? Как он отреагирует на действительно резкое движение?

Оценивай, гоблин, оценивай.

Точно зная свои текущие способности – знаешь свои текущие возможности. И тут страшней всего переоценить. От этого большая часть бед.

Еще беды часто случаются от беспечности. И боясь ее как чумы, я сканировал взглядом каждый коридор, каждого встречного, не забывая поглядывать на полусферы – тут ли они? Бдят ли? Присматривают ли? Ничего опасного не углядел. Но не расслабился и продолжил наблюдать.

Йорка указала на инфоспот, стоящий в глубоком закутке двадцать девятого магистрального. В том же закутке отчетливо видны следы наглухо заваренных больших окон, имеются две длинные теплые скамейки. Сначала дернулся было с удивлением – окна?! Высота и размеры характерные. Но затем разобрал видимые надписи над окнами и удивление исчезло.

«Хот-доги! Гамбургеры!»

А над вторым: «Свежая выпечка! Кофе! Чай! Напитки».

Еще один явный след на то, что раньше здешние обитатели жили иначе. Они работали, отдыхали, путешествовали по Окраине. Места для прогулок тут хватает – тот же двадцать девятый магистральный кажется бесконечным. Тянется и тянется. У меня большое подозрение, что двадцать девятый является длиннейшим кольцевым коридором, охватывающим всю Окраину.

Постоянно натыкаюсь на следы срезанных ныне крепежей в полу и стенах, даже на потолке. Тут все безмолвно кричит – раньше коридор был переполнен жизнью и движением. По потолку и одной из стен передвигался подвесной транспорт. Идя вдоль стены, обнаружил под ногами остатки старой разметки и рисунок велосипеда. Шагнул в сторону – и встал на рисунок скейтборда, чуть дальше уже почти неразличимо изображение самоката, а вон что-то обрывочное, но можно предположить, что тут было нарисовано моноколесо. Гоблины шаркают и шаркают, затирая остатки прошлого. Но пока, увидев рисунки и разметку, легко понять – давным-давно пол коридора был разделен на неравные полосы с цветными границами. Тут передвигались пешком, на электрокарах, стенном транспорте, велосипедах, сегвеях, моноколесах, самокатах…

Тут бегали спортсмены, степенно прогуливались люди постарше. А когда кто-то уставал и хотел передохнуть или перекусить – к его услугам частые закутки с врезанными в стены окнами. Берешь хот-дог и кофе, садишься на скамью или за столик, смотришь на движение в двадцать девятом, неспешно жуешь. Захочешь что-то почитать – к твоим услугам стоящий рядом инфоспот. С него за небольшую плату можно загрузить на свой девайс свежий выпуск газеты – какую-нибудь «Жизнь Окраины».

Усмехнувшись, хорошенько потряс головой, выбрасывая из головы глупые мечтания о давно сгинувшему прошлом. Встряска помогла – зацепился глазами за едва не упущенное. Приникнув к стене, чуть ли не касаясь носом, изучил едва видимые белые лини. Легко нашел цифру «29-М». Двадцать девятый магистральный. Отойдя на шаг, посмотрел, отступил еще, выставил перед собой ладони, как бы отгораживая большой участок стены и ведя по нему «фокусом».

Уничтоженная временем информационная схема. Карта. И на ней изображена Окраина, примыкающий Дренажтаун и… еще одна Окраина.

Между двумя большими кругами зажат круг вчетверо меньшего диаметра. Наш – если верить цифре «29-М» – левый. Это вполне согласуется с уже имеющимися у меня в голове сведениями. Все правильно. Мы примерно вот тут. Если пойти вниз – «на юг» – то через несколько километров мы окажемся у «30-М», представляющего собой стрелу, исходящую из нашего круга, насквозь проходящую через центральный и заканчивающуюся в границе третьей окружности. Гиблый Мост, судя по схеме, является частью тридцатого магистрального.

– Оди!

– Иду! – оторвавшись от карты, поспешно шагнул к инфоспоту. Ткнул пальцем.

Что даете?

Ничего не дает. Устройство никак не отреагировало на мое касание. Сломано или отключено.

Текущее время: 14:54

Вот и конец обязательного задания боевой категории. Еще несколько минут. До вечернего сигнала окончания работ чуть больше пяти часов. Вряд ли система выдаст дополнительное рабочее задание. А вот боевое… вполне может и выдать. Но лишь бы не экстренное – мы еще не готовы к серьезным дракам.

Еще раз ткнул инфоспот. Никакой реакции. Сенсор молчит. Большой экран-витрина непроницаемо черный, устройство не желает реагировать на прикосновения презренного гоблина. С сожалением отвернулся, шагнул к выходу из закутка.

Тут все и началось.

И началось с добрых слов.

Находясь в глубине закутка, отходя от стены, увидел, как резко остановился идущий по магистралке молодой совсем парень. Улыбчивое веселое лицо, сверкающие глаза, чистенькая белая футболка, темно-синий платок, обрезанные ниже колен синие штаны и синие же сланцы. Выбрит, аккуратно подстрижен. Точно не гоблин. Самое малое – орк. Я напрягся. Чего он остановился? Уронив руку на рукоять дубины, мягко скользнул вперед. Парень же шагнул, входя в закуток, с дружеской улыбкой ткнул правым кулаком в плечо Баска.

– Хе-е-ей! Братуля! Рад тебя видеть! Как дела? Держишься? – голос незнакомца переполнен эмоциями – дружеское участие, легкое беспокойство, волнение, искреннее переживание.

Но не слишком ли сильно он ударил кулаком? Баска развернуло. И… я отчетливо видел мышечную спазматичную волну – зомби передернуло с макушки до пят как от удара электрическим током.

Баск вытянул дрожащую руку. Нащупал плечо собеседника – весельчак сам помог ему, качнувшись вперед и дав коснуться. Ах ты ж… меня продрало морозом от налетевшего осознания, что сейчас про…

Хлоп!

И шило вошло в шею незнакомца. И снова. И снова. Шагнув, Баск обнял захрипевшего парня за шею, потащил на себя, и они завалились в закуток, при этом зомби продолжал долбить шилом с яростью обезумевшей швейной машинки. Подшагнув, подставил правую ладонью под затылок рухнувшего зомби, не дав удариться головой о стальной пол. Парень очнулся от шока, рванулся, начал

действовать, и действовать быстро – не смотря на добрый десяток ран. Но вырваться у него не получилось – рычащий Баск бил шилом, держал рукой, обвил ногами, да еще и зубами в окровавленное горло вцепился! Шилом строчит и строчит! Йорка застыла истуканом, изо рта рвется пораженное:

– О-о-о-о-о…

Поняв, что вырваться не получается, жертва разинула рот, кашлянула кровью, выдавила:

– Он еще жив! Жив! Внизу! Под… к-ха!

Зомби не слышит. Зомби бьет и бьет шилом как проклятый.

– Он внизу! Пожалей!

Зомби не слышит. Зомби машет шилом. И умирающий схватился за шило. Вмешиваться не хотелось, но этот невероятно живучий хрен сейчас позовет на помощь и успеет проколоть бок Баску.

«Не дохнет, сука. Нож бы лучше. Но и крови больше.» – пронеслось в голове пока я почти без замаха наносил короткий удар дубиной. Парень обмяк, уронил голову, увлекая за собой застрявшую в пробитом шипами затылке дубину, несколько раз дернул ногами, захрипел. И наконец-то окончательно затих.

– О-о-ой… – выдавила наконец-то Йорка. На самом деле так медленно тянула или для меня все ускорилось в разы? От неожиданности… Схватившись за дубину обеими руками, ровно и сильно потянул, левый локоть пискнул, пришлось разжать пальцы больной руки. Но стащить труп в сторону удалось.

– Встать! – рявкнул на застывшего тяжело дышащего зомби. – Йорка! Гоблин! Очнись!

– Да!

– Помоги Баску в себя прийти! Трать всю воду – смывай с него кровь! Чтобы ни пятнышка! Футболку не трогай – она черная. Если пятна на светлом – в рюкзак! Пусть хоть голый идет, но чистый! И сама не вляпайся! Живо! Живо!

Отмерла, зашевелилась. Я же, кинув быстрый взгляд на магистральный, бросил труп, подскочил к выходу из закутка, глянул по сторонам, на потолок. Ближайшие – трое орков, шагающих по дальней стороне коридора. Полусфера? Ох ты ж… бегом, гоблин, бегом! Полусфера метрах в ста с небольшим и быстро приближается. Нырнув обратно, промчался мимо Йорки, льющей на лицо и шею Баска воду, рыкнул:

– Тащитесь оба на скамейку! Сейчас! Йорка! Сначала сотри набрызганное!

Сам, охнув от болевой вспышки в пояснице, вздернул мужика на скамейку, уложил лицом к стене, поднял ноги. Вырвал дубину, наскоро вытерев, повесил на пояс. Согнул трупу ноги, силой

заставил его принять форму эмбриона – ширина скамьи позволяет. Схватив шатающегося будто пьяного Баска, развернул, усадил рядом с собой. Йорка плюхнулась с другой стороны. Цапнул Баска за лицо, глянул, чертыхнулся – из пустой глазницы вылилась струйка крови. Как он, млять, умудрился чужую кровь себе в глазницу налить?! Вытер своей футболкой. Черный цвет одежды – наш выбор. Еще раз глянув назад, убедился, что согнутый труп хорошо скрыт нашими спинами.

– Сидим! Сидим и выглядим безмятежно! Йорка! Лицо проще!

– Так неожиданно…

– Копайся в поясной сумке! Баск, сними рюкзак, ройся в нем.

Сам занялся запихиванием шизы в бутылку.

А вот и полусфера… едва-едва уложились… едет мимо… Резко остановилась. Секунда… и монорельсовый глаз умчался дальше. Я тут же ожил, поднял своих, толкнул к выходу, сам охлопал труп, снял поясную сумку, шило, бутылку с водой, сорвал с шеи платок и прикрыл им пробитую голову. Под платком на шее слева обнаружилась татуировка и достаточно крупная. Растянул кожу, расправляя рисунок, секунды хватило для запоминания. Догнав бойцов, подтолкнул их, погнал вперед, цедя на ходу:

– Шагаем ровно. Головами по сторонам не ворочаем. Идем прямиком к месту, где ночевали. Баск!

Тишина…

– Баск!

– Да, командир. Ох… прости!

– Заткнись!

– Понял.

– Сначала обедаем брикетами. А затем сразу же угощаешь нас с Йоркой жареным мясными костями. И каждому по стопке самогона! Понял почему?

– Я угощу!

– Понял, почему?!

– Убил?

– Нет! Потому что поддался эмоциям. Сработал грубо, дело пришлось мне заканчивать. Ты не подумал о путях отхода, о свидетелях, о полусферах наблюдения. И нам пришлось за тобой подчищать. Вот почему ты сегодня проставляешься.

– Спасибо!

– Йорка! А ты сегодня в обед угощаешь витаминными таблетками АСКО-2. Такие везде продаются. По солу за штуку. Поняла, почему?

– Э…

– Потому что опять впала в ступор! – рявкнул я, не скрывая

злости. – Гоблин! Сначала действуешь – потом впадаешь в ступор, если уж так сильно хочется. Поняла?

– Да не ступор! Я понять не могла, что делать, лопнуть и сдохнуть! – взорвалась Йорка и с размаха долбанула зомби в плечо. – Вот! Я тебя тоже ударила! Пырнешь?! Я понять не могла, кому помогать!

– В смысле, не могла? – зло глянул я на нее. – Запомни раз и навсегда – помогать надо своим! Всегда! Ты ведь в курсе, что Баск адекватен, безумной жажды убийства раньше не проявлял. Стало быть – есть веская причина. Верно, Баск?

– Да… – парень поднял руку, указал на пустую глазницу, на изуродованное лицо. – Он.

– Вот видишь, – удовлетворенно заметил я Йорке. – Вполне весомая причина. Слушай сюда, зомби. Раз в твоей вендетте приходится участвовать и нам – расскажешь все подробно. Сейчас же. Парень, тобой убитый, не одиночка. И, стало быть, сначала станут искать его, а потом и его убийцу. Так что за обедом жду от тебя еще одну длинную историю.

– Все расскажу, командир. Спасибо! Огромное спасибо!

– Шевели ногами, убийца слепошарый – вздохнул я, коротко оглядываясь назад. – Быстрей бы свалить с магистралки на тропку поуже. Йорка. Ты чего делаешь?

– Кровь из-под ногтей выковыриваю!

– Правильно. – кивнул я. – Действуй в том же духе. Нам лишние улики не нужны.

Текущее время: 15:09.

Баланс: 23.

Задание выполнено. Интересно мы патрулируем, блин, – попутно убивая и обирая улыбчивых орков…

Первые десять минут буквально затылком ощущал очередное приближение одной из полусфер. Но через пять минут расслабился. Вытащил из подмышки чужую поясную сумку, убрал в рюкзак. Все. В очередной раз обошлось без свидетелей. Теперь многое зависит от того, когда, как и кто обнаружит труп. Хотел бросить рядом с ним испачканное в крови шило и пару мелочей из поясной сумки, стащить с трупа штаны, бросить весь это хлам на пол – как приманку. Чтобы система застала над трупом кого-нибудь с окровавленным шилом в руке. Пусть потом доказывает, что он не при делах.

Но поступать так не стал. Тут не угадаешь кто вляпается в ловушку. Может, конченый подонок, заслуживающий отсечения рук. А может, обычный зомби, не сумевший сегодня заработать на еду и увидевший бесхозную футболку на полу.

Но шаг сбавлять не стал. А через полчаса мы нырнули в

боковой коридор. Я назвал номер и оживившийся Баск, радуясь возвращению на известные территории, тут же сказал куда свернуть, чтобы быстрее оказаться в Веселом Плуксе.

Проверил интерфейс и с облегчением вздохнул – никаких заданий пока нет. Удачно. Одного взгляда на лицо Баска достаточно, чтобы понять – ему срочно надо дерябнуть грамм сто самогона. Тогда отпустит…

Хлопнув стопку, Баск замер с запрокинутым лицом. Глянув на обгладывающую кости Йорку, выпил половину стопки, отставив емкость. Зомби протянул руку, безошибочно поймал стопку в пальцы и допил остатки самогона. Молодец – по стуку стопки понял, что в ней еще что-то осталось. Как это вообще возможно?

С частым пофыркиванием Йорка уставилась на мою тарелку, где сиротливо приткнулись друг к дружке пять жареных плуксовых ребер.

– Как в царстве животных, блин! – пробурчал я, пододвигая тарелку девушке. – Словами нельзя?

Тарелку забрали, вытряхнули содержимое на свою, после чего мою посудину облизали и вернули. Блестит! Можно не мыть! Девушка! Заберите чистую посуду!

Массируя левый локоть, оперся о стену. Оглядываться нужды не было. Я сидел так, чтобы видеть вход, а если чуть скосить глаза – то и проход в служебные помещения. А он отгорожен пластиковыми и металлическими щитами. Сверху лаконичная надпись «Кухня». Слева от проема еще лаконичней «Посторонним!»

Вот вроде не понятно – но ведь понятно! Так и живем…

Убедившись, что зомби закончил самогонное медитирование, постучал пальцем по столу, привлекая его внимание.

– Уважаемая нежить. Пора бы исповедоваться. Люблю в подчиненных бесноватых убийц и кровавых психопатов. Но и захватывающие трагичные истории тоже люблю. Рассказывай. Подробно. Если деталь кажется несущественной – все равно рассказывай.

– Да что рассказывать-то? – вздохнул Баск. – Коротко и грустно.

– Прямо как я люблю. – подбодрил я. – Начинай, а я закажу еще три… Йорка ты огненную воду будешь?

– Самогон? Нет! Мясо буду! Именно косточки. Чтобы именно грызть…

– Вот и ты меня пугать начала. – вздохнул я. – Баск отдай ей ребра. Пусть грызет. А нам попрошу-ка я еще по стопочке, что скажешь?

– Выпью!

Жестом показав требуемой понятливо кивнувшей официантке, чуть отодвинулся от хлюпающей и чавкающей Йорки. Чтобы не забрызгало. Что за жизнь? День не могу походить в чистой одежде – вечно заляпаюсь. И почти всегда это кровь. Я уже скучаю по серой жиже.

– Только факты? – уточнил слепой зомби.

– Только факты. – подтвердил я, борясь с желанием проверить интерфейс. Становлюсь интерфейсозависимым…

– Нас было двое. – начал Баск как-то сразу, без обычного для истории начала. – Я и Шток. Не назвал бы нас друзьями. Да и группы не было. Но после ежедневных заданий часто тусовались вместе в семнадцатой кляксе. Иногда бурлачили. Я старался накопить как можно больше денег. Шток – он всегда жил одним днем. Предпочитал жить весело и не думать о завтра. Может и правильно… раньше я старался планировать, а сейчас… может и стоило отрываться по полной… Но речь о другом. Один раз помогли бригаде Ржавые перетащить пару тяжелых штук, а затем отмыть их. Отблагодарили нас щедро. И Шток уговорил меня сходить повеселиться. Пошли, говорит, в жопу! Ну мы и сходили…

– Прости, – моргнул я, – куда вы сходили?

– Вроде бара. Заведение. Такое же как здесь, только дешевле. Неподалеку отсюда. Над входом нарисована задница, над ней написано «Жопа мира», прямо по ягодицам «Окраина», а снизу – «Добро пожаловать в реальность».

– Метко подметили. – восхитился я. – Хотя если верить той карте, что я увидел сегодня, Окраина все же не центр. Мы ягодица. Левая. А вот Дренажтаун… вот там центр…

– И там воняет! – прочавкала Йорка.

– Сходили вы… дальше что?

– Там и познакомились с этим… сегодня вы его видели.

– Кого мы на скамейку отдохнуть положили? – понизил я голос.

– Он. Имя Ладос. Веселый, компанейский. Я сам не заметил, как рассказал ему о себе все и даже больше. Он тоже болтал постоянно. Но о себе ни гу-гу – это я уже потом понял. Когда в голове своей тупой раз за разом тот вечер прокручивал. Каждую секунду, каждое слово. Все пытался понять – мог ли я тогда уловить что-то неладное. Понять, что нам со Штоком готовят страшное.

– Но не уловил.

– Не уловил. И знаю, почему.

– И почему же?

– Сука Ева!

Йорка чуть не подавилась костью. Я удивленно приподнял бровь. Уже привык к спокойствию и внешнему равнодушию зомби. А тут столько ярости…

– Красивая? – предположил.

– Мягко сказано, – невесело усмехнулся Баск. – Могу тебя в этом заверить! И знаешь, почему я так уверен, что эта сука красива?

– Даже гадать не возьмусь.

– Потому что ее лицо – последнее, что я увидел за миг до того, как ослепнуть! Как только пытаюсь вспомнить – каково это видеть мир? – вижу ее сучье лицо!

Бам! Ладонь по столу. Стук… и на низкий пластиковый стол опустились две стопки самогона. Р-раз! И одна стопка уже пуста, проглотивший горлодер зомби с рычанием мотает головой. Рядом опять урчит вернувшаяся к еде Йорка. Чувствую себя выпавшим из компании гоблинов и зомби. Может, тоже что-то этакое сделать? Рыгнуть, бросить посуду на пол – вполне в духе гоблинов.

– Но я поторопился. Отмотаю назад. Мы сидели в Жопе с семи до полуночи. В полночь она и явилась – гребанный суккуб! Облегающие шортики так коротки, что… к-хм…

– Продолжай. – поощрил я, отпивая из своей стопки и полоская самогоном рот.

Дезинфекция. В душе зубную щетку и пасту не предлагают. А купить забываю. Хотя у большинства здешних гоблинов оскал даже не желтый, а буро-черный, цвета сгнившей коры или круто заваренного чая. Ходят, скалятся…

– Топик, шортики, блондинка с густющими волосами до пояса, грудь, попка… все при ней, короче. Вы не подумайте – на нее все смотрели. И я тоже. Но как… смотрел и понимал – у меня и шанса нет. У ней крупными буквами на лице написано было, что самой сексуальной частью мужика она считает размер его баланса. А мы орки с мечтами перекраситься в полуросликов. А вот Шток… он уже хорошо выпил. И ему прямо крышу снесло от Евы. Она на него разок глянет… Говорю же – суккуб. Я сразу так подумал. Хотя лучше про девушек такое не говорить – нехило отхватить можно.

– Почему?

– Суккубами или сукками в Дренажтауне платных девочек называют. – утерев рот, пояснила Йорка. – Класс. Я сыта…

Сыта она. Как же. По сути ничего и не съела. Просто сам вкус и аромат жареного мяса…

– Проститутки? – уточнил я.

– Точно.

– И называют их суккубами или сукками? Я верно понял?

– В точку. Мы были гоблинами, стали орками. Теперь боевые орки. А они – сукки, суккубы. Это про девочек. Платные парни – инкубы.

– Инкубы и суккубы. – хмыкнул я. – Потрясающе. Зато понятно. Идем дальше по истории. Эта Ева – она сукка?

– Да вроде нет. Просто одета так… ну ты понимаешь… Ей и с руками-ногами повезло исключительно – прямо как родные. Ножки, руки – все в тему.

– Ясно. Давай дальше.

– Еще выпьем?

– Плохо тебе не станет?

– Да я трезв.

– Вижу. – согласился я.

Он убил. Возможно, в первый раз. В таких случаях алкоголь часто пасует и почти не действует на организм свежеиспеченного мокрушника.

– Я плачу. – добавил зомби.

– Заказывай. – разрешил я. – Залпом не пей. Цеди по глоточку пятиграммовому. Тогда точно подействует. Я закажу. А ты рассказывай.

– Шток глаз от нее не отводит. А она вопросы того козла Ладоса повторяет. Сколько, мол, зарабатываем, удалось ли что отложить, как с личными вещами. И все это с такими шуточками и милыми улыбками, что даже не задумываешься о том, что незнакомой девушке рассказываешь свои планы, называешь накопленную сумму… Я язык чуть прикусил. А Шток поет заливается, солы тратит, баланс до нуля опустил. Я вовремя язык прикусил и сказал, что денег нет. В голове шумит. Пора по капсулам и спать. А эта тварь и говорит – а давайте погуляем по ночной Окраине. Подышим свежим воздухом… я сказать ничего не успел – а Шток уже кивает. Она разливает остатки, поднимает тост. Знаешь, какой тост? Не угадаешь!

– Какой?

– За роковое знакомство! И представь – мы выпили! Поулыбались! Я еще подумал – что за тупой тост? А потом решил, что пытается казаться загадочной. Ну или уже пьяная. Выпили, встали, вышли, всех шатает – меня и Штока по-настоящему, а эти, как я уже потом понял, больше притворялись.

Баск понурил голову, сжал кулаки, заново переживая прошлое. Подошедшей официантке кивнул на стопки и жестом показал, как ем ложкой из тарелки, вопросительно глянул. Девушка кивнула и показала семь пальцев. Согласно опустил

веки, жестом попросил принести. Две стопки самогона и тарелка горячего супа. Или просто бульона – тоже сгодится.

– Я Штока сумел в сторону оттащить. Говорю ему – хватит. А он меня обнимает и на ухо шепчет: «Братан! Это любоф-ф-фь». Отталкивает и к ним. Ну и я следом – не бросать же. Идем, а мне все хуже, в голове шумит. Блевать пока не тянет, но вот прямо нехорошо. Странно нехорошо. Решил приходить в себя. Они топают по коридорам, все как в тумане, хохочут, Шток с Евой уже в обнимку, а Ладос вроде и не против, улыбается, показывает ему большой палец, подмигивает мне, тихо показывая на них – вон, мол, как парню повезло. Похоже, не один ночью спать будет. Да еще и с такой девочкой – он даже пальцы себе целовал, чтобы показать «какая это девочка». Я киваю как болванчик. А мне все хуже. Вялость странная. Так я бутылку с водой открыл, в кармане поясной сумки порылся и давай в бутылку таблетки пихать. Шиза, энергетики, кофеин с витамином С. Все туда запихнул. Поболтал, газ выпустил и иду пью потихоньку. А мы все идем и идем. В то время я коридоры особо не знал – зачем учить схему, если на стенах указатели? Поэтому даже не насторожился – а ведь мы свернули на те тропки, что ведут к тридцатому магистральному. Коктейль свой бодрящий я допил. И что интересно, – «глянул» на меня Баск, уставившись пустой глазницей, – я уже допивал, чувствую себя чуть лучше, и тут она – сука Ева – как обернется! Будто почувствовала что-то. И на бутылку – зырк! Губы улыбаются, а глаза нет. Смотрит пристально и спрашивает – а что ты пьешь и чего не делишься?

Прервавшись, зомби чуть помолчал, отхлебнул из освеженной стопки и продолжил:

– Меня будто за язык кто-то схватил. Не дал сказать правду. Шизу, мол, пью, сказал. И раз – допил последний глоток. А бутылку выкинул. Она при-и-истально так на меня поглядела и снова Штоку голову на плечо положила. У того аж ноги подогнулись. Она ему что-то шепнула. Он поворачивается, на меня смотрит – и глаза у него бешеные! Злобные! Что она ему такое шепнула? Может, сказала, что я на ее задницу пялился? И он заревновал? Так я и, правда, пялился… Проходим мы еще одним коридором, и тут я вижу – Штока шатает люто. Он прямо идти не может! К нему, с другой стороны, тут же Ладос подскакивает – да так заученно, словно каждый день бухих таскает. И на меня посматривают – даже с удивлением. И меня опять будто кто-то в бок толкнул. И пошел я мотаться, за стены хватаюсь, в ногах заплетаюсь. Но все равно туплю! Все равно продолжаю идти! И в голове – вот поверь, Оди! – ни единой реально страшной мысли. Мне неохота идти, мне лень, хочу

спать, злюсь на Штока и немного ему завидую. Все смешалось. А страха и понимания «тут что-то сильно не так» – этого нет и в помине.

Баск отпил еще самогона. Я пододвинул к нему тарелку с принесенным супом – простой бульон с парой кусочков мяса и костью. Пахнет вкусно.

Взяв ложку, зомби принялся машинально есть. Похоже, он даже вкуса не чувствовал, настолько был поглощен воспоминаниями.

– Проходим последние шагов сто, коридор кончается – и я понимаю, где мы. Гиблый Мост! Вот куда вышли. Да там никто никогда не гуляет! Рядом Зловонка, внизу Стылая Клоака. Столько страшилок про эти места! А Ладос и говорит – глянем вниз? С края каньона? Я шаг назад, оглядываюсь, говорю – пошли отсюда, ребят. Обалдели? Это же Гиблый Мост. Уходим! А она губы надула и Штоку обиженно так – ну вот, твой друг портит все веселье. Не люблю унылых компаний. Или все делаем вместе – или я пошла. Штоку как шилом под зад дали – на меня навалился, еле бормочет, подмигивает, икает, головой на каньон мотает. Ты мне, мол, не друг, что ли? Разок глянем – и назад пойдем. Они, мол, обещали дальше за свой счет нас угостить. Каким-то особым когтерезом. Крепкая, видать, штука. Похлеще самогона. И я поддался… я пошел к этому сраному каньону. Чтобы посмотреть с края вниз. До края шага три осталось. Но тут она нас под руки подхватывает и мурлычет – погодите, мол, посмотрите на мост. Там кто-то идет? Мы, кретины, послушно останавливаемся, пялимся на пустой мост. А она смотрит вверх – я краем глаза вижу. Тоже туда лицо дергаю. А там полусфера медленно поворачивается. Ты видел ту полусферу?

– Большая. Криво висит. – киваю я, вызывая в памяти отчетливую картинку огромной старой полусферы наблюдения, висящей над каньоном.

– Я потом уже узнал – у нее одна сторона «слепая».

– Вот как…

– А она знала. И просто ждала, когда мы выпадем из видимости системы. Тогда все и случилось. Что меня спасло? Шток упал. Просто отключился. И рухнул. А я попытался его удержать, но упал вместе с ним. На спину рухнул, а надо мной – ш-шух! – дубина просвистела. Я ахнул! А Ладос снова замахивается! Я в сторону! Дубина по животу Штока. Он стонет. А я на четвереньках бегу. И тут пинок по ребрам. Ору. Падаю и качусь. Тело работает само. Встаю и бегу. И убегаю! Шагов на десять убежал. И тут вспомнил – Шток! Поворачиваюсь, а Ладос его вниз сталкивает. Ева идет ко мне, ее рука в рюкзаке с плеч

снятом. Красный такой рюкзак с черным длинным языком на клапане. Я хотел мимо пробежать, оттолкнуть Ладоса, поднять Штока – и прочь! А она рюкзак с руки стряхивает небрежно так – и я вижу у ней в ладони страшную такую хреновину. Два когтя на палке. Что-то вроде тонкой дубины, но с когтями. Ей она меня и деранула по лицу. Умело так. И эти ее бешеные глаза, когда она била… и все. Это было последнее, что я увидел в жизни – ее лицо и тень хлестнувшей по лицу когтистой штуки. Боль! Упал! За лицо хватаюсь – палец в глаз проваливается! Я как заору, как вскочу и побегу… а мне вслед крик Ладоса: «Ева! Стой! Мать сейчас увидит! Пусть уходит! Тащим этого под мост!» А я бегу. И на полном ходу в стену. Головой. Оглушенный падаю, опять вскакиваю, упираясь плечом в стену и скольжу по ней пока не «проваливаюсь» в тридцатый. По нему уже и побежал – также по стене скользя плечом. А Шток… его утащили вниз. Вот такая вот тупая история.

Зомби допил самогон, спешно дохлебал суп и, отставив пустую посуду, вздохнул:

– Так я ослеп. И поделом. Сам виноват. Ладос же… через пару дней он ко мне подошел. Я на стенном выступе лежал с башкой замотанной и заклеенной. Пытался сообразить, как дальше жить. А он бесшумно подошел – раньше я прислушиваться еще не умел, не мониторил звуки вокруг – и шепчет мне на ухо: «Ну ты сучара и везунчик! Теперь живи и бойся. Каждый день бойся. Мы тебя все равно рано или поздно достанем. И утащим. На котлеты… – клянусь, он так и сказал – на котлеты… И добавил: – Хочешь пожить еще хоть немного – молчи! Молчи!» Потом он ушел. До этого я думал – надо как-то быстро сдохнуть, без глаз жизни нет. А после его слов все поменялось. Я решил – не сдохну! Выживу! Скоплю денег, найду способ починить глаза – хотя бы один. И когда-нибудь убью этого ублюдка! А затем ту суку! Начал учиться жить заново. Как ходить, как ориентироваться, как прислушиваться и как терпеть, постоянно терпеть издевательства. И как постоянно ждать удара от подкравшегося Ладоса или суки Евы. Может, поэтому я так быстро освоился и обучился – потому что все время ждал удара. Но что смешно – он со мной поговорил, погрозил… и пропал. Это случилось полгода назад. И вот сегодня он только появился – да вы сами видели…

– Видели. – подтвердил я.

– Видели. – согласилась Йорка.

– Ясно. – подытожил я. – Бодрая такая история. Ладоса в минус. Поздравляю – одного кровника ты грохнул. Осталось прикончить суку Еву. И я тебе в этом помогу. А пока давайте-ка посмотрим, что сученыш Ладос таскал в своей поясной сумке…

Я выложил на стол трофейную сумку и принялся ее осматривать. Внешне ничем не примечательная. Открыть не успел – зомби дернулся, ладони с треском ударили по столу.

– Забыл кое-что еще! Голос! Третий голос!

– Поясни-ка. – сумку я пока отложил. Успеем.

– Когда я вскочил и побежал, когда Ладос орал «Ева! Стой! Мать сейчас увидит!..», тогда же, за пару секунд до того, как приложился головой о стену, был еще один голос! Хриплый такой, властный. И шел он снизу – из-под моста. Голос кричал: «Живей! Тащите мясо сюда!» Мясо! Мне этот момент потом в кошмарах снился – и в них мне убежать не удалось. В них эти твари тащат меня вниз и уносят в туман. А из тумана голос: «Мясо! Тащите мясо сюда!»

– Вот и еще один из кодлы похитителей нарисовался. – подытожил я. – Причем на дело он сам не ходит. У Ладоса на шее была татуировка. Под шейным платком. Там целая композиция. Довольно красиво выбит рисунок Гнилого Моста, над ним кривая полусфера наблюдения, а под мостом – силуэт крупного мужика, с раскинутыми руками. Мужик как бы стоит на надписи: «Мясо и Свобода!» Можно, конечно, подумать, что это абстракция такая… но отнесемся проще – на татухе изображен босс. Портрет шестерки или рядового на шее никто накалывать не станет. Там самое место боссу. Его голос ты, скорей всего, и слышал. И отсюда интересный вопрос, гоблины и зомби – как долго сказка длится будет?

Увидев непонимающий взгляд Йорки и наклоненную голову Баска, пояснил:

– Сказочные расы и классы продолжают править балом. Зомби, гоблины, орки, полурослики, суккубы, инкубы, а теперь добрались до настоящей классики – до тролля.

Тишина…

– Тролль. – повторил я. – Страшный сказочный великан, живущий под мостом и взимающий плату за проход по нему. Похититель, людоед, злодей. Под твое описание подходит идеально.

– Звучит мерзко и страшно. – кивнула напарница. – Так и будем его называть.

– Ни в коем случае. – не согласился я. – Никак не будем его называть. Если я провел такую аналогию – тролль под мостом – то и другой сможет. Услышит нас кто-то знающий о делах вокруг и под мостом – и поймет, о чем шепчемся и бормочем. Что-нибудь еще, Баск?

– Нет. Просто еще раз спасибо, Оди.

– Потом поблагодаришь. Когда найдем ту красивую

блондинку Еву и поговорим с ней о мясе, глазах и сучьем поведении. Теперь сумка…

Откинув клапан, заглянул внутрь. Сразу стало ясно – это не предмет личного обихода. Сумка вообще не принадлежала сдохшему Ладосу. Ведь вряд ли даже конченые злодеи и упыри забивают такой кошель одними лишь плотными столбиками средней величины серых таблеток. И больше ничем. Показал содержимое Йорке, та зашептала на ухо Баску, пока я убирал сумку в рюкзак. Задумчиво постучав пальцами по столу, хмыкнул:

– Мы зарезали курьера. И либо это новый пищевой рацион, либо таблетки, надежно разгоняющие грусть и печаль. Выпил одну – и ненадолго отправился в яркий и красочный мир, где ты не гоблин, а человек.

– Наркотики. – прошептала Йорка.

– Скорей всего. – кивнул я. – Чем еще это может быть? Экспериментальным лекарством от геморроя? Наркота как есть – безликая, сладкая и опасная. Ладос остался на побегушках. Сначала работал вызнавалой, заманивал и доставлял живое мясо. Теперь вот таблетки таскает. Йорка. Баск. Я ведь правильно помню – Ладос шел по двадцать девятому от Гиблого Моста?

– Да.

– Вроде так.

– Сумка полная. Он пополнил запас и двинулся разносить товар по мелким дилерам. Вряд ли он с таким количеством таблеток стал бы торговать поштучно. Тут прямо мелкий опт. Если отдать по двадцать-тридцать таблеток в одни руки – управится за день и вернется обратно.

– Вернется куда? – Йорка с интересом следила за ходом моих мыслей.

– Дренажтаун. – без раздумий ответил я. – Все дерьмо мира стекается в Дренажтаун. Так ведь говорят? Вряд ли таблетки штампуют на Окраине. Нет. Сюда их приносят. Продают тем, кто в состоянии позволить себе дорогое удовольствие. Конечно, если это на самом деле наркотик. Слышали что-нибудь о серых таблетках раньше?

Отрицательное покачивание голов меня немного разочаровало, но не обескуражило. Есть много способов выяснить необходимую информацию. Но надо ли? Меня сейчас куда сильнее интересовало другое.

– Расплачиваемся и выдвигаемся, бойцы. Добрая система выдала нам еще одно боевое. И отказаться мы не можем.

– Патруль? – простонала Йорка, поглаживая ноги. – Ох мои бедра… но надо – значит надо.

– Патруль. – кивнул я. – Но… странное какое-то

патрулирование, если честно. Слушайте…

Задание: Патруль пятого участка периметра УГПК.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 17:30.

Описание: Патрулирование пятого участка периметра. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: Зона 3, блок 9, центральный зал 12.

Время выполнения: продолжать патрулирование до тройного звукового и светового сигналов.

Награда: 90 солов.

Нет… система не добрая… тут пахнет чем-то нехорошим. Почему такая большая награда и странная неопределенность с временем завершения задания?

И почему такие мрачные застывшие лица у Йорки с Баском?

– Мне две стопки самогона. – выдохнула девушка. – Я оплачу. Дерьмо…

– Плохо дело. – поддержал ее зомби.

– Заметка обоим на будущее – люблю короткие информативные доклады. Просто обожаю. – заметил я, берясь за стопку. – В чем проблема с этим заданием? Почему такая высокая награда?

– Плата за риск. УГПК – это не патруль. Совсем не патруль. Надо просто стоять и ждать – завалят тебя или повезет выжить.

– Расшифруйте веселые буквы.

– УГПК – уничтожение гнезда плунарных ксарлов.

– Система отыскала гнездо плуксов. И поручила какой-нибудь бригаде его вскрыть и зачистить. – подхватила Йорка. – А мы… мы на подхвате… боевые группы стоят на периметре и просто ждут.

– Гнедо вскрывает бригада. На нее основной удар. Но кому-то удается ускользнуть. Плуксы проскакивают и бегут. Если их не остановили бойцы – придется нам.

– Плуксы бегут? – недоверчиво спросил я. – Даже серые? Они же безбашенные, знают только атаку.

– Яйца уносят. – пояснил зомби. – Икру свою спасают. Там же гнездо. Я сам в таких зачистках не бывал. Но рассказов наслушался много… Часть плуксов атакует, другие уносят икру под брюхом. Встанешь на пути – сомнут!

– В гнезде много плуксов?

– По-разному. Говорят, от возраста гнезда зависит. Чем старее – тем больше в размерах, тем больше плуксов, тем они крупнее. Я слышала сказки про плуксов размером с орка.

– Сами хоть раз при зачистке гнезда были?

– Нет! – опять у них получилось ответить хором. Даже эмоции одинаковые вложили.

– Но слышали?

– Слишком много!

– Слышали, командир. Но… это просто кровавые страшилки. В каждой кляксе Окраины вечером хоть кто-нибудь да заведет разговор о последней зачистке. И со смаком начнет перечислять сколько там орков и полуросликов полегло, как хлестала кровь из рваных ран, как вопили и хрипели умирающие. Пользы от таких рассказов ноль.

– Вообще ноль?

– Ну… – зомби призадумался. – Страшней всего, когда гнездо находят в коридоре. Места там мало. Прет целая волна плуксов. Так говорят. Чем больше места – тем больше шансов выжить.

– В задании указан двенадцатый зал девятого блока. Третья зона.

– Большой зал! – мгновенно ответил Баск. – Как тот, где мы познакомились.

– Ага… – отставив стопку, скомандовал: – С алкоголем завязали. С едой тоже. Задание по зачистке система поручает бригаде?

– Точно. Последние два раза этим Сопли занимались.

– Результат?

– Зачистили.

– Жертвы?

– Прошлый раз вроде ничего – где-то десять орков полегло. В позапрошлый раз был мрак. Они вскрывали огромное гнездо. Оттуда как хлынет… все кровью умылись. Сколько бойцов бригада потеряла – не скажу. Нанятых со стороны орков, гоблинов, зомби и червей… всех вместе под полсотни будет.

– Что? – не поверил я. – Пятьдесят душ полегло? Стоп… черви? А они там каким боком?

– Плуксы не разбирают кого кусать. – тихо-тихо сказала Йорка. – Брось на их пути визжащего червя – и они на нем как мухи на куске дерьма соберутся. Удобно. Берешь дубину или шило – и по неподвижным мишеням бей не хочу. Хороший червь может собрать на себе до десяти не слишком крупных плуксов.

– Шутишь?

– Нет, гоблин. Не шучу. Как первый раз услышала и поняла – меня вырвало. Как увидела «отработанного» червя – меня вырвало снова. И потом не могла два дня в рот ни крошки взять – сразу живот сводило. На том бедолаге места живого не было! Весь в дырах! Как кусок сыра жеваного! А лицо целехонькое – перепуганное, мертвое. Черви – это черви. Живой мусор. Как их

только не называют. Послушаешь – и понимаешь, что хуже нас в мире не сыскать. Мы не люди. Мы твари. Мы заслужили жить вот здесь и вот так – в грязи и страхе! Оди! Лопнуть и сдохнуть! Послушай, как червей называют! Говорю, что слышала: прокладки, щиты, танки-камикадзе, липучка для плуксов, буфер, главный доброволец, смельчак. Чаще всего – богатырь или батыр!

– Почему?

– Как я поняла из рассказов, в древние времена, чтобы не лить понапрасну кровь, от каждого войска по самому сильному воину отправляли.

– Понял. – кивнул я. – Поединок богатырей. Это разумный подход – малой кровью достичь большой цели. Пусть лучше погибнет один сильный, чем поляжет пара тысяч слабых. Кто-то же должен детишек плодить и землю пахать. А червь… да… безногий и безрукий богатырь, что ценой своей жизни защищает целую группу от ран и смерти. Как ты там сказала? Хороший червь собирает на себе до десяти некрупных плуксов? Это мерзко. Но если судить с позиции чистой тактики – это невероятно результативный метод. Честно говоря, метод просто потрясающий. Не поймите неправильно…

– Лопнуть и сдохнуть… это же живое существо, Оди! Без рук и без ног – но он живой! У него тоже есть право! Он тоже хочет жить! И, может, никогда и никому не сделал ничего плохого! Просто ему не повезло! И не повезло втройне, когда группа ублюдков хватает его, затыкает рот, тащит бедолагу темными тропами и бросает на пути атакующих плуксов! Тебя ведь кусали плуксы, Оди. Больно было?

– Мягко сказано.

– Вот! А в него десять плуксов вгрызается! Говорят, когда плукс просто насыщается – это боль так себе. Но разозленный убегающий плукс – это по-настоящему страшная боль от укусов. То ли он яда больше впрыскивает, то или еще что. Но мучительней боли просто нет!

– Я не собираюсь так поступать, Йорка, – мягко сказал я. – Просто оцениваю с разных сторон. Но все равно верится с трудом.

– Это правда, командир, – кашлянул Баск. – Плукс не разбирает, сколько у тебя рук и ног. Сразу атакует. Так что многие прихватывают с собой живые щиты. Особенно на УГПК. Тащить тяжеловато. Но если жить хочешь – дотащишь. Не попадется ничейный червь – схватишь доходягу-зомби однорукого и безногого. Но червей всегда полно. Каждый закоулок ими кишит. Чем только живут? Выберешь самого жирного – и вперед. Дашь червю по башке, чтобы не орал, заткнешь рот. И тащишь сумрачными тропками. На месте припрячешь его под тряпками

или рюкзаками. И ждешь спокойно. Как увидел несущихся монстров – бросаешь на их пути червя. И ждешь. Едва твари присосались, когти вбили – спокойно подходишь и бьешь дубиной или шилом. Я разговаривал с одним таким уродом. Я ему – ты ублюдок. А он мне – нет, просто я жить хочу. А червям уже терять нечего. Они не живут – выживают. И вообще, говорит, когда плуксов на теле приманки убиваешь, главное червю в глаза не смотреть. И лучше ему язык заранее вырезать – чтобы не отвлекал мольбами. Ну и глаза тоже можно выколоть. Ему же легче, если смерть не видеть.

– Твою мать… – процедил я.

– А рыбалка! – дернулась Йорка.

– Вы тут еще и рыбачите?

– А как же! На червя хорошо берет! – невесело улыбнулся Баск. – Тут все просто, командир. Мы с этим еще столкнемся. И очень скоро. Суть проста – когда визиты плуксов учащаются, или после вскрытия гнезда, когда части тварей удается убежать, система всем боевым группам и даже одиночкам отмороженным дает особое бонусное задание. На убийство плуксов. В такие дни даже заслонки на стенах иногда открываются некоторые – чтобы внутри проверить на плуксов. Чем больше убьешь и чем больше плуксов дохлых сдашь назначенному ею номеру – тем больше награду она тебе выдаст. Короче – система отправляет на охоту.

– Это название лучше подходит. – кивнул я.

– Ни хрена оно лучше не подходит! – отрезал зомби. – Тут больше рыбалка. Чаще, конечно, как положено охотятся – находят, атакуют дубиной, потом шилом или ножом. Но зачем рисковать? Проще пойти порыбачить! Выгодней и безопасней. Сначала берешь снасть подлинней и покрепче – веревку. Потому идешь покупать или копать червей. В чем разница, знаешь?

– Поясни.

– У червей свои общины. Вообще запомни, командир, – черви всегда живут с зомби. Иногда шутят, что они живут в зомби или на зомби. Черви ведь попрошайничают.

– Видел.

– Вот. Зомби их с утра разносят на места. Вечером собирают. Они вместе едят, вместе спят на стенных выступах. Зомби червей моют, таскают их в туалет, защищают. Тех, что покрасивше – продают желающим дешевого секса. Зомби просто так не ударит червя – понимает, что сегодня-завтра и сам червем стать может. Как ты с червями обращаешься – так и с тобой позже будут. Каждый такой закуток, а с ним и община, называется гробом.

– Гроб?

– Ага. Гроб. Ну ты понял – в их закутке темно, там нежить и

там черви кишмя-кишат. Ну и пахнет… Прямо как в гробу.

– Мерзко и метко.

– А в каждом гробу свой лидер. Вот у него и можно купить себе червя на наживку. Если деньги есть. Он всегда будет рад продать нерадивого червя – самого недовольного и голосистого или не приносящего прибыли.

– Каждый новый день прибавляет мне ненависти к этому чудесному месту. – широко улыбнулся я. – Окраина – рай для добровольно низших! Живем как на той картине в соседней кляксе: «Добровольно низшие? Счастье в работе и досуге!» Дай угадаю – а если денег на червя нет, то…

– То приходится их копать. – кивнул зомби. – В смысле – воровать. На входе в гроб всегда охрана. Морду лица замотал тряпкой – и вперед. Там уже по ситуации действуешь. Либо самого охранника хватаешь – если червя бдеть поставили у стеночки. Либо поглубже заходишь и хватаешь червя пожирнее. Бьешь по башке, выносишь – и ходу. Главное, чтобы тебя не опознали. Отомстят.

– Еще бы! – буркнул я. – Представь себе – сидишь ты дома, с женой чай пьешь. И тут бах! Дверь вылетает! Жену бьют по голове, хватают и уносят – плуксов кормить! Да что не так с этим долбанным миром?! Так быть не должно! А рыбачат как? Хотя я уже допер… заслонки?

– Ага. Вечерами столько рыбацких историй рассказывают. Столько баек жутких! Вроде не про себя рассказывают, с юморком, но ты ведь понимаешь – они про себя говорят, сегодняшние рыбацкие мерзкие будни описывают. Копнули, мол, с друганами червя. Женского пола. Ничешная такая, все при ней кроме рук и ног. Иди далековато было, пару раз останавливались. Ну заодно червяную девку мужским вниманием порадовали. Дошли потихоньку. Начали рыбачить. Обвязал червя, вдвоем с напарником поднял, раскачал – и внутрь. Шмяк! Потом сидишь и ждешь. Веревку в руках держишь. Вот червь закричал, завизжал. Ты сидишь. Ждешь. Слушаешь вопль дикий. И как только крик сменится хрипом – тянешь! Двое с дубинами и шилами стоят. Вытянул червя хрипящего – а на нем богатство! Если повезет – червь после первого раза не сдохнет, и его еще раз использовать можно будет. Так же советуют всегда брать с собой больше клея медицинского. Раны червю залить, чтобы кровью не истек. И обратно его! Лучше червей бабского рода стараться покупать или копать – они живучей. И в дороге с ними слаще – если группа мужская. Но хорошего женского червя дешево не купишь. А много денег тратить… поэтому лучше заранее червяночку симпотную присмотреть и умело ее «копнуть». Такие вот рыбацкие байки

рассказывают вечерами. Так вот рыбачат на Окраине, Оди. Вот кого здесь называют рыбаками. Как тебе?

– Всех таких рыбаков взять бы и… Ладно. Их время тоже придет. Все изменится.

– На Окраине никогда ничего не меняется.

– Изменится. – уверенно сказал я. – Обязательно изменится!

– Это с чего бы?

– Я здесь. – улыбнулся я. – И мне это дерьмо не нравится. Как и рыбацкие байки. Так быть не должно. Теперь, ребятишки, поговорим о вашем отношении к заданиям и сложностям. Не нравится мне оно – отношение ваше. Отныне и впредь, когда мы сталкиваемся с очередной трудностью или опасностью – а их у нас впереди море, это я обещаю! – вы должны радоваться. Вы должны с предвкушением потирать ладошки и облизываться – наконец-то опасность! Наконец-то трудность! Почему? Потому что это дает нам шанс преодолеть новое препятствие и благодаря этому стать сильней, умней и умелее! Вот каким должно быть правильное отношение! Как только я сказал про задание УГПК – вы должны были обрадоваться, должны были показать мне хищный оскал уверенных в себе волков! Вы должны были вспомнить все, что вам известно о зачистке гнезд и тут же задуматься – как и где встанем, как надо действовать, чтобы выжить. И впредь – только так! Поняли меня?!

– Да!

– Йесть!

– Выдвигаемся. – скомандовал я.

– Так время ведь еще есть. Успеем.

– К чему успеем? К началу прорыва плуксов? Нет уж. Я хочу быть там заранее. Мы внимательно осмотрим позиции, выданные нам системой, оглядим зал, оценим обстановку. Баск, Йорка – я не забыл. По счетам сегодня платите вы.

– Само собой, командир, – кивнул зомби.

– Есть грешок. – вздохнула Йорка.

– Как только закончим с зачисткой гнезда – отправимся дальше, – добавил я. – Это я к тому, что день сегодня будет долгим. Но интересным.

– Да тут УГПК бы пережить!

– Переживем! – отрезал я. – Другие варианты не рассматриваются!

Глава третья

Добравшись до нужного места, быстро отыскали указанный в задании участок. Решив осмотреть сам зал позже, сначала взялся за изучение пятого участка. Одного взгляда хватило, чтобы понять – наши перспективы не самые радужные. Не знаю, чем руководствовалась система, но сегодняшнее ее решение я бы с удовольствием оспорил.

Вверенная нам зона представляла собой отрезок стены шириной всего в восемь шагов. Какая ерунда. Одна проблема – прямо посреди нашего участка имелся прекрасно видимый издалека коридор. Для любого беглеца, будь он плукс или гоблин, коридор – лучший путь для отступления. Не в стену же с размаху биться. Коридоров в зале хватало, но все равно обидно, что моей маленькой и пока неслаженной группе достался такой участок.

Вдвойне обидно стало, когда увидел неплохо снаряженную радостно скалящуюся пятью пастями орочью группу по соседству – шестой участок оказался сплошной стеной. Их шансы избежать атаки убегающих плуксов куда выше наших.

В десять раз обидней стало после поворота на сто восемьдесят градусов. С четвертого участка радостно скалилось еще четыре орка с дубинами, ласково поглаживающих стену без малейших признаков прохода.

И где справедливость? Да к черту справедливость. Где холодный математический расчет?

Не понять, чем руководствовалась система, ставя на заманчивый для плуксов проход трех орков без экипировки, а рядом с ними, на куда более безопасных участках, разместив четырех и пятерых орков с хорошим защитным снаряжением.

Да в задницу. Слезливо орать в потолок бесполезно, что-то требовать у здешнего высшего судии – бесполезно. Реальность положения проще принять как данность и начать действовать. Как это сделать? Пока неясно. Продолжу осмотр – время позволяет.

Текущее время: 16:53.

Скалящиеся уже не радостно, а злорадно орки по соседству начали утомлять. Решил проблему широкой улыбкой счастья, показав ее соседним группам. Их моя радость обескуражила. Улыбки потухли. Обиделись… будущий труп не плачет, а лыбится. Весь кайф испортил, засранец…

Зал…

Квадратный. Пустой. В дальнем углу небольшое вздутие пола. Наглухо закрытые ряды отверстий в стене. Решетки… они

повсюду. Квадратные решетки больших и малых размеров натыканы в потолке, полу и стенах. Из некоторых выходит пар. За другими загадочно улыбается темнота. Из зала выходит семнадцать коридоров. На потолке две полусферы – большая висит в центре, маленькая мотается по периметру, изредка убегая в коридоры, но вскоре возвращаясь.

В центре зала плотная толпа. Нехилая концентрация достаточно уверенных в себе личностей. Подойдя ближе, сразу заметил знакомые пламенные эмблемы. Зачистка гнезда плуксов снова досталась бригаде Солнечное Пламя. Радоваться или грустить? Тут не поймешь. Я знаю о двух случаях зачистки. В прошлый раз все прошло относительно нормально. В позапрошлый – зал залило кровью. Третий случай – сегодняшний – сделает статистику гораздо точней.

Чего я не вижу?

Гнезда.

Понятно, что оно скрыто где-то за стенами или решетками. В этом и суть потаенности. Это не муравейник и не осиное гнездо, в глаза не бросается. Однако система его все же обнаружила. Кстати, интересно – как она это сделала? Навскидку вижу пару вариантов, но не понять, какой метод использовала система. Есть один четкий факт – гнездо обнаружен. Аврально созваны силы для его ликвидации. Прекрасно. Вот мы все здесь. И? Проблема в том, что нигде не видно отмеченного участка, скрывающего под собой гнездилище плунарных ксарлов. Хотя бы мелом крестик черканули что ли. Ну или светом красным подсветили. Это помогло бы настроиться, измерить расстояние от гнезда до своей позиции, а силам бригады было бы куда удобней расставить заранее бойцов и начать планировать первые действия.

Но… никаких обозначений.

Вычленив взглядом несколько бригадных шишек, ориентируясь не на их одежду, а на выражение лиц, жесты и поведение, пригляделся и удивленно присвистнул. Либо я разучился по лицам и жестам читать, либо бригада понятия не имеет, где именно скрыто гнездилище плуксов.

Поняв, что расспросить никого не удастся, решил выждать – вдруг знающие личности важно явятся перед самым началом? Хотя это тупо. Но вдруг тут такие порядки заведены. Оглянувшись, поморщился – пара решеток была в непосредственной близости от нашего участка. А вот заслонок в стене на нашем участке не имелось. Первая хорошая новость.

Подойдя ближе к центру, принялся неторопливо оглядывать бригадных бойцов, собирая в голове факт за фактом. Осматривал и зал, приглядываясь к собравшимся группам.

Насчитал шестьдесят бойцов бригады с допустимой погрешностью в десять рыл – они постоянно перемещаются.

Большей частью тяжелая экипировка. Разумно. Обычного плукса вполне реально убить даже шилом при хорошей координации действий. Будь я в форме – попробовал бы ради оценки своих сил. Наличие же дубины с шипами дает огромное преимущество в формате один на один. Поэтому бойцам не нужно много вооружения. А вот хорошая защита не помешает – пусть накинувшийся плукс грызет металл и пластик, а не рвет живую плоть.

Бойцы поделены на звенья по десять рыл в каждом. Грамотно снаряжены. На плечах отчетливо вижу желтые полоски с красными отметинами. Погоны. Командир звена, помимо погон, отмечен желтым шлемом с пластиковым прозрачным забралом. Шлем вроде мотоциклетного. У некоторых на шлемах красные полосы. Число полос разнится, встречаются редко. Еще реже – прикрепленные на манер боковых гребней пластиковые языки огня желтого цвета. У двоих звеньевых еще и третьи гребни – гордо тянутся по макушке шлема. Высокое красное пламя. Это уже знаки отличия… вроде медалей. Младший состав только в погонах. Им головные медали не положены? Шлемы-то есть – серого безликого цвета.

Шлемы – на зависть. Прямо хочется. И те «воротники», что у бойцов под шлемами. Чем-то напоминают отрезки гофрированных пластиковых труб, надетые на шеи. Но более гибкие, хотя и туговатые. Видно, как солдаты вполне успешно ворочают шеями. У многих самодельные пластиковые щиты. Часть из них выглядит обычно, часть же странно непривычно – изогнутые, узкие, с вертикальной щелью по центру. Снаряженные такими щитами носят на поясе длинные тесаки с широкими сильно зазубренными лезвиями. Рассмотрев внимательней, примерно разобрался в изюминке такого набора. Вполне разумно в битвах с небольшим количеством плуксов. Даже умно…

Оружие… преобладают дубины и короткие дротики с поперечными коротенькими перекладинами. Это у центральной группы тяжелых бойцов. У ядра. Но уже начало образовываться второе внешнее кольцо, состоящее почти сплошь из женского состава. Эти вооружены дротиками и теми самыми «дощечками» отдаленно похожими на грубо вырезанные из дерева детские винтовки.

Но ядро и круговое построение все время «елозят» по залу. Если глянуть сверху, то вид будет как на эукариота, бьющегося в электрических разрядах. Ядро мечется в безумии, ударяется о клеточную мембрану, что торопится отступить. Причина ясна –

никто не знает, где именно в зале скроется гнездо плуксов.

Осмотр охранников периметра ничего не добавил в мою копилку знаний. Кто-то экипирован лучше, кто-то хуже. Тройки, четверки, пятерки, несколько звеньев. Все заняли свои позиции, несколько орков прогуливаются с похожей на мою заинтересованностью. Все мужики. Ну так! Нам, гордым самцам, только дай повод пройтись по округе со скучающе-уверенным видом чуть усталого крутого профессионала, поглядывающего на всех с легкой снисходительностью, смешанной с угрюмой обреченностью – опять вокруг одни смертники-дилетанты. Сейчас не разобрать кто из них кто – гордый самец или перепуганная мартышка. Бой покажет. Наклеит каждому точный ярлык – и содрать его будет почти невозможно.

Шагах в двадцати о чем-то оживленно разговаривали две группы. Соседи по участкам. Особенно старался невысокий, но плотный мужичонка с настолько выпуклыми надбровными дугами, что именно они первыми бросались в глаза с расстояния. И только потом ты замечал остальные несущественные мелочи – дубины, орков, гоблинов…

Подойдя ближе, прислушался, не замедляя при этом шаг, продолжая идти мимо. Так я не «зажгусь» в головах беседующих, что уже заметили меня, но-прежнему считали «просто проходящим мимо». Интересное что-то обсуждаете? Нет… обговаривают условия взаимопомощи на всякий случай.

Текущее время: 17:02.

Время еще есть.

Следующие пятнадцать минут я потратил на обход уже не зала, а прилегающих к нему коридоров. Заходил в каждый, углублялся шагов на двадцать-тридцать, пока не упирался в живую колышущуюся преграду – в зевак. Десятки гоблинов и зомби забили коридоры с плотностью винных пробок. Идиоты. Прорвавшийся сквозь заслон периметра плукс отыщет себе хотя бы одну жертву. Не убьет, так погрызет. После чего на тот свет живо отправится десяток-другой гоблинов и зомби из задних и средних рядов. Их опрокинут и затопчут первые, когда ломанутся прочь от опасности. А в первых рядах обычно стоят самые смелые и сильные. Слабаки робко переминаются за спинами лидеров. Слабаки и сдохнут.

Но я им не мораль пришел читать. И не правила безопасности напоминать. Подходя, проводил грубую оценку первых рядов. В зависимости от нее цеплял на лицо испуганную кривоватую, скупую уверенную или грубовато-свойскую улыбку, заводил разговор. Тратил минуты три и уходил, провожаемый насмешливыми пожеланиями не сдохнуть.

Собрав информацию из четвертого коридора, прогулялся до дальнего угла. Вернувшись, остановился в раздумье неподалеку от своей терпеливо ожидающей группы. Интересно…

– И тебе не повезло? – насмешливо вопросил знакомый голос.

Сначала неспешно оценил ладно сидящую экипировку и только затем ответил вопросом на вопрос:

– Почему не повезло?

– Ну раз ты здесь. Опасность нависла и все такое… – Энгри закатила глаза, приоткрыла рот, неумело имитируя испуг.

– А. Да нет. Держусь. – улыбнулся я. – Подбодрить решила?

– А надо?

– Не особо.

– Извиниться хочу.

– Вот теперь удивила. – признался я. – За что?

– За плохие мысли о тебе. Что только что возникли и только что исчезли.

– Еще раз удивила. – повторил я. – И что за мысли?

– Да решила, что ты трус конченый.

– Не пояснишь? Переживать особо не начал, но все же.

– Я тебя заметила минут пятнадцать назад. Мельком поглядывала.

– Так…

– Ты группу припарковал, прошелся немного по залу, посмотрел на наших бригадных. А потом хоп – и незаметно так в коридор, исподтишка глянув при этом на свою группу. Вот я и решила…

– Что я испугался грядущей зачистки и решил сбежать?

– Верно. Но ты вернулся. Только-только начала мнение о тебе менять – а ты уже в другой коридор нырнул. Ну, думаю, в первом коридоре давка, ты просто не протиснулся. Другим путем уйти решил… Короче – вижу ты здесь, на лице страха нет, скорее, задумчивость. Диагноз – ты не трус. И у тебя что-то на уме.

– Далеко пойдешь, Энгри, – склонил я голову почти в серьезном уважении. – Свои дела сделать успела, по сторонам поглядывать не забыла, мнение составила, его же после получения опровержения изменила и, согласно своим принципам, решила извиниться. Есть в тебе стержень. В будущем твоя принципиальность тебе больше навредит, если останешься в бригаде. Это большой коллектив, и тут свои извечные правила выживания. Так что стержень внутренний тебе изрядно согнут, и извиняться ты со временем не будешь. Будешь в глубине души несчастной, но улыбаться не перестанешь.

– Охренеть! Оди! Ты не обнаглел часом? Пророчествует он тут! Бр-р-р… я ведь почему-то даже поверила! Ж-жуть! Ты

будущее, часом, не видишь? Было бы здорово – сказал бы, где чертово гнездо!

– Будущее не вижу. – улыбнулся я.

– Жаль! Какой у вас участок?

– Пятый.

– С коридором. – мигом сориентировавшись, сморщилась Энгри. – И вас все так же трое?

– Верно.

– Извини, гоблин. Помочь не могу. Я сама на подхвате. А старший вам заслон не даст – вы нам никто. Помрете – плакать бригада не станет.

– Да само собой. – пожал я плечами. – Вот и я так же про вас думаю – чего мне вам помогать и рассказывать, где спряталось гнездо плуксов. Вы мне никто. Помрете – моя группа плакать не станет.

Давно не видел такого изумленного выражения лица. Улыбнувшись на прощание, развернулся и пошел к группе. Надо прикинуть тактику на случай прорыва двух-трех плуксов. Ну четверых. Ладно, с натяжкой – пятерых, если попрет реальная мелочь, и ноги меня не подведут.

Что если прорвется десять крупных плуксов и все к нам?

Тут вариант один – мы пропустим их в охраняемый коридор. Тут же ударим бегущим плуксам во фланг дубинами. Двух-трех к полу прибьем. Быстро добьем. И рванем в коридор за остальными. Жертвовать командой и собой ради стада тупых зевак, заблокировавших коридоры, не собираюсь. Но и выпускать плуксов из коридора тоже не стану. Мы догоним прорвавшихся тварей. Найдем их присосавшимися к телам гоблинов и убьем. Вытащим на показ системы. Тут спорный момент – зачтет как успех или провал задания…. Уже без разницы – своих и себя в безнадежный бой не кину. Но звучит как вполне жизнеспособный план. Главное, прибить хотя бы парочку плуксов в момент их входа в коридор. Чтобы система видела – мы деремся, а не убегаем. Мы деремся прямо в зале. А то, что плуксы все же прорвались – так мы не волшебники. Мы грязные гоблины, обитающие на Окраине. Чего ты от нас ожидала?

Главное быстро объяснить группе план. И показать кто куда отходит по моей команде. Я справлюсь сам. Йорка и Баск пусть работают в паре…

Мягко отведя плечо, отступил в сторону, уходя от потянувшейся сзади руки. Энгри попыталась снова. Я снова ушел. Вежливо попросил:

– Рук не тянем. Я ведь не твое вечернее развлечение. Хотя бы мясом угости. Самогона налей.

– Я тебе только под самогон гожусь что ли?

Ну женщины… вот как вообще могло такое на ум прийти?

– Чего надо-то?

– Гнездо плуксов. Ты сказал – знаешь где оно?

– Энгри, ты тут главная?

– Нет.

– Заслон нам дашь? На случай прорыва в нашу сторону стаи плуксов.

– Я не могу, сказала же. Знаешь что-то? Колись. Если информация сходится с нашей – уже отлично. С уверенностью перегруппируемся, будем готовы, когда система откроет заслонки. Мы ведь не знаем…

– Вижу, что не знаете. – кивнул я. – Это же бред. Система не сообщает точное местоположение гнезда?

– В случае с залами – никогда. С коридорами – дает приблизительную область.

– Бред, – повторил я, – безумный бред. Это как если бы у меня под кожей завелись плотоядные жуки, и я знаю, где именно, но доктору с улыбкой говорю – а ты сам угадай, приятель. Даю подсказку – не в голове! Я от природы такой дебил!

– Гнездо.

– Моя выгода?

– Оди. Ты же поможешь куче народу. Сохранишь жизни.

– Но при этом ты не хочешь помочь сохранить жизни мне и моей группе, да? – рассмеялся я. – При таком дерьмовом раскладе – с чего я тебе расскажу? Потому что ты меня однажды компотиком угостила? Потому что ответила на пару моих мелких вопросов?

– Я… Послушай, Оди. Времени не осталось почти. Пока старшего найду, пока смогу убедить – время выйдет. Ну не повезло. Но я хотя бы не вру! Не обещаю! Ну же, Оди. Вот-вот система откроет заслонки и из пола вылезет горб лопнувшего гнезда! А мы не знаем где!

– Почему лопнувшего?

– Это шар из плоти! Крепится намертво к стене или решетке. Когда решетка в полу откинется – гнездо разорвется и все это визжащее кровососущее дерьмо выльется под ноги. Гнездо, Оди. Ткни пальцем в пол или стену. Покажи. И поясни, откуда инфа. Потом с меня угощение! Гора жареного мяса, бутылка горлодера. Две бутылки!

Не обещала она… не врала… ой хлебнет она бед из-за своей правдивости и принципиальности…

– Хрен с ним. Убедила. Мы вот как поступим – я ткну пальцем и поясню откуда такие догадки. В обмен попрошу мелочь – три

пары ботинок. Таких как на тебе. Двенадцать пар нормальных толстых высоких носков. И три ножа. Мелочь для бригады. Ну и обещанный ужин. Все это – если моя инфа подтвердится, и мы выживем и явимся после зачистки в Веселый Плукс. Сделаешь?

– Да! Где? Стена? Пол?

– Потолок. – указал я наверх. – Вон тот дальний угол слева от нас. Ту угловую решетку система и откроет. После чего вы радостным хором крикните «ПИНЬЯТА!» и на вас рухнут плуксы.

– Потолок?! Это редкость! Откуда уверенность?

– Я общался с любопытными смертниками в коридорах. Никто не видел здесь плуксов уже очень давно. Даже намека на тварей. Троим зомби дали задания облегченку по вытиранию грязи с пола в том углу под решеткой. Обычная грязь – слизь с пылью. Через несколько дней это повторилось и в грязи они нашли несколько зубов. В соседнем коридоре – за тем углом – часто слышали шум, доносящийся из-за стены, но за стеной – этот зал. Там нет пустот, я проверил – стена тонкая. Либо снизу – либо сверху. Может, и снизу, но в полу нет решеток, сплошной металлический массив. Там системе просто нечего открыть. Сейчас я был в том углу. Трогал стены. Чем выше – тем они теплее. Всего на градус-два – но теплее.

– Это все? Зубы и теплый металл?

– Ага.

– Мало инфы.

– Погляди на угол.

– Ну?

– Погляди на второй. На третий и четвертый. Сравни.

Поймет? Нет? Тикали секунды, двести девяносто девятая водила головой по сторонам.

– В том углу меньше всего народа.

– Верно. – кивнул я.

– Это не доказательство. Ты же не веришь в пятое чувство?

– Я верю в наблюдение и сопоставление фактов. Все просто – в том углу никто не задерживается. По какой-то причине стараются держаться от него подальше. Даже назначенные туда группы под потолочной решеткой не стоят. Жмутся к стене. Но решать тебе. Я сам уверен процентов на девяносто пять.

– Не прокатит. – покачала головой Энгри. – Мне не поверят. Времени в обрез.

– Ваш старший – мужик?

– Да.

– Возраст?

– Пятьдесят с чем-то. Зачем тебе?

– Отвечай по делу. Раньше он воевал с плуксами?

– Да. И часто.

– Постоянно бойцами командует?

– Да.

– Давно здесь?

– Старожил.

– Вечерами бухает?

– А?

– Вечерами бухает?

– Да! В меру!

– С кем бухает? С начальниками вашими? Или со своими командирами?

– С командирами. Может и с рядовым составом.

– О бойцах заботится? Обеспечивает? Необходимое выбивает? Муштрует? Наказывает?

– Да. Еще как!

– Ты у него на каком счету?

– Повысил меня именно он. Хвалит, но только за глаза.

– Считает тебя смелой?

– Да.

– Как быстро открываются заслонки?

– По-разному. От трех до десяти секунд.

– Сделай так: подойди, спокойно и сжато доложи – есть достоверная информация из надежного источника. Гнездо может находиться в том углу с семидесятипроцентной достоверностью. Так и скажи. Спросят о источнике – скажи, что твой информатор не раз доказывал надежность. Лично ты сведениям веришь. Не проси поменять построение. Но рекомендуй быть готовым к смещению в тот угол и назначить несколько бойцов пристально смотреть на указанную решетку. Вызовись туда сама – хочу проконтролировать, донесение считаю надежным. Возьми с собой бойцов. Ну и готовься к худшему – ты будешь в первых рядах.

– Увидимся в Плуксе!

Развернулась и бегом рванула к ядру бригадных сил. Проводив сокрушенным вздохом принципиальную девушку, вернулся к своим. Баск терпеливо ждет, прислонившись к стеночке и пугая подступивших орков-соседей изуродованным лицом. Увечья больше не скрывает. Одного не учитывает – с таким спокойным лицом никто не примет его за дрожащего беспомощного слепца. Плохо вжился в легенду, зомби! Йорка… она изнывает от нетерпения. Мотается по нашему участку как заведенная. И через каждый двадцатый шаг выполняет удар дубиной. Стоящий справа орк одной рукой, глубоко засунутой в шорты, почесывает в паху, а другой в затылке, задумчиво смотрит на девушку. Подойдя ближе, услышал его критику:

– Дура ты. Возьмись двумя руками за дубину. И на месте стой, когда бьешь! Поучил бы я тебя пару ночек! Если что…

Только я решил наехать на дебила с чесоткой в паху и затылочной недостаточностью, как повернувшаяся Йорка несколькими фразами сделала мое вмешательство ненужным:

– Достал уже! Заткни свое тупое хавало, гоблин! Заткнись и сдохни!

Другие орки заржали. Побагровевший бедолага свирепо перешагнул незримую границу наших участков. И наткнулся вялым животом на мой случайно подставленный и резко поданный вперед локоть. Охнув, орк согнулся. Я придержал бедолагу поспешно поднятым коленом, чуть не рассчитав силу. Орк живо выпрямился, зажал рукой ушибленный нос, обиженно замычал что-то невнятное.

– Ты же этой рукой яйца чесал, – покачал я головой. – И чем пахнет?

– М-м-м!

Глянув на его друганов, не повышая голоса вежливо попросил:

– Джентльмены, больше никаких советов и пожеланий в нашу сторону.

На этом инцидент себя исчерпал. Сработала моя известность – эта группа не знала, а вот те, что на следующем участке, подозвали злых орков к себе, быстро им побубнили в уши и те сразу перестали злиться. Как и многообещающе смотреть в нашу сторону.

– Как наши дела, Оди? – Баск отлип от стены. Рядом встала Йорка.

– Дела отлично. – обрадовал я их. – Гнездо так далеко, что нас можно считать простыми зрителями, которым еще и неплохо приплачивают. Но булки не расслаблять! Боевую тревогу никто не отменял, держимся наготове, башнями по сторонам крутим, оружие держим под рукой. Баск. Все время держись за Йоркой, внимательно слушай. Ты знаешь, что делать.

– Я добиваю шилом.

– И у тебя это неплохо получается. – подтвердил я. – Йорка! Дубину – только одной рукой! Вторая всегда свободна!

– Само собой, гоблин! Только одной рукой!

– Отлично. Время?

Текущее время: 17:29.

– Ну… ждем и наблюдаем… ждем и наблюдаем…

Через тридцать секунд зал затих. Умолкли почти все голоса, замерло передвижение. Еще через тридцать секунд в центральном зале висела мертвая тишина. В этот момент сразу стало видно,

кто и чего стоит. С множества лиц разом стерлась напускная бравада, проявились настоящие чувства. Доминировал страх. Расширенные глаза, сжатые губы, головы вжаты в плечи, руки вцепились в оружие, многие с тоской смотрят на столь далекие выходы из зала, некоторые вцепились в стоящих рядом.

Я оглянулся. Баск прилип спиной к стене, наклонил голову, в опущенной на бедре руке шило. Зомби ждет.

Йорка нервно подпрыгивает, дергает плечами, перебрасывает дубину с руки в руку. На очередном броске пальцы сжались слишком рано, и дубина с грохотом упала на пол, заставив нервно вздрогнуть сотню рыл.

Текущее время: 17:30.

Тройной лязг. Скрежет…

Система пунктуальность выдержала.

В указанном мной углу резко скользнула в сторону квадратная потолочная решетка.

Звук… этот странный трескучий, влажный и удивительно мерзкий звук…

Из открывшейся дыры хлынул поток зеленой жидкости с частыми черными вкраплениями. Даже не хлынул – обрушился сплошной жидкостной колонной, ударившей вниз. Миг… другой… поток не слабеет. Я подался вперед, считая про себя секунды и следя за шириной водяного столба. Не уменьшается! Что за объем у этого «гнезда из плоти»?

Знакомый голос взвился криком над построениями. Ноль реакции… Крик повторился. Его поддержали более грубые рявкающие голоса. Замершие в созерцании бригадники наконец-то начали спешно перестраиваться, смещать ядро в угол. Бегущие тяжелые «латники» сшибали с ног не успевших посторониться девушек-стрелков, следующие бежали уже по распластанным телам. Дрожащий крик боли оповестил – первая жертва уже есть. Еще до начала боя. Хриплая ругань, вопли, яростный рев, окрики, попытки до кого-то докричаться – все потонуло в звуковом хаосе. Долбанная какофония лишила командиров возможности исполнять свою главную роль – руководить и направлять. Их просто не слышали. Один за другим падали поскользнувшиеся на зеленой слизи бойцы, в падении хватались за других, увлекая их за собой. Поспешно вставали, если на них уже не успел упасть кто-то еще. Удивительно громкий дикий крик на мгновение прорвал звуковой хаос, над головами поднялась сломанная в локте рука. Пытается уберечь изломанную конечность. Толчок… толпа шевельнулась злобным живым организмом… и сломанная рука исчезла среди потных рыкающих тел.

Низвергающийся с потолка водяной столб стал уже, а через

миг показались первые плуксы, упавшие ужасным плотоядным дождем. Попытался подсчитать приблизительное количество и приглядеться к размерам… бесполезно… тела мелькают в свободном падении, зачастую летя огромными спутанными комками. Плуксы мирно спали в своем теплом гнезде из плоти. Безмятежно дрыхли как младенцы в материнской утробе. И тут им сделали непрошенное кесарево… Они этого еще не поняли, они еще вялые и ничего не понимают…

Но много ли времени надо чтобы понять?

Раз…

Вижу над головами сгрудившихся бойцов взлетающие и опускающиеся дубины и дротики, вижу несколько топоров на длинных рукоятях.

Два…

Взмахи становятся чаще, мелькает больше оружия, в бой вступают подоспевшие. Но это угол. Много народу туда не протиснется… и как действовать стрелкам?

Три…

И будто по сигналу неслышимого нам гонга плуксы ожили. Начало их действий ознаменовалось многоголосым воем боли, взмахов оружия стало меньше. Сначала заколыхалось слишком плотное ядро, следом заворочалась остальная масса бригады.

Послышались частые щелчки – в дело вступили стрелки.

Впервые увидел странные «дощечки» в деле. Никакой отдачи, почти бесшумные, быстрые. Щелк. Щелк. Щелк. Оружие опускается, рывком что-то выдергивается – обойма? – вставляется новая. Щелк. Щелк. Щелк. Скорострельность, похоже, ограничена только скоростью нажатия пальца на… курок? Кнопку? Скорее, на кнопку, спрятанную под рукоятью. Щелк. Щелк. Щелк. Перезарядка. Обойма на три выстрела? Мало. Очень мало. Не патроны – не вижу отлетающих гильз. Хотя это может быть аналогом целиком извлекаемого револьверного барабана. Но вряд ли – слишком тихий звук. Тут не пороховой заряд. Что-то другое. Надо подержать в руках такую штуку. Эффекты выстрелов не вижу – стреляют вниз, обзор закрывают мечущиеся бойцы. Но судя по тому, как разворачиваются стрелки… сначала стояли к нам спинами, уже боком и продолжают поворачиваться, одновременно отступая.

А черт…

Сразу двух стрелков рвануло, дернуло, развернуло, а следом и уронило. И винтовки при этом… твою мать… не было печали… Подскочив к своим, дернул их вниз, заорал, перекрикивая дикий шум:

– Присесть! Не вставать!

Опустился вместе с ними, на колене скользнул вперед и в сторону. Обзор стал гораздо хуже. Рискнул привстать и коротко оглянуться. Снова опустился на колено. Прозвенела стена неподалеку. Этого и боялся. Еще звон. Крики стали ближе, похоже, постепенно льющееся с потолка живое дерьмо разливается все шире. Без работы не останемся. Звон… совсем рядом. Дернув головой, увидел катящийся по полу продолговатый предмет. Подобрал. Горячий… и шипастый… Я держал в руках толстую пятисантиметровую иглу, утыканную шипами. Внешне не повреждена. Вот оно как…

Крик… блеющий, жалобный… по соседству рухнул орк, держась за голову. Метрах в двадцати дальше, тоже у стены, вдруг резко согнулась женщина, схватилась за живот, упала на колени, уткнулась лбом в пол. Дерьмо…

Нет ничего хуже дружеского огня и нет ничего страшнее словосочетания «сопутствующие неизбежные потери». Убрав иглу в сумку, продолжил наблюдать. Стены зала звенели все чаще. Попадания приходились все ниже. Обернувшись, жестом велел лечь и распластался сам. С губ непрестанно срывались ругательства. Я костерил тупорылых придурков, не умеющих воевать. Палят во все стороны, не следя за тем, куда направлено оружие. Звон. Удар. Боль.

Дерьмо!

Дернувшись, схватился за плечо. Пальцы тоже обожгло болью. Отдернув руку, глянул, подцепил аккуратней и выдернул попавшую на излете иглу. Уловив движение, взмахнул рукой. Лязгнули о пол шипы, беззвучно забился пронзенный крохотный плукс – с мой кулак. Добил его шилом, чуть привстал. К охраняемому нами проходу со всех лап спешат плуксы. Мелочевка хромая. Среди них пара недобитков покрупнее. Гусиным шагом подлезла ближе Йорка, ударила дубиной. За ее плечо держится слепой зомби. Удар, Йорка подтаскивает пронзенного плукса, толкает локтем Баска, тот, мигом поняв положении ее руки, дотягивается шилом и вбивает его в дергающуюся тварь. Опустив свою дубину на пол, подавшись вперед, часто втыкаю шило в столь крохотных плуксов, что их можно даже назвать милыми… Умирают с одного удара. И только после смерти выпускают из пасти по одному-два склизких зеленоватых шарика. Икра… размером с ноготь большого пальца.

Гребаный звон не прекращается. Стрелки продолжают успешно попадать в стены зала. Общий шум нарастает. Взгляд на часы показывает, что бой длится меньше трех минут. За это время плуксы успели похватать икру, прорвать ряды противника и рассредоточиться по залу в поисках выхода. Бросаюсь вперед и

подхваченной дубиной прихлопываю сразу трех спешащих к коридору чешуйчатых малышей. Перекатываюсь. И крупный серый плукс хватает лапами воздух, а не мой бок. Сверху прилетает дубина, тварь с перебитым хребтом обмякает, но Баск все равно бьет его несколько раз шилом.

Небольшая передышка. У нас. Кричащие соседи дерутся с тремя средними плуксами. Получается у них неплохо, но… дьявол кроется в мелочах. Слишком большой замах, слишком неподвижная позиция… и нога одного из орков оказывается в живом клыкастом капкане. Вой боли, дубину отбрасывают, и придурок хватается за плукса голыми руками, пытаясь его отодрать. Кретин! Второй, расправившись со своим врагом, решает помочь. Сначала замахивается шипастой дубиной и только потом кричит «Руки» уже опуская оружие. Тот даже услышать не успел. А дубина уже пробила ему обе руки, пришпилив к спине плукса. Вот теперь вой боли и ужаса побил все рекорды… Помощник от испуга выпустил дубину и орк-бутерброд на одной ноге с верещанием попрыгал к нашему коридору… врагу помогает, сволочь… помогает скрыться… я не позволил, за шиворот оттащив крикуна от коридора, вырвав дубину и, прикрываясь продолжающим вопить придурком от дружеского огня, добил висящего на ноге плукса. Тварь отпала, упавший на колени орк, держа перед собой негнущиеся от болевого шока закостеневшие ладони, хотел что-то сказать. Но дернулся и упал ничком. Из затылка серебряной кнопкой торчало окончание глубоко вошедшей иглы. Рухнув рядом с ним, толкнулся по полу к своим, ладонью показывая – на пол, на пол! Добравшись, улегся, примером показывая, как именно. Лечь на живот! Сомкнутыми ногами к стене! Головы обхватить руками, перед собой дубину. С Баском пришлось повозиться, но применив немного силы я разложил зомби со скоростью света.

Вовремя…

Сплошной звон показал – в нашу сторону палят все, кому не лень! Видимо, плуксы снова рванули в нашу сторону. Но какого черта вы так часто промахиваетесь, придурки? Тут ведь еще и гребаный рикошет!

Дерьмо!

Против нас свои же применили прием «огонь на подавление»! Заставили нас вжаться в пол, расплыться медузами. А плуксы продолжают бежать!

Средних размеров желтая тварь, будто пользуясь нашей вынужденной неподвижностью, бодро поскакала к коридору, волоча за собой целую гроздь икринок. В спине торчит две иглы. Дотянулся дубиной. Угодил в лапу, но зацепил. Подтащил к себе,

Йорка добавила дубиной. Давя лопающуюся икру локтями, прижал плукса к полу, добили в два шила. Содрав с шипов, бросил перед Йоркой. Едва та спрятала голову за мертвой тушкой, она тут же приняли в себя иглу.

Десять секунд…

Двадцать…

И звенящие стены затихли.

Выждав еще пару мгновений, привстал, глянул с более высокой позиции. Никаких плуксов в пределах двадцати метров. Дальше… дальше залитое зеленой и красной кровью поле боя, заваленное неподвижными и дергающимися телами плуксов и орков. Вашу мать… славно повоевали! Перекатываясь в лужах, давя икряные шарики, бойцы орали от боли, стаскивая с ног и рук подыхающих плуксов, выдергивая из ран стальные иглы. Запах… медный запах крови, вонь настоящего дерьма, пота, чего-то химического… Нос забит и пасует, полностью отказываясь что-то распознавать.

Встав в полный рост, глядя в дальний угол, тихо командую своим:

– Соберите эти иглы в рюкзаки. Только незаметно! Наших плуксов оттащите к стене. Не расслабляться!

Сам осторожно зашагал вперед, не обращая внимания на бьющихся на земле чужих бойцов, на протянутые ко мне окровавленные руки, переступая трупы. Присел. Вытащил из мертвой женской ладони два стальных прямоугольника. Убрал в поясную сумку. Пройдя еще пару шагов, подобрал пяток игл, один прямоугольник. Скользнул взглядом по лежащей в луже крови «винтовке». Рука тянулась сама. Но брать нельзя. Я не мародер. И смысл брать? Отыщут, заберут. Такое оружие не может быть неподотчетным. А в коридорах за залами по любому уже стоят и ждут. И я почти уверен – «пробки» из входящих в зал тропок уже убрали. Выпнули всех зевак, пинками отправили подальше. Это неизбежно. Слишком уж много тут всего разбросано.

Поэтому мы возьмем немного. А иглы и обоймы, хотя их лучше назвать картриджами, – это компенсация за устроенный беспредел с дружеским огнем. За такое дело всех бы звеньевых к стенке поставить. Хотя расстрел – это слишком мягкое наказание.

Винтовка же… я обязательно такую раздобуду. И не одну. И в самое ближайшее время.

Скрежет…

Вскинув глаза, увидел, как из люка выпадает нечто громадное, черное… Упавшее с такой силой, что по пяткам ударила вибрация. Чуть притихший зал взорвался новой волной

криков. А с потолка уже показался еще больший по размеру плукс. Выбирался медленно. Но его стеганули выстрелы и, задергавшись, тварь рухнула вниз. Из люка жидко посыпалась живая мелочевка, следом ухнул огроменный ком зеленой икры. Взлетел к потолку орк, подброшенный чудовищным ударом. Странно сложенное в пояснице тело кувыркнулось и упало на головы ревущих бойцов. Их крик песней вливался в мои уши – это рев наконец-то раскачавшихся хищников, жаждущих больше крови. Они рвутся к центру – туда, где идет драка с двумя огромными черными плуксами. От ядра медленно расходится кольцо стрелков, переставших палить безоглядно. Щелкают винтовки, замирают на полу убитые плуксы, лопается под ногами икра. Медленно утекает в решетки загустевшая кровь, унося ее с собой.

Вернувшись к группе, устало уселся на пол. Вдоль стен пол сияет серебряной чистотой. В центре – склизкое месиво с кучей плавающих в нем трупов.

Повоевали…

Молодцы…

– Это беспредел. – сообщила мне Йорка.

– Жопа! – добавил зомби Баск.

Я кивнул:

– Да. Это шесть минут беспредельной жопы… шесть минут! Ну восемь! И ведь хрен поймешь – может, так и задумано было? Может, система вместе с зачисткой гнезда заодно попросила и поголовье орков сократить? Уф…

Текущее время: 17:38.

– С боем все?

Я с полной уверенностью мрачно кивнул:

– Все. С потолка уже даже не льет, двух переростков добивают. Мелочь не ползет. Вот-вот…

Тройной гудок и одновременные вспышки под потолком дали понять – зачистка гнезда плунарных ксарлов завершена. В интерфейсе мигнуло и пропало задание.

Баланс: 53.

– Уходим! – я поспешно вскочил, подхватил тушку желтого плукса. – Как можно скорее. Пока не сомкнулись ряды команды досмотра.

– Себя лапать не позволю! – отрезала Йорка, и я обрадовался, услышав в ее голосе нотки железобетонной уверенности.

Проскочили коридор, круто свернули, не обратив ни малейшего внимания на спешащих по коридору орущих орков в униформе. Будут нам еще Сопли что-то там орать… пусть сначала стрелять научаться, долбанные придурки! Прошли узкой и

короткой тропой, миновали пустой зал и вышли на финишную прямую – душевые кабины неподалеку от Веселого Плукса. Надо нам отмыться от этой ядреной смеси – давленая икра, слизь, кровь и воняющий адреналином пот.

Глава четвертая

Текущее время: 19:27.

Сказать «мы кушаем» – наврать.

Пойти от обратного и уверенно заявить «мы жрем» – тоже неправда.

Насыщение. Это ближе и нейтральней.

Когда дикий зверь рвет еще не остывшую тушу жертвы клыкастой пастью, задирает голову, глотая огромные куски кровавой плоти, – он насыщается.

Мы вели себя именно так. Сидя вокруг стола, навалившись на него локтями, не обращая внимания на текущий с пальцев и подбородков мясной сок, мы с урчанием хватали куски мяса с большого подноса, жадно отрывали от них зубами, быстро и небрежно жевали, после чего с усилием проглатывали слишком большие для горла порции. Когда непережеванное мясо комом вставало в глотке, на помощь приходил большой глоток жирного бульона, помогающий смазать и пропихнуть. После каждого съеденного куска бралась пауза, наполовину осушался стакан компота, доливался из ставшего скользким от жира пластикового кувшина и насыщение продолжалось.

Общение?

Мы пытались общаться. Да. Но общение сводилось к гортанному первобытному рыку и злому рявканью, когда кто-то первым хватал облюбованный тобой кусок. А к рыку и чавканью изредка добавлялись нескрываемо злые откровенные слова.

– Суки гребаные!

– Удоды! Неумехи! Ушлепки!

– Суки!

– Нграх!

Голод зверский. На руках застывает жир, на мокрых подбородках белесая жировая корка, блестят сальные волосы, спины мокрые от пота – еда разгорячает. Незаметно подошедшая официантка поставила еще один кувшин с компотом. Взялась за опустевший – и выронила. Сальная ручка выскользнула из чистеньких пальцев. Грациозно нагнулась, стрельнула глазками и, неспешно выпрямившись, поплыла по проходу к служебным помещениям. Провожая ее взглядом, не прекращал жевать.

Голод… я никак не могу наесться. Живот распух от мяса, бульона и компота. Но я продолжаю набивать его, доводя до состояния туго натянутого барабана.

Может, уже хватит?

Нет! Не трогай тот кусок! Он мой! Рука выстреливает вперед,

мы с Баском хватаем одновременно. Дергаем. Никто не уступает, растягиваются губы, мы показываем друг другу свирепый первобытный оскал. Моя рука соскальзывает и зомби с довольным урчанием завладевает добычей. Разочаровано зашипев, хватаю другой кусок, на мгновение опережая Йорку. Та зло фыркает, облизывает пальцы, угодившие в собравшийся на дне подноса жир, медлит… и сыто отдуваясь откидывается и опускается на спину с долгим стоном удовлетворения. Руки ложатся на переполненный живот. Гоблин жив. Гоблин сыт. Гоблин доволен.

Сыто икая, упорно дожевываю мясо, разбрызгивая сок, взмахиваю рукой, прошу принести бутылку самогона. Вот теперь можно и выпить немного. Совсем немного. Грамм по сто на гоблина. Не больше. День еще не закончен, и нас ждут дела.

Силой заставляю себя прекратить. Хватит – уже насытился. Желудок переполнен, но я делаю несколько глотков компота и останавливаюсь, когда понимаю – сейчас все полезет наружу. Тело довольно. Телу плевать. Мозг требует одного – выпить пятьдесят грамм и отправиться спать. И где-то глубоко-глубоко тлеет слабая мысль – такой голод неспроста. Да, это реакция организма на перенесенное напряжение – как психическое, так и физическое. Мы побывали в бойне. Орков рвали на части, кровь и слизь лились рекой, от выданной дозы адреналина меня запоздало потряхивало. Потратили уйму энергии. Надо восполнить. Но… тут есть что-то еще. Что-то, появившееся после повышения нашего статуса до ОРН-Б. После стандартных, якобы, уколов некоторое время чувствуется мягкое жжение под кожей и в суставах, раны заживают с удвоенной скоростью и немилосердно чешутся. И голод… голод… тело требует больше еды. Требует белок. Много животного белка и приличествующей ему жирной скользкой смазки – бульон вполне сойдет.

Самогон приносит девушка. Но не официантка – бутылку на стол опускает двести девяносто девятая. От нее пахнет свежестью и цветочным мылом, короткие волосы красиво уложены, футболка, короткие шорты. Милая спортивная девушка. И вспомнить странно, что какие-то два часа назад, когда я перед уходом мельком увидел ее, Энгри выглядела освежеванным восставшим трупом.

Меня поразил тогда контраст… она в зеленой и красной крови, устало опирающаяся на дротик, у ног лежит шлем с разбитым забралом, на поясе сломанная дубина… а на мокрых от пота волосах ни пятнышка крови, просыхая, они трепещут на исходящем из потолочной решетки ветру…

Энгри молча подсаживается к нам. Хватает первый попавшийся кусок мяса и остервенело жует. Никто не говорит ни

единого слова. Баск поворачивается на бок и затихает, прикрыв лицо бейсболкой. Уже заснула Йорка, едва слышно похрапывая и спазматично дергая новой расписной рукой. Йорка уже провалилась в яркое сновидение и, судя по сменяющим друг друга выражениям лица, она снова вернулась на зачистку гнезда плунарных ксарлов.

Я разливаю горлодер по двум стопкам. Наливаю до краев. Выпиваем одновременно. Не чокаясь. Приносят большую тарелку одуряюще пахнущего мяса. Ставят кувшин компота. Над столом продолжает висеть молчание, тишину нарушает только чавканье насыщающейся воительницы.

Насыщение…

Все вокруг пропитано жаждой насыщения.

Веселый Плукс переполнен. Орки и полурослики сидят прямо в проходах, устало вытянув ноги. Официантки торопливо таскают подносы, перегруженные мясом, мясом, мясом. Спешащая девушка споткнулась, мясо полетело с накренившегося подноса, но до пола не долетело ни единого куска – сразу десяток скрюченных лап жадно хватает падающую вкуснятину. Кому-то не досталось, и он цапает кувшин с бульоном, жадно глотает, торопится выпить побольше – вдруг заберут! В заведении сгущается пар, он медленно опускается с потолка, по стенам стекает конденсат. Полсотни урчащих бойцов жадно жрет жареную свежатину – сегодня мяса много, сегодня славно поохотились…

Молчаливый парень приносит аккуратно перевязанный тюк. Опускает рядом с Энгри, бросает на меня короткий оценивающий взгляд. Ничего не сказав, уходит. Тюк из серой ткани небрежно пододвигают ко мне. Перебрасываю его к стене. Открывать и проверять буду позже. Зато о тюк можно облокотиться, снять часть нагрузки с ноющей спины. Мы выпиваем еще по одной стопке. Прикрыв глаза, я погружаюсь в беспокойную дрему. В голове мельтешат яркие картинки – умирающие бойцы с пробитыми животами, раненые плуксы, тащащие икру по кровавому полу, падающий с иглой в затылке орк, колышущиеся злорадные лица зевак, покрытая кровью Энгри, падающий из потолочного люка огромный черный плукс, впивающееся в шею Ладоса шило Баска… Мозг прокручивает и прокручивает воспоминания. И делает это неспроста – с каждым новым «показом» картинки тускнеют, перестают вызывать эмоции, становятся все менее детальными. Так защищается психика – даже у закаленных и привыкших ко всему ветеранов.

Наевшаяся Энгри коротко кивает, показывает, что все угощение за ее счет и, сыто отдуваясь, сползает с выступа.

Почему-то не уходит. Долго смотрит на меня. Касается висящей на поясе бейсболки, проводя пальцами по пламенной эмблеме. Тихо произносит:

– Я горжусь своей бригадой.

Молча гляжу на нее, ожидая продолжения.

– Мы только недавно начали входить в боевые задания. Опыта мало. Но он медленно прибывает. Сегодняшняя стрельба… из-за нее пострадали многие. Но стрелки тоже учатся. Это просто надо понять. И принять. Без накладок не бывает. И в следующий раз стрелки будут действовать обдуманней.

Промолчать? И просто кивнуть? Или ответить?

Отвечу.

– Дело даже не в том, что они стреляли куда попало, Энгри. Проблема совсем в другом.

– И в чем?

– Тебе оно надо? Мое мнение?

– Да.

– Не бесплатно.

– И чего хочешь?

– Сегодня видел у многих ваших узкий щит с вертикальной прорезью. Изогнутый такой. Выглядит как половина разрезанной вдоль трубы. Были стальные и пластиковые. Хочу стальной.

– Договорились.

– Удивила. – признался я. – Так ценишь мои советы?

– Пока ты показал себя дельным. А я люблю учиться новому и понимаю, что учеба стоит солов. С меня щит.

– Ваши стрелки… они сегодня вообще не были нужны на зачистке. – откровенно и прямо сказал я. – Это частая ошибка начинающих стратегов. Они очень боятся проиграть. И поэтому берут все имеющиеся силы и с размаху бросают их в бурлящий котел битвы. Ты знаешь, на что способны плуксы. Как считаю я, золотое соотношение – четыре средних плукса на одного тренированного бойца. Тут главное, быстрота и умение обращаться с оружием. Сегодня из гнезда сколько вывалилось плуксов? Крупняк и мелочь не считай.

– Средних? Около сотни с небольшим.

– Сто тридцать?

– Меньше. Сто десять-сто двадцать средних плуксов.

– Вот и раздели на четыре.

– Тридцать. Мало!

– Нет. Плуксы вываливались по десятку за раз. В прошлые разы было так же?

– Плюс-минус – да.

– Тридцати солдат хватило бы. Тридцать опытных сильных

бойцов, разделенных на десять троек. Вот то центральное ядро, что должно было сегодня находиться рядом с гнездом. Но не впритык. Шагах в десяти – для свободы маневра. У каждой тройки – свой узкий сектор. Вооружение – только ближний бой. Дротики, дубины, ножи и шила. Надежная защитная экипировка. И отработанная слаженность действий. Шагах в двадцати от центрального ядра – редкая цепь из двадцати дубинщиков. За ними десяток, всего десяток стрелков. Но лучших! Тех, кто гарантировано попадет в небольшую подвижную цель с расстояния в двадцать-тридцать метров и при этом будет успевать учитывать передвижение союзников. Чтобы по своим не палить. Всех остальных стрелков – в задницу! Пусть сидят дома и тренируются! В коридорах разместить бойцов с узкими щитами и тесаками. И нахрен вам не нужны наемные группы. Справитесь без них – и в следующий раз система, возможно, даст задание зачистки только вам. Без привлечения чужаков вроде нас. Но заплатит больше. Всегда лучше обойтись меньшими силами – это дает тактический простор. Можно легко отступить, перестроиться – три тройки объединяются в десяток, который шутя даст отпор огромному плуксу. Опасность миновала – разбежались на тройки и валят середняк. Мелочь – не обращать внимания. Сегодня я сам видел, как огромный орк с самых центральных позиций бежал до стены зала в погоне за крохотным плуксом. Орк был так поглощен погоней, что снес двух стрелков и не заметил. Будь я его командиром – лично перерезал бы ему глотку перед построением. Как и тем стрелкам, кто палил, не глядя. После чего, случись сегодняшняя бойня под моим командованием, прострелил бы себе башку. Но тут каждый решает для себя сам. И каков вывод?

– Вывод?

– Если касательно тебя, а тебе явно не понравился сегодняшний позор любимой бригады, и девочка ты с амбициями – выбей под себя три звена. И начни дрессировать. День за днем. Неделя за неделей. По шесть часов в день муштры, два часа занятий с отягощением, два часа спринтом по коридорам. Прикрепи к этим рылам одно звено стрелков. Тренируйтесь вместе. И когда придет время следующей зачистки – подобного беспредельного и кровавого хаоса уже не будет. Но только в том случае, если сумеешь отстоять у командования свое право на полный контроль операции. Под свою полную ответственность. Ты услышала меня, Энгри?

– Я услышала. Спасибо. С меня еще бутылка.

– Три кувшина компота звучит лучше.

– Сейчас будет.

– В бутылках. И в каждый по таблетке шизы и энергетика.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Где купить такие винтовки? И что это за оружие?

– Игстрел? В Дренажтауне. Красные оружейные торгспоты. Только для боевых полуросликов и выше.

– ПРН-Б?

– Верно.

– Купить с рук?

– Нет смысла. Оружием может пользоваться только хозяин. Сенсорка. Обойма на три иглы. Встроенной в приклад батареи хватает на тридцать выстрелов. Потом надо подзаряжать – в любом оружейном торгспоте. Подзарядка стоит пять солов. Картридж с иглами – двадцать пять солов. Но стреляные иглы и картриджи можно сдать в торгспот, заплатить пять солов – и он выдаст тебе снаряженный картридж. Но для этого придется топать в Дренажтаун. На Окраине можно подзарядить батарею. Не больше.

– Звучит до жути хреново…

– Да. И оружие неудобное.

– А цена игстрела?

– Триста солов.

– М-да… обоймы большего объема бывают? На пять игл? На десять?

– Нет. Три иглы. Пару недель назад опять появились слухи о десятизарядной обойме. Не подтвердились. Но перезарядка быстрая. При умении – несколько секунд.

– Видел. Ладно. Спасибо за лекцию.

– Увидимся, гоблин. Заряженный компот сейчас принесут. От себя добавлю по особой восстанавливающей таблетке. В благодарность.

Энгри ушла, а я, выпив компота, проверил интерфейс и прикрыл глаза. Надо подремать пару часов.

Игстрел… впечатление скорее негативное.

Батарея на тридцать выстрелов? Обойма на три иглы? Самому картриджи переснаряжать нельзя? Заменить батарею в прикладе нельзя? Целиком тащить оружие на подзарядку?

Это какой-то прикол. Насмешка.

Над головой мигнул экран. Покосился наверх. Высветился девяносто второй номер. Будить Йорку ради игрового вызова? Того не стоит. Но не игнорировать же шанс подзаработать солов.

«Игровой вызов!».
Уголки.
Выбрать номер: 11, 91…

Кроме одиннадцатого все спят. Но игра Уголки. Снова логика и тактика. Хотя я только одобряю такой выбор – всегда полезно поупражнять мозги. Даже гоблинам.

Уголки.
Одна игра.
Выберите уровень сложности:
Легкий.
Нормальный.
Тяжелый.

Хороший вопрос. Название знакомо, смутно помню правила, но не уверен. Выберу уровень новичка…

Удивительно, но впервые никто не проявил интереса к происходящему на экране. Две трети орков уже наелись, хорошо выпили и отрубились. От храпа стены дрожат. Те, кто еще не спит, допивают и доедают остатки. А я играю в Уголки…

Игра затянулась, но не сильно – таймер не позволил долго думать над каждым ходом. По ходу игры вспомнив правила, сумел обойти противника и выиграть.

Игровой вызов завершен.
Итог: **победа**.
Награда: 4 сола.
Победная серия: 3/6.
Бонус к награде (ИВ): 5%
Бонус к шансу получения ИВ: 10%
Шанс получения дополнительного приза: 5%

Изучив информацию, скрыл интерфейс и невольно задумался – до чего же не вяжутся эти милые старые игры с этим жестоким кровавым местом. Есть ли смысл в игровых вызовах? Помимо приятной награды и появившихся бонусов от победной серии. В следующий раз моя денежная награда станет выше на пять процентов. И есть крохотный шанс получить дополнительный. И это все? К чему эти испытания? Чтобы заставить гоблинов хоть немного шевелить мозгами? Чтобы не разучились думать и не оскотинились окончательно… Если так – кто это придумал? Кому пришла в голову эта гениальная мысль? Хотя гениальная ли? Это же полный бред.

Вот я чудом выбрался живым из очередной кровавой бойни. Меня трясет. И тут система предлагает сыграть в крестики-нолики… вы серьезно? Эльфы вас задери…

Баланс: 57.

Устроившись поудобней, опять задремал. Онемевший живот

через силу заурчал, принявшись переваривать слишком тяжелую пищу. Пусть старается хорошенько, пусть напитает тело энергией. Сегодня нам предстоит выполнить еще одно важное дело и проверить, насколько правдивы легенды про живущих под мостами троллей. У меня несколько часов на придумывание простого, но действенного плана по проникновению в Стылую Клоаку, включающего в себя предварительную разведку на предмет присутствия неподалеку озлобленных городских парней, лишившихся солидной добычи. Вдруг они затаили нешуточную злобу на наглых гоблинов, посмевших сломать их схему… Как-то не хочется попасть в их злые руки – могут ведь и в свинью превратить сгоряча. И попробуй потом превратись обратно, пока не съели…

* * *

Текущее время: 01:12.

Сна – ни в одном глазу. Не удивительно – мы дрыхли почти до полуночи. А сейчас терпеливо ждем. И потихоньку жуем.

Бойцов не спрашивал, но, проснувшись сам, с удивлением осознал – живот пустой, а раздутый кишечник требует незамедлительного посещения важного места. Пересохшее горло молит о влаге, от жажды постукивает в голове, глаза выдают мутную картинку, кожа лица настолько сухая, что при прикосновении шуршит. А ко всему этому еще и явственно ощущаемый легкий голод…

Я выпил бутылку особо заряженного компота, привел себя в порядок, дождался остальных, поторапливая сонную вялую Йорку. И мы вывалились в коридор, унося в рюкзаках недоеденное мясо, компот и полбутылки самогона. В ближайших торгспотах приобрели по пищевому брикету, пополнили запасы воды, наведались в медблок и сделали дополнительные уколы. Отдельно я потратил два сола на десять метров тонкой, но крепкой веревки, тут же разрезав ее на десять кусков. Метровые отрезки обмотал на лямках рюкзаков. Пока занимался этим, бойцы уже переобулись, запасные носки спрятали. Узкий щит достался Йорке. Каждому по ножу.

Чтобы не таскать лишние предметы, я проплатил жилую капсулу на сутки вперед. В нее легла наша ненужная сейчас одежда, пустые бутылки, трофейная сумка, стальные иглы и картриджи.

Баланс: 47.

Перекусить решили уже на позиции. До тридцатого

магистрального рукой подать. Здесь, на этом важном стыке двадцать девятого и тридцатого мы обосновались на стенном выступе, подобрав такой, чтобы почти все время находиться под наблюдением системы, иметь хороший обзор и не слишком бросаться в глаза. Щит Йорка уложила рядом с собой, прикрыла его и ноги материалом с тюка, после чего принялась накрывать на «стол», новым ножом нарезав остатки холодного мяса, выложив брикеты, поставив компот. Баск ей помогал, а я внимательно разглядывал обновки.

Ботинки… дубовые, тяжелые, неудобные. Как постоянный вариант их даже рассматривать не стоит. Подошва средней толщины и очень плотная. Это несомненное достоинство. К ним же можно отнести липучки, снабженные пластиковыми крючками. Тонкие и чем-то пропитанные швы. В общем – среднего качества рабочая обувь.

Нож… пятнадцатисантиметровое толстое лезвие, серая пластиковая рукоять. Сталь и пластик. Качество ниже среднего.

Узкий щит – самодел. Полутораметровый отрезок толстой трубы разрезали вдоль. Получилось два щита. В щите проделали полуметровую узкую щель. Изнутри приварили ручку. Не петлю, куда можно засунуть руку до локтевого сгиба, а что-то вроде дверной вертикальной ручки. Щит легкий, держать не слишком удобно, но привыкнуть можно. Предназначение его очевидно, и для этой цели он вполне годится – подставить под прыжок плукса, а когда тварь обхватит щит и попытается прогрызть в нем дыру, через щель нанести удар тесаком прямо в пасть. Можно и дубиной приголубить с другой стороны. Удобная легкая штука. Осталось освоиться с ним самому и научить остальных членов группы. Пока не освоим все тонкости новых приобретений – ножей и щита – в бою их использовать строго запрещено. Об этом я сразу же оповестил бойцов. Деремся старым добрым оружием, что уже привычно лежит в руке.

Насытившись мясом и компотом, заставил себя разжевать стандартный кубик пищевого брикета. Пока зомби с гоблином продолжали хрустеть и чавкать, внимательно осмотрел тело. Проверил каждый сустав, особое внимание уделив коленям и левому локтю, не постеснявшись при этом стянуть на время штаны и ботинки, снять футболку. Колени работали исправно, коленные чашки перестали уродливо выпирать, под немного разгладившейся кожей прощупываются окрепшие и чуть подросшие мышцы. Болезненная слабость конечностей почти исчезла. Но все одно – не мое. Такое ощущение, что передвигаюсь на ватных палочках, вставленных в таз. Одевшись, забрался в интерфейс. Тихо рассмеялся.

– М? – глянула на меня Йорка, в губах висело быстро утягивающееся в рот волоконце мяса.

– Действующему, а не сидящему и бог помогает. – выдал я странноватое выражение, всплывшее в голове. – Если переиначить на наш лад – действующему гоблину и система помогает.

– Маркировка. – пояснил я с широкой улыбкой. – В двадцать девятом магистральном. У вас должны быть такие же задания.

Задание: Обработка маркировки.

Описание: Специальными губками, полученными из химпота 176Ф (29-М) обработать маркировку стен и полов на участках с 95-го по 110-ый.

Место выполнения: 29-ый магистральный коридор с 95-го по 110-ый участки.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 15 солов.

– Ага. Такие же. Награда маленькая. – сморщилась Йорка и тут же удивленно добавила: – А ведь раньше прыгала от счастья, получив за день десять солов!

– Такое же задание. И в одиночку такие задания я раньше даже не пытался выполнить. Но, командир… мы только ради протирки стен сюда явились?

– Нет. Просто повезло с заданием и помимо дополнительного заработка оно нам позволит стать невидимками. Доели? Тогда выдвигаемся к химпоту за губками.

Что порадовало – никто не спорил. Недоеденное было моментально упаковано, через две минуты группа была готова к движению. И на этот раз Йорка не забыла тщательно осмотреть выступ на предмет забытых вещей.

Взяв по губке, вернулись в двадцать девятый магистральный и с добросовестным усердием принялись за дело. Цифры, буквы и стрелки становились ярче, медленно ползли минуты. По моему настоянию первым делом мы обработали участки Йорки – они были далековато от перекрестка. Следом освежили маркировку на участках Баска и в последнюю очередь взялись за мои. Пока терли губками, я пояснял:

– Работающий гоблин – невидимый гоблин. Скользнешь по полотеру взглядом – и забудешь. Дальше себе идешь. И нехорошего для нас вопроса не возникает – чего это три гоблина забыли посреди ночи в одном из самых опасных коридоров Окраины? Глянул на губки в их заскорузлых рабочих руках и сразу ясно – задание системы выполняют. Рассчитывают на дополнительное групповое задание вот и встали пораньше.

– У кого вопроса не возникает?

– Сами подумайте – кто сегодня не получил дорогой и

важный товар?

– Наркота. – понял Баск.

– Верно. Наркота.

Дарящие забвение и отрешение таблетки нужны всегда и никогда не залеживаются. Мигом улетают. Отличный ходовой товар. Но вот беда – доставка новой партии таблеток не состоялась. Такие вещи без предупреждения не доставляются. Курьера ждали. Но он не явился. Сначала получатели наверняка посчитали, что курьер просто задерживается. И считали так до позднего вечера. Каковы дальнейшие их действия?

Тут уже начинается территория зыбких и малообоснованных предположений.

Я посчитал, что кто-то из покупателей решит послать гонца. Расстояния невелики. Вдруг с курьером что-то нехорошее случилось? Могли до них дойти слухи и о кровавой зачистке гнезда плунарных ксарлов. Совпадение-то прямо нехорошее. Вдруг в то время там проходил чуть задержавшийся улыбчивый Ладос, и его ранили или убили прорвавшиеся плуксы? В любом случае проверить не помешает.

Кого я ждал?

Кого-то чуть серьезней банальной шестерки. Кого-то в меру осведомленного. Сам дилер ни за что не отправится в путешествие – у него бизнес, ему некогда шлепки по коридорам снашивать. Он или они – если покупатели связались друг с другом – пошлют одного-двух внешне ничем не примечательных гоблинов. Туповатых, но не болтливых. Осведомленных ровно настолько, чтобы знать дорогу, описание внешности нужного контакта и насколько вежливо с ним нужно общаться.

Пошлют ли их сегодня?

Тут пополам на пополам. Зависит только от одного – есть ли еще товар в наличии. Серые таблетки уже кончились или на исходе – мы вскоре дождемся бодро чапающих гоблинов. Запаса хватит еще на пару дней – они продолжат ждать еще сутки и, так и не дождавшись, отправят гонца.

Это первый вариант – где действия предпринимают покупатели.

Но ведь есть еще и продавец.

А вот у него нетерпения должно быть куда больше – таблетки отправлены, а денежки так и не звякнули в банкомате. Не футболками же за таблетками рассчитываются. Ни денег, ни курьера – тут поневоле заволнуешься. И снова – я не знаю привычных им временных лимитов. Вдруг покойный Ладос имел обыкновения ночевать на конечном пункте маршрута и трогаться обратно утром? Тогда и покупатель сейчас спит себе спокойно и

даже не подозревает, что курьеру конец.

Ну и третий – труп Ладоса стопроцентно уже обнаружен. Просто до нас весточка не дошла. Но дохлого курьера нашли и слушок об этом по Окраине пополз. Кто-то его опознал, вякнул покупателям или продавцу. Если новость дошла до покупателей – они опять же пошлют гонца. Оповестить о смерти курьера и попросить выслать еще одну партию волшебных таблеток.

Дошла ли новость о смерти Ладоса до его хозяина? Тут не угадать. Но если я прав, и хозяин Ладоса сидит под Гиблым Мостом… вряд ли там хорошо работает информационная служба.

И…

Моя натирающая предпоследнюю настенную цифру рука дрогнула, но не замерла. Повернув голову, бросил безразличный сонный взгляд на коридор, глянул на две целеустремленно шагающие фигуры. С тем же безразличием отвернулся и спокойно дотер цифру. С кряхтением поднялась с пола Йорка, закончившая обрабатывать длинную синюю стрелку. Окликнула Баска, который, «краев не видя», продолжал методично тереть стену, далековато удалившись от огромной красной цифры «29М».

Задание выполнено. Для получения денег достаточно вернуть губки в химпот, и я стану богаче на пятнадцать солов. Молча передал губку Йорке, та с нескрываемой обидой громко пробурчала:

– Опять я губки возвращаю. Почему всегда я? А?

– Потому что бабы тупые. – получила она неожиданный ответ.

Не от нас. От одного из пары поравнявшихся с нами обыкновеннейших на вид средней руки орков. Одинакового роста, одинакового телосложения, поразительно похожие друг на друга не только одеждой, но и внешностью. Не знай я, что тут невозможно завести детей, предположил бы, что это отец с сыном. И случай из тех, где сын весь в отца. Даже мировоззрение схожее – молодой с готовностью заржал над мыслью старого.

Я с большим интересом глянул на держащую губки Йорку. Та сгорбилась, отвернулась, поспешно потопала к химпотам. Продолжая смеяться, орки шли за ней. Они не заметили, с какой силой Йорка сжала в руках губки. По ее побелевшим пальцам стекала выдавленная бурая жижа – а эти губки выжать ой непросто. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать рвущиеся наружу слова.

– А этот слепой. – проявил наблюдательность молодой орк, проходя мимо зомби, состроившего свою уже фирменную гримасу. Убойный микс из беспомощности, растерянности и испуга. Пустая глазница таращится в никуда, побелевший глаз

часто моргает.

– Слепой, тупая и… – меня лениво осмотрели.

Я смотрел в пол, медленно шагая за Йоркой и считая шаги – сколько там до перекрестка?

– …и тупой… – заключил орк, отворачиваясь от меня.

– А может, он глухой?

– А может, глухой. И тупой.

И снова смех. Ненормальный смех. Ребятам очень хорошо. Поэтому они такие громкие, развязанные и веселые. Идти все же километры по однотипным коридорам скучно. Вот и приняли что-то.

Куда свернете, весельчаки?

Они свернули к Гиблому Мосту.

Я замедлил шаг, смотря как удаляются потенциальные источники информаторы. Они или нет? С тем же успехом это могли быть направляющиеся повеселиться в город работяги. Хамят, да. Но одно дело за это морду набить… и совсем другое…

– Спускаться сразу?

– Нет. Я скажу.

Чуть ускорившись, начал догонять замолчавших орков. По пути схватил за плечо зомби, пробормотал:

– Когда? Не шепчи. Отвечай спокойно, чуть приглуши голос.

– Сумрак через три минуты здесь. На две минуты. Через пять – в девяносто седьмом. На тридцать две минуты. Но в двадцать девятом через четыре минуты. Потом сумрака не будет двадцать три минуты. А они уходят…

А они уходят, и быстро. До Гиблого Моста двести шагов с небольшим. И если они отойдут слишком далеко – не успеем их утащить по сумраку до девяносто седьмого.

Как заставить их задержаться и при этом не вызвать подозрений?

Да легко. Просто воспользоваться ими же брошенным кончиком веревки.

– Эй! Ушлепки! – мой голос был почти неразборчив, я старательно «зажевывал» слова. Но злость в моем голосе звучала отчетливо. Ее я подчеркнул, выставил напоказ. Как и почти пустую бутылку самогона, зажатую в руке. – Клоуны! Кто тут тупой, а? Ты меня тупым назвал?

Молодой обернулся сразу. Старший чуть позже, поворачиваясь с нарочитой неспешностью. Я пошатнулся. Баск вцепился мне в плечо, потянул назад, умоляюще забубнил:

– Оди… не надо, Оди. Они пошутили. Просто пошутили. Чего ты завелся?

– Они ее тупой назвали!

– Не надо, Оди. Пошли.

– Он точно тупой. – уверенно заявил молодой, сверля меня угрожающим взглядом. – Клоуны, говоришь? Ушлепки? – его взгляд скользнул по потолку. И над нами с гудением проехала полусфера.

Услышавший ее Баск всерьез запаниковал, начал дергать с утроенной силой, торопясь увести своего пьяного придурка-друга, пока его не изувечили. В руке молодого сверкнул нож.

Левша. Нож держит неправильно. Стойка неправильная. Да стойки вообще нет. Зато челюсть выпячена так, что можно под ней от дождя прятаться.

– Сюда иди. – велел он, приглашающе взмахнув ножом. – Что ты там вякнул?

Глянув в свою очередь на потолок, я сжался и попятился. Нервно улыбнулся, оглянулся. Этого достаточно. Стоит оглянуться – и большинство решит, что ты ищешь путь бегства. Еще шажок назад. И крепкая рука схватила меня за плечо, дернула, перед глазами заплясало лезвие ножа:

– Протрезвел, что ли? Я тебя, сука, слепым сделаю! Нож в глаз воткну и проверну! Проверну, сука! Глаз твой гребаный с мясом выверну и сожрать заставлю! Ну?! Ты ведь наехать хотел? Так продолжай! Раз начал – заканчивай.

– Уже можно, командир, – выпрямился Баск, возвращая лицу обычное выражение.

– Ага. – сказал я и глянул на молодого, что еще ничего не понял. – Эй. Ладоса я убил. Таблеток не будет.

Орк застыл. Выпучился. Не осталось ни малейших сомнений – он в курсе, кто такой Ладос и о каких таблетках идет речь.

– Вы его… ЫК!

Шило вошло в левый глаз. По рукоять. По ней я и добавил резкий удар основанием ладони, вбивая рукоять следом за жалом. Перехватил начавшую обмякать ладонь, забрал нож. Молодой почти умер, но еще стоял. Только-только начали подгибаться ноги. Обогнув его, прыгнул к старому, шагнул мимо, на ходу нанося удар рукоятью ножа по основанию черепа. Удар несильный, но резкий. Орка «выключило», он сунулся вперед, метя лбом в пол. Я поспешно подхватил, удержал. Лбом в пол нельзя. Пока что. Уложив, схватил его за ноги, потянул за собой, стараясь догнать Баска, тащащего труп. Будто в догонялки играем…

Добежали до перекрестка, круто свернули налево, промчались сорок шагов по двадцать девятому и залетели на девяносто седьмую тропку. Тут уже ждала Йорка, держащая наготове смотанные с лямок метровые отрезки веревки. Передала

веревку мне и побежала к дальней стороне коридора. Чтобы загодя предупредить о прохожих. Середина ночи, тут безлюдно. Но фактор неожиданности исключать нельзя никогда.

Только начал связывать руки старому, как внезапно задергался в агонии молодой. Живучий…. Шило пробило ему тоннель в мозгу, а он продолжает ногами дрыгать. Да агония ли это? Он пытается встать. Навалившись, сжал руки на горле, придавил весом своего тела. Баск, ощупав лицо жертвы, воткнул шило во второй глаз.

– Дави!

Он надавил всем весом, утапливая шило в черепе. Брыканье затихло. Ну не глотку же резать? Я уже устал от крови отмываться. Вернувшись к старому, на этот раз без помех связал его по рукам и ногам. Облегченно выдохнул – эта часть задуманного прошла успешно. Баск задумчиво сидит над мордой дохлого орка – размышляет как сподручней шила из глазниц добывать. А их ведь еще протирать надо…

Ткнул пальцем орку в точку между носом и верхней губой. Ноль реакции. Нажал сильней. Ноль реакции. Распрямил его левую кисть, уложил на пол. Что есть мочи долбанул по ногтю левого мизинца рукоятью ножа. Хрустнуло.

– А-А-А!

– Доброе утро, проводник, – улыбнулся я безумно выпученным глазам.

– Дай жить!

Ему удалось меня удивить, признаю. Я ожидал угроз или мольбу. А тут странное, но очень искреннее «Дай жить!». Звучит как требование, замешанное на безумном желании не умирать. Какое-то местное универсальное выражение?

– Да живи на здоровье. Ответишь на все вопросы, проведешь куда надо – и вали на все четыре стороны, гоблин. Как тебя зовут?

Баск понял, что испачкаться все же придется и с сокрушенным вздохом принялся ковыряться ножом в глазнице дохлого орка. Дело непривычное, а он слепой… получалось с брызгами, звуки доносились мерзкие, глубоко ушедшее шило покидать теплую и влажную мозговую норку не хотело, зомби прилагал все больше усилий, сослепу наклонившись слишком сильно и почти касаясь ужасных ран носом. Со стороны и не понять, чем занят зомби – шило достает или свежие мозги высасывает через трубочку. Старый орк, увидев все это прекрасно освещенное безобразие, часто закивал, выражая полную готовность к сотрудничеству.

А какой у него выбор? Глупо думать, что его кто-то

испугается или не захочет причинять ему излишнюю боль – вон наглядный пример на полу коридора с выпотрошенными глазницами валяется.

– Куда шли?

– Под мост. – орк сфокусировал глаза на моих губах, замер, стараясь не пропустить ни слова.

Повезло – он очень хочет жить. И постарается быть прилежным мальчиком, чтобы не вызвать нашего гнева.

– Там кто?

– Тролс.

Все же тролль…

– Больше о нем. Отвечай подробней, но быстро. Он ваш главный?

– Нет. Главный Пит. Из пятнадцатой кляксы. Сегодня не пришла доставка, он отправил нас проверить. Меня и Крока.

Мы дружно покосились на труп Крока. Уловив паузу в разговоре, Баск вскинул на секунду лицо и вновь вернулся к работе. Успел все же подбородок испачкать… Старый орк заторопился:

– Курьер новый, поэтому забеспокоились. А старого Пит в червя превратил – за воровство. Вот и подумали – может, Тролс рассердился и курьера посылать передумал – старый-то из ихних был. А Пит без спроса ему лапы обрезал. Крутовато загнул. Вот мы и пошли…

– Кто такой Тролс?

– Через него все с городом работают. Он с каждой сделки себе процент берет небольшой.

Все же настоящий тролль – взимает плату с каждого проходящего через его мост…

Я задал еще с десяток вопросов. И с каждым новым ответом получал все больше слов и все меньше интересующей меня информации. Старый орк мало что знал. У босса Пита он стоял за левым плечом, задания выполнял добросовестно и без фантазии, лишними знаниями не интересовался, занимался только своим делом, свободное время проводил в веселых заведениях. Свое занятие считал обычной работой, старательно это подчеркивая. Занятие, мол, скучное, заработки невелики, никого зря не калечит, специально жизнь гоблинам не портит, со всеми поддерживает ровные отношения, зарвавшихся молодых новичков осаживает, не позволяя слишком уж разгуляться. Сегодня случайно, можно сказать, нагрубил. Так и то – не нас же обидел, а бабу тупую вскользь задел. Так ведь разве ж это не так? Кто бабу умной назовет? Ну если в корень взять – что бабы могут?

Про Тролса он слышал давно. Слухи про него ходят один

другого ужасней. Прозвищ тоже хватает. Пожиратель гоблинов, Кромсатель, Чудище, Тролль, Псих, Туманник. Его мало кто видел на самом деле, а те, кто видел, предпочитали молчать. Да и о ком говорить? Живет за тридевять коридоров, работает передаточным узлом, в гости ни к кому не ходит, если что-то надо передать – посылает гонца, а сам тумана не покидает.

Тумана?

Да. Тумана. Про Тролса мало что известно достоверно, но этот факт никогда и никем не оспаривается – он не покидается тумана Стылой Клоаки. Никогда.

Почему?

А хрен его знает. Не зря же Туманником кличут.

Как к Тролсу попасть? Где живет?

А тоже – хрен его знает. Тролса дураком точно не назвать, и где его логово никто не знает. Есть процедура. Простая настолько, что справится даже баба. В нужный момент спуститься за край каньона, уложившись в три минуты преодолеть отмеченную желтым тропку и нырнуть в туман. Нащупать натянутую веревку, держась за нее дойти до второй опоры моста. Там на веревочке висит большой болт. Им ударить по опоре три раза, выждать пару секунд и ударить еще трижды. После чего ждать – придут и проведут чуть дальше. Как придут – сказать пароль. Доведут до места для переговоров вроде как. Туда явится голос Тролса и можно будет все спокойно обсудить.

Кто явится? Голос Тролса? Ты не оговорился?

Так Пит сказал – появится голос Тролса, спутать с другим нельзя, описать тоже, сами поймете. Услышали Тролса? Сразу переходить к делу, ни в коем случае не требовать, чтобы Тролс показался. Сообщить о том, что курьер не явился, узнать причину, получить партию таблеток – лучше двойную – и возвращаться обратно тем же путем. Главное – ни в коем случае ему не угрожать. Даже намека такого не делать, из себя крутых не строить, разговаривать спокойно и ровно. Не даст таблеток – не спорить, не требовать. Закончить разговор – и уходить. Больше про Тролса он ничего не знает.

Таблетки что делают? Ходовой товар?

Шутишь? Улетают мгновенно. Да он и сам любит принять одну раз в три дня. Кто же не хочет в прошлой жизни пожить? Кто не хочет вспомнить?

– Вспомнить? – я не пытался скрыть зазвучавшую в голосе заинтересованность.

Но старый орк был только рад моему интересу, был рад стать более полезным.

– Вспомнить! И кайф дают, и блокаду в башке пробивают! Но

штуки опасные!..

Поглядывая на часы, внимательно слушал откровения наркомана со стажем, что за полторы недели полностью отказался от прежних колес и перешел только на мемвас – так назывались невзрачные серые таблетки, что просто молниеносно захватили рынок. Первая пробная партия появилась двенадцать дней назад. Продажи в первый день пошли вяло. Но за вторые сутки они продали все до единой таблетки. Взяли двойную партию – и ее тоже реализовали за двадцать четыре часа. Ладос, новый курьер, сегодня должен был доставить шестую партию таблеток.

Мемвас имел удивительные свойства. Обычный наркоманский кайф – яркий, мощный и приливный – длился всего-то часа два. Ну три. Но в следующие сутки, пока мемвас еще держался в мозговой ткани, тебя накрывали ярчайшие флешбэки.

Оттирающий от грязи пол гоблин вдруг видел себя выходящим на крыльцо большого дома, держащим за руку смеющуюся дочь – он знал, что это его дочь, что ей четыре года – сзади слышался чуть обеспокоенный голос жены, напоминающий, что им нельзя снимать пластыри, прикрывающие места вживления чипов….

Таскающая ведра с серой слизью грязная однорукая гоблинша вдруг испуганно прижималась к стене коридора – мимо нее медленно пролетает опускающийся грузовой дрон, тащащий яркий красный контейнер с белой эмблемой. Синий дождь с силой хлещет по опускающемуся дрону, дымится мокрая бетонка, а она, стоя под прикрытием большого козырька, держа в руке умный зонт, напичканный датчиками, чуть отступает от подступающей воды на изящных каблучках. Обувь обошлась ей так дорого, что и вспоминать не хочется. Но разве стиль не стоит любых денег? К тому же эти туфли так подчеркивают линию ее бедер, обтянутых облегающей бордовой юбкой…

Лежащий в отрубе орк подскакивает, слепо смотря перед собой, начинает выкрикивать никому непонятные указания, требуя немедленно перекрыть вентили с седьмого по одиннадцатый и понизить давление в трубе с охлаждающей смесью. Орк орет, уточняя координаты подлетающей бригады ремонтников, требует предупредить нижние уровни о несущейся волне ядовитой жидкости.

Ничтожный червь, получивший от более успешного друга полтаблетки мемваса, лежа на полу в луже дерьма и мочи, видит себя стоящим за барной стойкой, он умело работает шейкером, разливает коктейли, сдержанно улыбается роскошно одетым дамам и господам, мельком слышит голос знаменитой ведущей,

открывающей ежегодную двадцать четвертую церемонию по награждению…

Полуослик, прямо за ужином отключается от реальности Окраины и обнаруживает себя стоящим в задних рядах огромной нервно колышущейся уличной толпы, перекрывшей центральную улицу. Они все как один смотрят на огромные мерцающие экраны – с них говорят о том, что есть способ спастись. Но для этого придется поступиться многим, придется добровольно отказаться от всех гражданских прав, от…

Воспоминания…

Одна беда – воспоминание появляется, будоражит, а затем бесследно стирается из памяти. О его же собственных воспоминаниях гоблину рассказывают те, кто был рядом во время флешбэка и слышал его слова. Иногда это был только диалог – с начальником, с женой, любовницей, парковщиком, клерком… И попавший во флешбэк зачастую передавал диалог, говоря за каждого из собеседников, будь то мужчина, женщина или ребенок. Он понижал и повышел голос, начинал частить, хрипеть, пищать, плакать и смеяться. Его лицо меняло десятки выражений за минуту – он жил ускоренной жизнью, проматывая получасовое воспоминание за пару минут. Кто-то в красках описывает место, где он когда-то был: величественные здания из стали, стекла и бетона, возносящиеся в серое туманное небо на километры; долины и холмы, покрытые мертвой серо-бурой землей; химически зеленые моря с черной пеной…

Очнувшись же, он не помнил ничего. Но всей вновь оскопленной душой ощущал – только что, буквально на секунды, мемвас вернул ему некогда забранное, заблокированное. Мозг трясся в пароксизме ментальной жадности – верни! Верни! Заполни пустоту, сука! Верни! И единственное, что хотел гоблин, орк или кем бы он там ни был – еще одну таблетку мемваса прямо сейчас. А лучше две – тогда приход ярче, сильнее, чаще! Три таблетки – это уже смерть.

Пока мы сидим сейчас в этом ночном коридоре, немалое число гоблинов видят радужные сны, живут в своих собственных отнятых воспоминаниях. А очнувшись, они ищут солы на мемвас и с такими же как они обсуждают способы продления и учащения воспоминаний, разрабатывают странные курсы приема таблеток – целая сразу, через три часа половину, через два еще половину, очнувшись, выпить сладкого компота, после чего рассосать под языком еще половину. Ни в коем случае ничего не есть. Надо быть голодным! Когда голодный – приход ярче!

И пусть частично, но этот метод срабатывают – воспоминания остаются в мозгу так долго, что хотя бы их часть

«перезаписывается» мозгом. Старое становится новым и никуда не уходит. К тебе возвращается крохотная частичка прошлой жизни. И с каждым новым приемом кайф становится все слабее, а воспоминания чуть дольше.

Наркотик ли это? Или кайф – всего лишь не устраненная или специально оставленная побочка?

Не понять. Но мемвас уже покорил Окраину.

– Вот что такое мемвас, убийца, – поморщившись, старый орк потер ушибленный затылок, облизал мизинец с размозжённым ногтем. – Как тебя зовут?

– Тебе же выгодней не знать мое имя и номер.

– Я умру. Мы оба это знаем. Сначала верил. Казалось, есть шанс. Но нет… шансов у меня нет. – усаживаясь, сказал орк и заглянул мне в глаза. – Имя?

– Оди.

– Мое имя уже не надо никому. Тем более здешнее. Прежнее не помню. Но в воспоминаниях я был водителем воздушного лимузина. Возил важных господ с одной крыши на другую, парковался рядом со сверкающими над облаками поднебесными оранжереями. Сквозь их стекла видел сотни больших оранжевых плодов, покачивающихся на усыпанных листьями ветвях. Видел детей – своих, играющих внутри бетонных коробок с торчащими из стен уродливыми металлическими грибами фильтров, и чужих, там наверху, бегающих в садах по усыпанным белым песком дорожках… Раз уж мне не жить – позволь уйти иначе. Три… нет… четыре таблетки мемваса, пару глотков воды. Больше не прошу ничего.

Я заглянул в глаза старого орка. Посмотрел на внимательно слушающего Баска. Оценил наше местоположение. Медленно кивнул.

– Хорошо. Тебе повезло, старик – таблетки не с нами, но неподалеку. Баск. Посторожи.

– Сделаю.

– Главное, не делай глупости, старик.

– Я не шевельну и пальцем. Мемвас… четыре таблетки. Хочу снова увидеть…

– Ты все рассказал про Тролса и дорогу к нему?

– Все, что знал.

– Подними руки, привяжу их чуть иначе. А той мой друг слеп…

– Я же сказал – я не…

Всхлипнув, старый орк дернулся… и безвольно уронил голову на грудь. Не вынимая засевшего между ребер ножа, приподнял голову, закрыл ему глаза.

– Извини, старик. Тебе не повезло.

Таблетки на самом деле рядом. Четыре минуты туда – столько же обратно. Ну пара минут у капсулы. Но это беготня по коридорам, лишнее привлечение к себе внимания. Оставление живого противника рядом со слепым необученным парнем и нервной девчонкой, стоящей на стреме. На такое я пойти не мог. Даже ради его воспоминаний о поднебесных оранжереях и детях, играющих в бетонных коробках…

Вытащив нож, вытер лезвие об одежду покойника и встал. Поднявшийся зомби протянул мне шило, свое убрал за пояс, в руках держал поясную сумку молодого. У старого при себе сумки не было, а в карманах обнаружился лишь аккуратно завернутый в чистую ткань пищевой брикет. Дважды ударив по стене рукоятью ножа, дал знать Йорке, что можно возвращаться. Еще через три минуты, предварительно тщательно осмотрев себя на предмет пятен крови, мы покинули коридор с трупами, вернувшись в двадцать девятый магистральный, подгадав так, чтобы остаться незамеченным полусферой наблюдения.

Как странно – раньше мы старались все время держаться на свету.

Теперь же мы стремимся оставаться в сумраке и ходим тропами смерти.

– Баск. Перескажи Йорке услышанное. Спускаемся в Клоаку сходу.

– Выжидать слепой зоны не будем?

– А чего нам бояться в этом случае? – поинтересовался я. – Пусть система видит этот наш маршрут. Так что идем не спеша по центру тридцатого. Йорка, Баск – как настрой?

– Все в норме, командир.

– Я не пойму, для чего нам это надо. Тролль. Гиблый Мост.

– Все просто, Йорка, – мы начали ломать сложившиеся мировые устои.

– Я не поняла.

– Поймешь позднее. А пока просто верь мне.

– Лопнуть и сдохнуть…

– Ты против?

– Нет! Я с тобой, гоблин!

Кивнув, чуть ускорил шаг, оставляя их позади. Баск принялся пересказывать Йорке диалог со старым орком. А я неспешно шел, каждые три минуты проверяя интерфейс. Пусто… пусто…

Через двести шагов тридцатый магистральный оказался позади, мы уперлись в Гиблый Мост. Не останавливаясь, довел группу до края каньона. Найти первую желтую отметку труда не составило – просто желтая клякса на покатом металле. Найдя

опору для ног, начал спускаться.

Проверка…

Пусто…

Слезла Йорка, подала руку Баску, шепотом подсказала, где цепляться. Сейчас Баску тяжело. Но шагах в десяти под нами колышется густой туман. Настолько густой, что очень скоро мы со слепым зомби окажемся наравне.

Проверка…

Пусто.

Проверка…

Пусто.

Вскинув голову, посмотрел на потолок. А оттуда смотрела система. Огромная покосившаяся полусфера замерла почти над нами, следя за нашим спуском.

Проверка…

Пусто.

Ну же!

Проверка…

И в интерфейсе появилось задание…

– Можешь же. – улыбнулся я полусфере и первым нырнул в туман.

Стылая Клоака с готовностью приняла меня. А следом проглотила и остальных бойцов. Вытянув перед собой руку, убедился – едва-едва различаю пальцы. И туман… это необычный туман. Я отчетливо ощущаю запах какой-то химии. И слово «стылая» пока никак себя не показало – здесь холодней градуса на четыре, не больше. Через несколько шагов уперлись в металлическую ажурную конструкцию. Пальцы наткнулись на влажную веревку. Вот и начало пути, ведущего к обитающему под Гиблым Мостом троллю…

Глава пятая

Когда мы добрались до конца пути, я с облегчением отпустил веревку. Вытер ладонь о футболку. Мне чудилось, что пропитанная туманными испарениями веревка обжигает кожу. Одежда потяжелела, я покрыт липкой испариной, глаза явственно пощипывает, кожа… проведя по предплечью пальцами ощутил мыльную скользкость.

Стылая Клоака странное и нездоровое место.

Гиблое место. По пути сюда мы не раз натыкались на кости. Если считать по черепам – нам встретилось девять мертвецов.

А еще она похожа на мертвый лес, окутанный туманом, но сохранивший часть волшебства. Вокруг высятся мрачные конструкции, выдерживающие на себе вес Гиблого Моста. Кое-где ровно светят или неравно мигают лампы, выглядящие размытыми оранжевыми пятнами. Глядя на них, вспомнил рассказ старого орка.

Поднебесные оранжереи, синие дожди, изящные каблучки…

Прижавшись к одной из мостовых опор, убедился, что гоблин с зомби поступили так же. Мы слились с конструкциями и невооруженным взглядом нас не увидеть. Предупрежденный мной Баск принялся вслушиваться, на полную катушку используя обострившийся слух слепца. Я терпеливо ждал. Торопиться нельзя. Мы на чужой территории. И даже знай я куда идти – не пошел бы. Стылая Клоака – идеальное место для размещения простейших ловушек, что обретут здесь убийственную эффективность. Их даже маскировать не требуется – едкий туман скроет все сам. А взвившийся до потолка истошный вопль напоровшегося на заточенную арматуру бедолаги только добавит жуткости этому месту.

Я никак не мог понять – что за прикол с названием?

Да, здесь прохладней. Но ненамного. Вроде мелочь, но мысли все время возвращаются к странному названию. Может из-за антуража? Волшебные огоньки, густой туман, влажные черные деревья, разбросанные «у корней» останки несчастных заплутавших и погибших в этом страшному лесу. И череда убийственных названий, складывающихся в странную речитативную длинную фразу…

В Стылой Клоаке что под Гиблым Мостом Тролс обитает в тумане густом.

А описание самого Тролса?

Живущий под мостом тролль, что никогда не покидает едкого тумана, не показывается на глаза, на переговорах слышен лишь

его голос, который невозможно описать, но при этом ни с чьим другим не спутаешь. С помощью улыбчивого Ладоса и суки Евы он заманивает под Гиблый Мост еще живое мясо. Он же торгует, якобы возвращающей на время часть воспоминаний, новой наркотой мемвасом, он же берет проценты со многих сделок.

И я догадываюсь, за что и с каких сделок он берет проценты.

Он тролль под мостом. А тролли берут деньги за проход по мосту. Но это другой тролль, это совсем не волшебный тролль из древних легенд. Это вполне реальный ублюдочный сукин сын, что обосновался в Стылой Клоаке и берет деньги за проход по своей территории. Не каждый товар реально пронести через Гиблый Мост под глазами пусть изредка отворачивающейся, но все же быстрой и бдительной системы. Наверняка есть и личности, объявленные преступниками, и им тоже не с руки появляться под сенсорами. Этот же густой туман скроет многое…

Само местоположение Клоаки невероятно выгодное для Тролса. Здесь сходятся все сумрачные тропки. Но даже всяким злобным тварям нужен надежный проводник, что суметь преодолеть этот затуманенный стальной хаос с воздействующим на кожу и глаза туманом. Этот темный жуткий хаос, что так сильно похож на бред уколотого транквилизаторами буйнопомешанного людоеда…

В голове всплыло странное знание – в древние времена те сказки, что сейчас рассказываются деткам на ночь, представляли собой мрачные и кровавые истории-страшилки. В тех историях жуткие ведьмы пожирали малышей, принцесс насиловали бродяги, а принцам выпускали кишки разбойники. Мы угодили как раз в такую мрачную страшилку. И главный ее злодей уже определился – загадочный тролль Тролс обитающий в Клоаке под Гиблым Мостом…

От скрытого туманом Баска донеслось едва слышное «Ничего». Не став ничего отвечать, я нащупал висящий рядом болт и трижды с силой ударил по стальной опоре. Выждал десять секунд. И ударил еще трижды. Подумав, выждал пять секунд и долбанул еще три раза.

Ведь мы кто? Мы те, кто проявляет нетерпение, раздражение и злость. По вполне понятным и уважительным причинам. Нам наркоту вовремя не занесли. Клиенты жалуются… Поэтому вполне нормально ударить чуть громче и чуть больше нужного. Так в дверь стучат не костяшками пальцев, а наносят несколько грохочущих ударов кулаком. Надеюсь, что отправленное послание получено и понятно правильно. Пусть привратник не заставляет себя ждать – меня всерьез беспокоил этот туман.

Ждать пришлось семь минут тридцать четыре секунды. Я

засекал. Чтобы прикинуть, как далеко может находиться логово Тролса. Осталось увидеть скорость привратника.

Первым его услышал Баск, тревожно шевельнувшись под изогнутым листом металла, похожим на огромный шмат отставшей мертвой коры.

Мертвая кора… мертвая вода… мертвая земля… Эти словосочетания кажутся мне знакомыми и даже близкими…

Один из оранжевых шаров-светильников вздрогнул, опустился почти до пола и с легким поскрипыванием медленно поплыл к нам. Туман постепенно наливался светом, с неохотой проявляя странно низкую черную сгорбленную фигуру. Вскоре привратник, поднявший фонарь над головой, предстал перед нами. Тихо что-то пробормотала Йорка. Баск и я остались бесстрастны. Он из-за слепоты. Я из безразличности.

Что сказать? У привратника есть все необходимое, чтобы исправно исполнять свою должность. Две руки, один глаз, одно ухо, выпирающие изо рта черные редкие зубы и скрипучая тележка. А на тележке имеется место под фонарь, за которым тянется длинный электрический шнур. И в чем секретность пути? Сюда мы дошли по веревке. Еще один участок пути можем преодолеть, двигаясь по электрошнуру. Может, настоящая секретность начинается с третьего участка?

– Добровольно низшие. – голос привратника скрипел прямо как его тележка.

– Изначально высшие. – ответил я и добавил в голос нетерпеливой злости. – Что с таблетками? Мемвас не доставлен!

– Я никто. Я мясо на колесах, я проводник в тумане. И говорить вам не со мной.

– Так да ты просто…

– Я никто! Я мясо на колесах! Я проводник в тумане! Не говори со мной, тварь! Он слышит все! И видит все! Мне нужен еще глаз! Мне нужен этот сучий глаз!

– Веди.

Взрыву эмоций я не удивился. Обитать в таком месте… было бы странно, не будь у него расшатанной психики. Но что-то не похож этот зомби на того, кто рад своей службе. И что за параллельные четыре царапины у него на правой щеке? И почему он все время почесывается, сам того не осознавая?

Фонарь опустился на подставку. Привратник развернул тележку, откинул с пути провод и покатился, отталкиваясь от грязного пола. И с каждым метром пол становился все грязней. Уже сейчас можно смело называть его не полом, а землей. Сколько же лет здесь скапливалась и слеживалась пыль? Впору порадоваться влажности – иначе тут бы было не продохнуть.

Шагнув чуть ближе к проводнику, глянул. Ну да… впереди отчетливый след тележки, накатавшей здесь дорогу. Похоже, мясо на колесах всегда ездит одним и тем же путем. Кое-где отчетливо видны свежие следы чьих-то ног. Мне окончательно стал понятен уровень здешней секретности – нулевой. При наличии крохотного фонарика и терпения, можно легко добраться до любого места Стылой Клоаки. Вся их защита базируется на темноте и тумане. Вот почему не работает большая часть фонарей – их деактивировали специально.

Шагая за скрипящей тележкой, мы дошли до места, откуда рос электрошнур переносного фонаря. Оставив его здесь, привратник прокатился несколько метров, остановился у странно подсвеченной по краям стены и несколько картинно дернул рукой. Показалось, что изуродованный зомби вырвал и отбросил стену. Но это была всего лишь хорошо пригнанная пластиковая заслонка, висящая на веревочных петлях.

– Заходите.

– Сюда? – уточнил я, внимательно изучая открывшуюся каморку с пластиковыми стенами.

Это комната для переговоров?

Квадратная комнатушка три на три, потолок едва ли выше двух метров, стены забраны пластиковыми щитами, с потолка свисает желтый фонарь, шнур пропущен через дыру в пластике. Три пластиковых же красных ящика образуют невысокий стол, еще несколько хаотично стоят вокруг. Больше ничего.

Ладно. Пусть для Стылой Клоаки это верх делового гостеприимства. Тут ведь не развлекаются. Здесь обсуждают поставки, цены на наркоту, сетуют на худосочных поросят, требующих немало недель для откорма. Сколько на это уходит времени? Ну час. Пришли, пообщались, договорились, разошлись. Сомневаюсь, что находятся те, кто желает задержаться.

Но…

Эта комнатушка выглядит…

– Лязг. – не понижая голоса произнес Баск. – Вы слышали?

– Нет. – ответил я за нас обоих. – Лязг?

– Металлический. Его почти заглушил шум загремевшего пластика. Но лязг был.

– Ага… ну-ка…

Шагнув вперед, переступать порог я не стал. Схватился за пластиковую стену, чуть оттянул лист на себя и заглянул внутрь. Решетка. Внутри пластиковых стен проходила частая металлическая решетка. Снабженная прекрасной задвижной дверкой. Стоит задвинуть дверь – две секунды – и закрыть запор – еще секунда – гости останутся внутри комнатки столь долго,

сколь этого захочет хозяин Клоаки.

Я глянул на привратника. Тот терпеливо ждал. Видя, что я не двигаюсь, снова указал на вход:

– Заходите.

– Это клетка.

Хотелось нагнуться, взять зомби-привратника за плечи и хорошенько встряхнуть. Но я не стал – он выглядит заразным. Да и пырнуть может…

– Всегда так. Заходите. Закрою дверь. Запру. Обязательно запру. Мне еще нужен мой сучий глаз! Нужен! Один раз… всего один раз забыл запереть! Тролс рассердился. И сучий глаз пропал! Смазал горло хозяину! А мне два дня никакого мяса! Больше я не забуду! Запру! Потом позову. Он придет и будет говорить сквозь стену. Заходите! Все вы, суки! Заходите!

Интересные у них тут порядки заведены. Что с этим троллем не так, раз он не хочет показываться нам на глаза?

Не дождавшийся действий привратник выразительно указал рукой, скорчил злобную рожу. Мой ответ от лицезрения черного оскала другим не стал.

– Нет.

Исключается. Добровольно залезть в стальную клетку в становище убийцы-садиста и дать закрыть за собой дверь? Да вы больные, если думаете, что я на это подпишусь. Хоть что-то пойдет не так, и Тролсу даже не надо будет нас убивать – просто подождет, и мы сами сдохнем от жажды. Еще и помучаемся ему на потеху. Нет.

– Я не подпишусь на эту срань. – покачал я головой. – Нахрен. Не полезем.

– Заходите!

– Нет.

– Я мясо на колесах! Уходите! Тогда уходите! Прочь! Прочь!

– Хорошо.

И я не шутил. Повернувшись, подтолкнул бойцов, и мы пустились в обратный путь, ориентируясь на становящийся все ярче свет фонаря. До мозга привратника дошли наши намерения, и за нашими спинами тоскливо заскрипела тележка. Передвигался он шустро и быстро догнал нас. А вот обогнать не смог – проход шел между мостовыми опорами, здесь не разминуться. Но он попытался. Толкнул Баска в бедро. И тут же получил от него удар ногой в грудь. Сдавленно вякнул, тележка откатилась назад. Я с тихой усмешкой шел дальше.

Пожалеть бедного инвалида-привратника? За что? Эта чесоточная крыса регулярно становится свидетелем страшных дел. Он освещает путь тем, кто тащит по темным туманным

тропам бьющихся в истерике похищенных гоблинов, тем, кто несет груз наркоты. И ведь ничего не пытается изменить. Почему? Потому что он просто думающее только о себе ублюдочное мясо на колесах. Еще одно извращенное порождение изуродованного мира. Я бы с огромным удовольствием выбил бы из-под этой твари тележку, сломал бы ему локти – и пусть ползет обратно, на каждом четном преодоленном метре благодаря меня за доброту – ведь я не выбил ему последний сучий глаз!

Шнур натянулся и задрожал в руке. Выбран до последнего сантиметра, натянут туго как стрела. Глянув на Баска и Йорку, велел:

– Поднимайтесь. Ждите меня у края.

Не задавая лишних вопросов – горжусь! – они нащупали веревку и зашагали прочь. Выждав, натянул провод сильней и дернул. Провод загудел, привратник испуганно вскрикнул, едва не упал с тележки, вытянул руку:

– Отдай! Живо!

– Живо? – недобро повторил я и коротко ударил ногой.

Получивший удар в живот привратник скрючился, зашелся в лающем кашле. Я уронил фонарь, с треском лопнула пластиковая крышка. Присев, дождался, когда безногий упырь перестанет кашлять и пообещал:

– Я скоро вернусь. С моими парнями. Найду тебя и твоего хозяина. И обоих напластаю крупными кусками парной свинины. За что? За невежливость. И за жадность. Передай своему хозяину Тролсу вот что – его время вышло. Пора ему отдавать Клоаку и подыхать. Еще передай ему вот это.

На этот раз я ударил в нос. Ударил сильно, чтобы наверняка сломать. Зомби взвыл, схватился за лицо. И еще удар – ладонями по ушам. Привратник сложился, упав с тележки, едва не раздавив фонарь головой.

Встав, не дожидаясь слов или иной реакции, по веревке зашагал за группой. Через пять шагов сумрак стал бледнее. Через десять – еще светлей. Тридцатый шаг вывел меня из тумана на конец отмеченной желтым тропки. Здесь меня ждала группа. Схватив их за плечи, забормотал:

– Я ухожу вниз. Вы сидите здесь пятнадцать минут. После чего, но не раньше, спускаетесь и идете тем же маршрутом к клетке. Идете максимально тихо, не торопясь. Думайте не о скорости, а о бесшумности. Если меня не будет около клетки – просто ждите. Не вздумайте шуметь. И даже не думайте меня искать! Там заблудиться легче легкого.

– Там пахнет плуксами, командир. И старой кровью.

Скривившись, кивнул. В той комнатушке несколько

пластиковых щитов несли на себе следы когтей. А два щита отличались по цвету от остальных – их заменили недавно, туман еще не успел поработать над ними. Зачем меняли? Были изодраны в клочья? Запусти в клетку плуксов – и они быстро завершат переговоры в пользу Тролса. Проконтролировать же направление тварей вполне реально, когда ты на родной территории. Хотя я бы добавил в ту клетку маленькую дверку – гоблин не проскочит, а вот средний плукс вполне. И запускать по одному, превращая унылый день в роскошное созерцательное удовольствие.

– Ты пойдешь за уродом на колесах? – поняла напарница. Дождавшись моего кивка, предостерегла: – Он может услышать.

– Я сломал ему нос и хорошенько врезал по ушам. Сейчас он думает только о боли и о звоне в них. А еще он очень зол и спешит пожаловаться любимому хозяину.

– Все равно будь осторожен, гоблин. Там… мерзко.

Снова кивнул и повторил ключевые слова:

– Через пятнадцать минут. С пути не сходить. Не шуметь. Фонарь не трогать. Встреча у клетки. Если меня там нет – ждете. Не шумите и, самое главное, – самостоятельно меня не ищете. Если не появлюсь через полчаса – уходите обратно наверх тем же путем.

– Нет! – набычилась Йорка.

– Нет! – спокойно и категорично сказал зомби.

С долгим вздохом пояснил:

– Я могу на ходу сменить планы. И выскочить наверх с другой стороны. Ведь я знаю – могу так спокойно поступить, поэтому что мы следуем плану. Да?

Дождавшись двух кивков, облегченно выдохнул и, глянув на колышущийся ниже пояса туман, с нескрываемой неохотой опустился в него. Я даже туманом это назвать не могу. Какая-то химическая муть, держащаяся на определенной высоте. Чем ближе к центру и дну Стылой Клоаки – тем гуще и влажнее эта муть. И я совсем не удивлюсь, если окажется, что скрипящее мясо на колесах спешно катится именно туда – к сердцу Клоаки.

Спустившись на двадцать шагов, убедился – фонаря на том месте нет. Привратник убрался. Чуть ускорил шаг, и вскоре впереди забрезжил покачивающийся мутный оранжевый шар. Сократив расстояние, выровнял нашу скорость. Привратник не молчал. Слов я разобрать не мог, а вот звук его голос слышал отчетливо. Улавливал интонацию – злобную, яростную. Зомби на колесах кипел от ярости. Оранжевый шар фонаря мотался над его головой. Подавил желание чуть приблизиться и послушать. Сомневаюсь, что привратник с разбитым носом сейчас

декламирует биографию и секреты своего хозяина. Скорее, меня костерит на все корки, заодно обещая смерть мне ужасную.

Пару раз он останавливался. Меня выручал скрип колес – едва он затихал, я тут же приседал и замирал безмолвной статуей. Десяток секунд… и скрип возобновлялся, снова слышался злой голос. Я следовал за двойным скрипом – злым и тоскливым, обиженным и несмазанным.

Мы миновали место, где хранился фонарь. Но привратник не оставил его, продолжив освещать себе путь. Меня это только порадовало. Отсчитав три десятка мелких шагов, я начал осторожно и медленно смещаться в сторону, уходя с известного маршрута. Дело опасное, но выбора у меня нет. Очень скоро шнур натянется и тогда…

Оранжевый шар опустился на пол и замер. Я находился метрах в десяти в стороне. Делал микроскопические шажки, всей душой надеясь, что под ногу не попадется сухая кость или череп. Я знал – череп катится по стальному полу с удивительным по силе треском и громыханием.

Скрип…

Вот уже две минуты я не слышу скрипа. Тьма и туман так сгустились, что, если б не оранжевый свет опущенного на пол фонаря, я бы уже потерял ориентацию. Еще шажок. Пауза. Шажок… пауза…

Скрип раздался неожиданно близко. Я невольно вздрогнул, почувствовав, как разом взмокла и без того влажная спина. Выжидал, гаденыш? Откатился подальше от света, замер в засаде и выжидал – не мелькнет ли рядом с оставленным фонарем темная предательская тень преследователя. Поэтому я и ушел в сторону. Я ведь не настолько дурак.

Скрип колес. Скрип голоса. Злое задыхающееся бормотание. Поскуливающее жалобное нытье. Медленно проползающие в стороне оранжевые шары далеких ламп. Я «распечатал» третью сотню шагов. Как далеко едет привратник? Не может быть, чтобы слишком далеко – не станет же Тролс каждый раз преодолевать ради переговоров километр пути? Это ему давно бы надоело. Ведь в этом все мы – рано или поздно начинаем лениться.

Мы миновали еще один фонарь. И продолжили двигаться дальше. Через две минуты с небольшим нужда в проводнике отпала – до меня донесся голос. Нет. Не так. До меня донесся *голос*…

И судя по тому, как прервался скрип, привратник тоже его услышал. И замер в нерешительности. Воспользовавшись его заминкой, приблизился, замер в десятке шагов позади, прислушался.

– Он… сердится. Веселится? Сердится? Веселится? Сучий глаз… у меня один сучий глаз… Слышу его. А это мясо не зашли в клетку. Не запер дверь. Рассердится? Конечно, рассердится! Снова голод… а мне обещали ее руку. Вкусную мягкую руку. Но теперь не даст. И слова велели передать… плохие слова… не скажу!

– Тогда молчи. – шепнул я, возникнув за его спиной и сжав пальцы на тощей шее.

Зомби умер быстро. И… как-то охотно. Он даже не сопротивлялся. Разок дернулся, вцепился в руки, пережавшие шею… а потом разжал хватку и с облегчением обмяк. Мягко опустив его на пол, заглянул в лицо и удивился – мертвый зомби улыбался. И это не назвать посмертной гримасой – наоборот. Его лицо разгладилось, выровнялся наморщенный злобный лобик, скрылся страшный черный оскал… и привратник оказался небритым мужичком лет пятидесяти. Причем такой внешности, что никогда не заподозришь ни в чем плохом. Ему бы цветочки в палисаднике у дома из зеленой лейки поливать и ласково щуриться на солнышко. А не руки жрать в Стылой Клоаке.

Не так… все не так в этом мире. Меня ломает, крутит, корежит, с каждым днем во мне сдавливается и сдавливается пружина. С каждым днем мне все тяжелее сдерживать ее. Давя очередной встреченный пузырек гноя на лике мира, … я испытываю краткое облегчение. И чем крупней этот пузырек – тем сильнее и дольше облегчение.

Оттащив труп в сторону, присел, глянул на пол и досадливо дернул щекой – остался отчетливый след в грязи. Если за мной шагает пока ничего не подозревающий, но внимательный индивид, он вполне может обратить на это внимание и ради интереса пройтись по следу. Если разглядит – мне, чтобы увидеть, пришлось чуть ли не носом пола коснуться. Но… поднимаясь, я беззвучно смеялся.

Если… если… если…

Полное впечатление, что меня заманивают. Раз за разом я иду напролом. Плюю на выяснение тонкостей, даже не думаю о том, чтобы решить проблему менее опасным образом, не вспоминаю о дипломатии. Я иду напролом. И каждый раз выясняется, что все не настолько уж страшно как казалось.

Враги… не враги. Не враги! Тесто! Это самое подходящее описание. Приближаясь к очередной угрозе, я еще издалека вижу нечто опасное и гротескное, сейчас бросится, разорвет, растопчет! Барс и Букса, Джонни Лев… все они казались хищниками. Все они казались большими и сильными. Но стоило мне проявить грамм смелости и решительности, стоило подойти и для пробы просто

ткнуть в них пальцем, … и иллюзия рассеялась. Они приняли свой истинный облик – две ржавые кастрюли с шапкой гнилого податливого теста. Раз за разом оказывается, что очередная проблема решена малой кровью. Да даже не кровью – парой капель пота. Стоит сравнить, и выяснится – плуксы куда опасней. Поменять бы им характеры – дать огромному Джонни нрав серого плукса – и он бы бросился на меня при первой нашей встрече. И не отступил бы.

Это плохо…

Я начинаю расслабляться. Относиться с пренебрежением. Сам потихоньку превращаюсь в тесто. И это очень плохое сочетание – туго сжатая стальная пружина внутри вялого куска теста. Ведь не может так быть, что в этом мире нет достойного соперника способного как переиграть меня, так и сделать в бою.

И я догадываюсь, где начнется настоящее сопротивление.

Ведь в этом мире все дерьмо стекается в Дренажтаун…

А на Окраине… лишь пятна на ободке унитаза.

Размышляя, не стоял. Двинулся дальше. Ровно и спокойно, не пытаясь красться, двигаясь в ровном неспешном темпе, избегая приближаться к полыхающим на полу фонарям, присыпанным пылью. Шагая, невольно принюхивался.

Здесь пахнет плуксами… так сказал Баск. А его ушам и нюху я доверяю. Но пока здесь было тихо. И я почти уверен, что в Стылой Клоаке не найдется гнезда плунарных ксарлов. Они звери. И ни за что не станут жить в месте с ядовитым туманом. Здесь могут пролегать их маршруты, когда стая отправляется на охоту. «Мандарины» не дураки – умеют скрываться от ока системы. По своей воле в Клоаке могли поселиться только… только тролли с приспешниками.

Да… тролли… я убедился в этом через минуту, наткнувшись на первый столб.

Ну как столб… три пластиковых ящика, стоящих торцами друг на друге. На колонне проволокой и веревкой закреплены кости. Вершина украшена черепами. Все припорошено толстым слоем пыли, кости и черепа кажутся мохнатыми. Столб будто выставленное в музее произведение искусства чуток освещен подыхающим зеленым фонарем, закрепленным вверху. Свет зыбкий, он больше выделяет столб из гущи тумана, чем освещает его.

Я не впечатлился. Но столб осмотрел с крайне внимательностью, смахнув местами пыль, потрогав проволоку, подергав веревку. Осмотр меня полностью удовлетворил и порадовал.

Человека судишь по его вещам. Тролли и эльфы не

исключение. Этот столб был поставлен сюда для устрашения слабых духом гоблинов. И может, это даже работало когда-то. Но сейчас столб превратился в кладбище пыли, его давно не чистили, не обновляли, часть проволоки и веревки проржавели и сгнили, кости попадали на пол. Это говорит о многом.

Чуть свернув, уйдя от зеленого света, пошел параллельно накатанному колесному следу, что петлял между пластиковых жалких столбов. Их встретилось еще четыре. И впереди зажглось желтое зарево, настолько крупное, что сразу становилось ясно – вот он оплот обленившегося тролля. Раньше, в те времена, когда он только-только здесь обосновался, наверняка не устраивал такую иллюминацию. Не-е-ет. Раньше он, пыхтя и уркая, возился в темноте, устанавливая ящик на ящик, старательно готовя страшные декорации. Но сейчас…

А это что?

Мое удивление возросло. Как и омерзение. Колесный след привел меня к проходу в низеньком и узком костяном валу. Здесь я задержался, в тусклом освещении внимательно изучив удивительную находку, не брезгуя стирать пыль. Ради интереса продвинулся вдоль груды костей. И убедился – тут кости конечностей. Обглоданные кости. На каждой следы зубов. Не могу сказать насчет варки – не специалист, да и кости покрыты грязью, но я смотрю на кости рук и ног, на россыпи фаланг. И каждая, даже самая маленькая косточка несет на себе следы обгладывания.

Я прибыл на место. Стоял у входа в логово тролля-людоеда, окруженное костяным валом и столбами с черепами.

И тролль даже и не думал таиться. Он что-то праздновал. Сначала освещение. А теперь вот…

Могильную тишину Стылой Клоаки разорвал пронзительный женский крик.

Крик боли. И ярости. Следом же раздался такой знакомый голос:

– Сука! Ты гребаная страшная сука! Ублюдок! Тварь! Тварь! Ты сдохнешь! Перетяни рану! Перетяни! Моя сраная рука! Я убью тебя! Убью! Убью! Вонючий урод! Страшилище! Акх!

И снова этот голос… на этот раз я разобрал каждое слово, сказанное этим невероятным голосом.

– Заткни пасть, мясо! Иначе я отхерачу тебе не только руку! Свинья может жить без многих частей тела!

– А-А-А-А! Ты перетянул слишком сильно! Сука!

– Заткнись! – хлещущий звук удара. Вроде как ладонью. И вроде как наотмашь.

Таким голосом никто не может разговаривать. Даже при

абсолютном контроле речевого аппарата. Это попросту невозможно. Дай мне кто послушать это в записи – и я бы похвалил за прекрасную компьютерную обработку, после чего спросил бы – какому вымышленному киношному чудищу будет подарен этот навсегда врезающийся в память голос? Но тут спецэффектами не пахнет. Никакой компьютерной обработки. Тут даже в декорациях используется старая добрая классика – настоящие черепа, кости, пыль…

Интереснейшая беседа временно затихла. Букса – а это был именно ее голос – всхлипывала, хозяин похрюкивал и чем-то гремел. Не вставая, продвинулся ближе к источнику звуков гусиным шагом. Замер, всматриваясь и оценивая.

Хижина…

Хибара…

Еще одна постройка с пластиковыми стенами, плоской крышей, квадратными очертаниями. Но эта постройка крупнее. Где-то восемь на восемь. Хибару с двух сторон освещают фонари. Еще один, поярче, горит внутри. Лучи света выбиваются из частых щелей в углах и крыше, отчетливо очерчивают контур прикрытой двери. Вдоль стен мусор. Много мусора. Преимущественно бутылки. Еще одежда. Много одежды. Она лежит кучами неподалеку от двери.

– Послушай…

Голос Буксы зазвучал иначе. Появились заискивающие увещевательные нотки.

– Послушай. Я ведь сама к тебе пришла. Сама!

По этому слову «Сама!» можно было понять, насколько сильно она сейчас сожалеет об этом дурацком решении. Хозяин дома не ответил, продолжая чем-то бренчать. А я подобрался поближе и, успешно миновав освещенную часть «двора», спрятался за преющей кучей одежды и затих, продолжая изучать окрестности и хибару.

– О господи! Что ты делаешь с моей рукой?! Что ты делаешь?!

– Сама видишь – срезаю. Не люблю жареную кожу. На ней же волосы остаются. Даже у баб – вполне мирно ответил Тролс.

– О… о-кх…

Буксу тошнило. Прямо выворачивало. Ну, если я правильно понял, чем сейчас занимается тролль с ее рукой… то ее вполне можно понять. А Тролс внезапно разговорился. Видимо подобрел от предвкушения скорой трапезы.

– Ты говоришь – сама пришла. А почему пришла? Потому что стала убийцей. Парня своего грохнула, перед системой запалилась, бежать тебе было некуда. В Зловонку? Так там тебя живо на свиноферму определят. В Дренажтаун? Вот туда тебе и

стоило бежать. Если знаешь к кому. А иначе и там поймают, системе сдадут. Потому ты и нырнула сюда – в Клоаку! Докричалась, дозвалась. Тебя привели сюда, пригласили в дом. И что ты сделала, сука, увидев меня? Что сделала? Молчишь? А я отвечу – наблевала прямо мне на стол, едва я вышел из-за ширмы! И кто ты после этого?

– Я…

– Заткнись! – проревел тролль.

Воспользовавшись его ревом, я успел перебежать к хибаре и прижаться к стене. Совсем рядом имелась подсвеченная дыра, и я тут же заглянул в нее. Мельком, рывком. Ничего не разглядел, но убедился в главном – рядом со стеной не сидит никто с шилом в руке, собираясь воткнуть его в прилипший к дыре любопытный глаз.

– Но я ведь сдержался. – продолжил тролль, и его хижину наполнил звук затачиваемого метала. Ножичек точит…

– Я сдержался. Я понимаю. Я здесь долгие годы. Туман поработал надо мной. Хорошо поработал. Ты девушка непривычная, поэтому я простил. Хотя у меня ранимая душа, сука! Ранимая! Но я сдержался! Вытер стол от твоей блевоты, предложил воды! Отнесся гостеприимно! Предложил рассказать свою историю. И что ты у меня попросила? О, ты много чего попросила! Убежища и мести! Просила скрыть тебя в моем тумане!

«В моем тумане»? Ты его порождаешь, что ли? На этот раз я приник к дырке в стене уже смелее. Заглянул внутрь. И… и чуть не оросил стену рвотой. Прямо передо мной мерно раскачивалась гигантская голая туша.

Тролль сидел ко мне спиной. Именно тролль. Огромный и мерзкий. Сколько в нем веса? Килограмм сто пятьдесят? Больше? Скорее, под двести. Но это не жир и не мышцы. Это… опухоли?

За стеной сидел гигантский здоровяк, чье тело было сплошь покрыто гигантскими же красно-бурыми опухолями. Веревки вен бежали по телу, огибая опухоли и взбираясь на них. Во многих местах на коже открытые текущие язвы. Никакой одежды. Да и немудрено – куда? Он сидит ко мне спиной, но ягодиц не видно – ниже спины сплошь бугристые наросты и торчат странные темные длинные образования – что-то вроде костяных шипов.

Дернувшись, Тролс приподнялся, почесал то, что некогда называлось левой ягодицей. Кожа лопнула, брызнула липкая розоватая жижа. Тролль вытер руку о поясницу и чуть повернулся, оставшись стоять. В одной руке металлический брусок, в другой здоровенный тесак. Ну как есть классика. Разве что чудовище оказалось слишком мерзким. Его голова… большую

ее часть покрывали длинные черные волосы, падающие на плечи. В проплешинах те же опухоли и вены. Лицо… это не лицо. Я сумел опознать только одну черту лица – защитные очки, глубоко врезавшиеся в бугристую плоть, держащий их ремень утонул в коже на висках, убегая под огромный мешок затылочной опухоли.

– Да, туман поработал надо мной. – кивал Тролс, не сводя линз очков с металлического стола с единственной тарелкой. На тарелке, ладонью вверх, лежит отрезанная по локоть рука. Догадываюсь, чья…

– Но я страшный только снаружи. Внутри же – душа! Чем ты лучше меня? Ничем! Только гладкостью кожи разве что? Так привяжи я тебе здесь на несколько лет – и ты станешь такой же! А может, так и поступлю с тобой! Отрежу руки и ноги, превращу в мою маленькую милую свинку. Ты будешь у меня с рук жрать и умильно хрюкать при этом! Не прощу! Теперь ты жалеешь, верно? Теперь ты жалеешь?

– Я жалею! Прости меня! Я жалею!

– Лжешь, сука! Лжешь! – мелькнувший нож ударил в руку на тарелке и начал с яростью вспарывать кожу – А я ведь выслушал тебя. Выслушал твое змеиное злобное шипение. Ты попросила – спрячь меня и помоги убить одного сраного гоблина. И я подумал – почему нет? Изгои всегда могут договориться. Я помогу тебе. А ты мне. И я попросил у тебя кое-что для себя. Попросил вежливо! И попросил самую малость – сделать мне приятно своими розовыми губками и ротиком! А что ты?! Ты снова наблевала на мой стол! А затем, утирая рот, рассмеялась! Ну а сейчас? Сейчас тебе смешно, сука?

Я чуть повел глазом. Посмотрел в угол. Там на цепях висела голая Букса. Одной руки нет по локоть. Вся она перепачкана в чем-то таком, что стекает сейчас по пояснице и заду тролля. Вперемешку с ее собственной рвотой.

– Пришлось как всегда! Без ласки, без добрых слов, без милых бесед! Я получил свое. И тебе, кажется, даже понравилось. Тебе понравилось?

– Д-да… понравилось… очень понравилось!

– И снова лжешь, сука! – тролль в ярости отбросил тесак, схватился за изрезанную отрубленную женскую руку и рывком сорвал с нее кожу. Букса тут же затряслась в очередном припадке рвоты. Загоготав, Тролс метко швырнул содранную кожу через всю комнату, и она со шлепком прилипла к груди Буксы. Сплющенные разодранные пальцы будто схватили ее правую грудь и начали медленно сползать. Запрокинув голову, Букса пронзительно и обреченно закричала. Рыкающий от смеха Тролс, потрясая кровавым куском плоти, затопал к ней.

Идиот…

Добравшись до подвешенной Буксы, он примерился и с силой отвесил ей пощечину – ее же отрубленной и освежеванной ладонью. Щека окрасилась кровью. Шлеп! И вторая покраснела. Крик прервался, с утробным всхлипываньем Букса уронила голову на грудь. Тролль тут же схватил ее за волосы, заставил поднять лицо. Ее обреченно затуманенные глаза уже ничего не выражали. Она сдалась и хотела только одного… и… распахнув глаза, она уставилась перед собой, глядя поверх страшного бугристого плеча гиганта. Часто заморгала, смаргивая застилающие глаза слезы. Секунда. Другая. И ее перепачканные рвотой губы расплылись в широкой полубезумной усмешке.

– Чего лыбишься, сука? Меня не проведешь – так быстро с ума не сходят! Тут надо еще поднажать…

– Обернись. – сказала Букса.

– А?

– Я сказала тебе, тупой хреносос – оглянись. К тебе пришел сраный гоблин!

– А?! – тролль лениво повернул голову. На десяток градусов. Дальше шея поворачиваться отказалась и ему пришлось крутить все туловище.

Прокрутил. И уставился на стоящего посреди хибары меня, с брезгливым выражением лица вытирающего подобранной снаружи тряпкой рукоять чужого тесака. Закончив, поднял глаза на тролля, улыбнулся:

– Привет! Я – сраный гоблин. Слышал, ты обещал ей меня убить?

– Эй, хреносос! Уродина! – Букса зашлась в пронзительном лающем смехе, ткнула тролля ногой в спину. – Знаешь, что? Ты прав! Мне не понравилось! Самые мерзкие три секунды в моей жизни!

Тролль никак не отреагировал на страшнейшую оценку его способностей. Он застыл горой. Жили только бегающие за линзами очков глазки. Взгляд на тесак, на дверь, мне в лицо, на тесак, на дверь…

– Сядь вон туда. – указал я на пол у стены. – Сядь на свою гнойную жопу, ноги вытяни, кисти рук подоткни под жопу.

– А…

Взмахнув тесаком, я срубил растущую из его плеча опухоль. Не всю. Так – по верхушечке прошелся. Но брызнуло знатно. Кровью вперемешку с бурой слизью. Надо отдать ему должное – зашипел, схватился, но не заорал. На ногах напряглись мышцы. Эта туша умеет прыгать? На всякий случай отступил на шаг назад. Если он на меня рухнет – это конец. Сдохну. Причем не от

его веса – просто захлебнусь жижей из его опухолей, что обязательно лопнут при падении. Не самая лучшая смерть…

– Не заставляй меня повторять. – снова улыбнулся я. – Видишь ли, я только что понял – ненавижу насильников и людоедов. А ты, как назло, попадаешь под обе категории.

– Я…

Удар.

– А-А-А-А-А! – Прорвало наконец-то крик. На пол со шлепком упала освежеванная рука Буксы, рядом шлепнулась еще одна срезанная верхушка опухоли.

– Там вены, сука! Вены! Я истеку кровью!

– Сядь вон туда…

– Ничего личного тут не было! Эта сучка пришла сама! Я не виноват, что ты ее упустил! Ничего личного! Это бизнес!

Удар…

Утробно всхлипнув, он рухнул на пол, дополз до стены. Уселся – я невольно моргнул, когда из-под него брызнуло… всяким… Тролс впихнул в это месиво ладони, замер.

– Сколько вас здесь? – начал я с главного вопроса.

– Много! И они уже рядом. Послушай – ничего страшного. Не нервничай. Сейчас мы все порешаем мирно. Сучку добьешь сам. Получишь подарки. Про мемвас слышал что-нибудь? Отвязная штука! Нагрузим тебя по полной. Отправим назад мирно и тихо.

– Ясно. – кивнул я. – Вас тут мало. Почти никого. Ладоса я убил. Мясо на колесах тоже сдохло. Кто еще? И где сука Ева?

– У меня девять бойцов! Девять крутых мужиков! Но я не стану натравливать их на тебя. К чему? – Тролс заявил это с, как ему казалось, уверенной и спокойной улыбкой. Но вот свои глаза он контролировать не мог. При упоминаниях об убитом Ладосе и привратнике он моргал. Не став спорить, я зашел с другой стороны.

– И где эти девять крутых рыл спали? – я нарочито удивленно покрутил головой.

Все в этой хижине буквально кричало – здесь жил, а вернее, обитал один лишь тролль. Это его логово. И он не допустит, чтобы здесь пребывал хоть кто-то еще. Об этом же говорило его нежелание показывать свою уродливую внешность. Образина стеснялась своих прыщиков…

Надо отдать ему должное – он понял, что я не могу не заметить отсутствие десятка смятых постелей. Поэтому он неловко дернул шеей и случайно боднул стену в попытке указать направление:

– Там.

– Где там?

– Это…

– И пусть приходят. Мои бойцы тоже неподалеку.

– Твои бойцы?

Тролль загрустил. Беззвучно скалилась покачивающаяся на цепях Букса. Коротко глянув на тролля, внимательно осмотрел цепи. Разобравшись, выдернул пару коротких стержней и Букса рухнула на пол. В луже собственной рвоты лежать не стала, сумела подняться, прижала к животу перетянутую ржавой проволокой культю. Хоть и туго, но кровь продолжает сочиться. Букса заглянула мне в глаза. Выждав паузу в несколько секунд, указал тесаком на дверь:

– Уходи.

– А…

– Заткнись и уходи.

– Это уже было, гоблин, – зашипела Букса, косясь на туман. – Кто там? Поджидают?

– Как выйдешь – уходи в сторону Дренажтауна. Следи за фонарями. На Окраину не возвращайся – найду и убью.

– Из-за тебя я никто! Изгой! Что мне делать в Дерьмотауне? Система есть и там!

– Спросим. – пожал я плечами. – Эй, Тролс. Куда податься в Дренажтауне беглецу, боящемуся системы?

– Пусть найдет Рэна Механика. Он поможет. Но не бесплатно.

– У меня ничего нет! А ты забрал и руку, тварь! – на кусок мертвой плоти у своих ног она старалась не смотреть. – Мне конец… всему конец…

– Уходи. – повторил я. – Дренажтаун, Рэн Механик.

– У меня ничего нет.

– Договорись – или сдохни! – жестко произнес я и со свистом рассек воздух у ее лица. – Пошла отсюда! И быстрей – пока не истекла кровью. Если не исчезнешь через пять секунд – убью.

– Стой! Возьми меня к себе, гоблин! Я знаю – у тебя группа. Возьми меня к себе!

– Взял бы, – кивнул я, – но в тебе кое-чего не хватает. Самой малости.

– Чего?! Я сделаю все, что ты скажешь! Сделаю все! Без исключений! Любое твое желание!

Хрюкнул тролль. Я покачал головой:

– Этого мало. Беги, Букса. Беги. Доберись до Дренажтауна, выживи, договорись. Используй каждый шанс ради выживания.

– Гоблин!

– Пошла! Пять! Четыре!

Отступив к дверям, обнаженная девушка яростно оскалилась:

– Я выживу! И однажды найду тебя, гоблин! Найду тебя,

сучий ублюдок!

– Этого и жду. – оскалился я в ответ. – Этого и жду! Три! Два!

– Я найду тебя! Бойся, придурок! Бойся!

Бесноватая скрылась в туманной тьме. Через мгновение послышался грохот костей метрах в трех от дома. Еще чуть погода загремело снова – искалеченная бесноватая девчонка крушила все на своем пути. Ну вот. Можно вернуться к обработке Тролса. Время поджимает, и на грамотный подход времени нет. Пойдем напрямую.

– Эй.

Я даже не вздрогнул, когда на меня уставилась откликнувшаяся на зов уродливая харя. Привыкаю.

– Не будем ждать твоих воображаемых мужиков. Мы поступим так – я быстро задам вопросы. Ты так же быстро ответишь. И мы разойдемся. Если мне почудится, что ты хоть в чем-то соврал – я отрублю тебе руку. И я не уверен, что у тебя есть денежный счет, которым ты сможешь оплатить другую конечность. Я вообще не уверен, выпустит ли тебя система, вздумай ты зайти в медблок. Ты ведь тролль. Диковинное существо… Но об этом мы еще поговорим. Ну что? Ты понял меня?

– Да.

– Отвечать будешь?

– Отпустишь потом? Разойдемся?

– Не просто так. – покачал я головой. – Тебе придется для меня кое-что достать. Кое-что редкое и особенное. У тебя ведь хорошие связи?

– Еще какие, мужик! Поверь – с Тролсом выгодно дружить. Спроси любого!

– Думаешь? Твой привратник мне жаловался, что ты ему глаз выковырял и проглотил.

– Он виноват! Оставил тупых гоблинов незапертых! Я пришел – а они хари любопытные из дверей тянут! Он сам виноват!

– Не будем о твоем сыне…

– Он мне не сын!

– А похож чем-то… Ладно! – из моего голоса исчезло веселье, зато добавилось металла. – Помни, тролль, – ты мне должен! Я пока не раздолжишься – я стану приходить сюда раз за разом. Ты понял меня?

– Понял, мужик. Договоримся! – Тролс пытался, но не мог сдержать прущую из него радость.

Ну конечно, он согласится. Само собой. Сейчас. Для видимости. Боюсь, что когда я приду сюда в следующий раз, меня здесь будет ждать обновленная система безопасности, десяток

наемников и заточивший свой тесак мстительный тролль, мечтающий о куске свинины. Если же гоблин не явится сам – за ним надо послать ловчую команду. Его, брыкающегося и визжащего, притащат сюда и тогда…

Но это будет потом. Пока же надо просто кивать и во всем соглашаться. Ведь главное что? Главное, быстрее ответить на вопросы и получить свободу. А вот уже потом…

Я не телепат, но бродящие в его уродливой голове мысли были очевидны. Что ж – меня это устраивает.

– Викторина начинается. Отвечай быстро! Пауза в пару секунд – и я ткну тебя тесаком в пузо! Где сука Ева?

– В городе! В Дренажтаун она утекла! Там теперь прижилась, сучка!

– Почему?

– Не нравилось ей здесь.

– Мрачно и темно?

– Еве мрачно и темно? О чем ты? Для нее здесь дом родной! Туман. Она боялась стать такой как…

– Такой как ты?

– Да!

– И поэтому ушла в город?

– Утекла вместе с Ладосом. Раздвинула ляжки перед этим кретином, а тот и размяк. Она и слепила из него, что хотела. Увела за собой. А он взахлеб обещал заботиться о ней вечно.

– Ушли от тебя оба? В Дренажтаун? Странно. Ведь я убил Ладоса. На Окраине. И он шел от тебя, верно?

– Так она кинула его! И он вернулся. – тролль сипло засмеялся, широко разинув рот.

Я с интересом глянул в его пасть и увидел то, что некогда было глоткой, а теперь превратилось в… даже не понять во что. Сплетение слипшихся белесых и розовых отростков, сузивших глотку. Туман изменил не только внешность, превратив в тролля, он изменил и внутренности. Изменил все, до чего смог дотянуться. Отсюда надо поскорей убираться. Мозг понимает – чтобы измениться так радикально, надо пробыть в тумане долгие месяцы. Годы. Но инстинкты не хотят слушать. Приходится сдерживать их холодным мысленным приказом. Я останусь здесь пока разговор не будет закончен.

– Кинула? Ева Ладоса?

– Само собой! Она девочка красивая, умная. А он… дешевка! И тупой. Помог ей прижиться в Дренажтауне, а как только она устроилась танцовщицей в Алмазную Кишку и познакомилась с парнями покруче – пнула Ладоса под зад и велела убираться. Он попытался ее переубедить – и с ним поговорили четыре

охранника, сломав несколько костей, отбив кишки. Ладос оклемался. Проникся. И отвалил. Помыкался в Дренажтауне и понял – не тянет. Побитым гоблином вернулся обратно. Я принял. Я добрый!

Добрый? Скорее, у тебя выхода ноль – кто захочет добровольно жить в Клоаке? Вряд ли тут каждый день очередь из желающих вступить в ряды туманников-добровольцев.

– Сука Ева осталась в Дренажтауне?

– Она теперь городская. Окраинная шлюшка стала городской штучкой.

– Если я захочу повидаться с городской штучкой – надо просто заглянуть в Алмазную Кишку и попросить позвать суку Еву. Да?

Глаза вильнули. Черные ногти на ногах дернулись.

– Ну…

– Отвечай!

– Имя она сменила! Не Ева она теперь!

– И как зовут дорогую городскую штучку?

– Лилит.

– Лилит. – задумчиво повторил я. – Ева превратилась в Лилит. Как-то не по канону, да? Что-то тут неправильное…

– Что?

– Да так. Она танцовщица? Или суккуб?

– Не знаю. Ладос больше не рассказывал. Чуть что, плакать начинал. Он любил эту суку. И сделал все, чтобы забыть.

– Ага…

– Из-за баб все беды. Вот и мы из-за слов бабьих повздорили. – с намеком проревел тролль, указывая глазами на отрубленную изуродованную руку на полу. – Но мужики из-за баб не воюют, верно?

– Беды в этом мире из-за таких, как ты. – тесак вплотную придвинулся к горлу тролля, надавил на мягкую плоть. – А не из-за хитрых девчонок, мечтающих о яркой городской жизни, тролль.

– Не заводись, мужик. Не я – так другой занял бы это место. Я не первый тролль под мостом! Третий! А зачем тебе Ева, мужик?

– Она кое-что украла у меня. – с легкостью соврал я. – Кое-что дорогое. Поэтому я найду ее.

– Я помогу! – с готовностью пообещал Тролс.

Я снова подыграл, бесцветно усмехнувшись:

– Куда ты денешься, тролль. Ты должен мне.

– Конечно!

– Ты живешь вне системы. Как?

– Просто живу…

– Комплект конечностей – арендован! Лекарства нужны. Не поверю, что тебе не требуются каждый день обезболивающие. Ты живешь на них! И на лекарствах. А иммунодепрессанты? Их надо колоть каждый день. Хочешь солгать мне, тролль?

– Да я вопроса просто не понял! Вон ящик пластиковый! В нем все! Система, система… на кой она тебе сдалась, мужик? Хочешь – оставайся здесь. Будем работать вместе. Лекарства я достану любые.

Чуть сместившись, откинул ногой прикрывающую красный ящик тряпку, на миг заглянул внутрь. Пластиковые шприцы, пузырьки, свертки, бинты, знакомые разноцветные таблетки изотоников и энергетиков. Да. Это определенно аптечка.

– Откуда лекарства?

– Город. – коротко прогудел тролль. – В Мутноводье есть все. Говорят, что порой туда заглядывают даже эльфы.

– Эльфы?

– Высшие. Мы низшие – они высшие. Не знаю, правда или нет. Но… им ведь тоже бывает интересно посмотреть, как живет чернь вроде нас…

– Ты веришь в эльфов?

– А ты веришь в гоблинов? А в троллей? Посмотри на меня, мудило! Посмотри, что стало со мной! Я похож на человека?! – взревел заворочавшийся тролль. – Я чудовище! Тролль, живущий под Гиблым Мостом! Не могу никому показаться, не могу почесаться без того, чтобы на спине не лопнул десяток гнойников. Я каждое утро просыпаюсь в луже гноя и крови! А боль? Постоянная боль снаружи и внутри! Я тролль! И ты меня еще спрашиваешь, верю я в эльфов или нет?

Тяжело и часто задышав, не пытаясь встать или вытащить из-под себя ладони, он раскачивался из стороны в сторону. Глыба изуродованной плоти шаталась, что-то с хлюпаньем лопалось, трескалось, стекало по груди и плечам, вибрирующий жалобный рев рвался из деформированной глотки.

Я остался бесстрастен, с безразличием наблюдая за душевными мучениями тролля. И едва он чуть успокоился, продолжил задавать вопросы:

– Через кого достаешь лекарства? И мемвас.

– Это не моя тайна, мужик.

– А это не мой тесак. – пожал я плечами, взглядом указав на оружие у себя в руке. – Но рубануть им могу влегкую. Показать?

– Стой! Тайна не моя. Но не такая уж и большая. Мне все поставляют посланники Вэттэ.

– Кто такой?

– Такая.

– Женщина?

– Да. – в голосе тролля прозвучала… опаска?

– И если надо что-то особенное – идти к ней. Верно?

– К ее посланникам.

– Служба доставки?

– Посланники. – и снова эта легкая опаска.

– А почему не служба доставки?

– Она называет их посланниками…

– А наркоту сюда тоже посланники доставляют? Мемвас?

– Да.

– Уточню: серые таблетки от Вэттэ?

– Все правильно, мужик. От кого еще? Она Вэттэ! Фигура!

– Ты ее видел?

– Шутишь? Никто не видел! Но говорят, что она неземной красоты.

– Ясно. Что еще знаешь про нее? Про химию?

– Послушай, я мало что знаю про мемвас. Он просто проходит через меня, я забираю себе пару процентов. Играю честно – посланники Вэттэ достанут любого и везде. Сдохнешь в муках без всякой видимой причины. И они не любят, когда-то кто-то расспрашивает про них и их хозяйку. Спроси что-нибудь другое.

– Поговорим о транзите свинины. – предложил я, указав острием тесака на оставленную Буксой часть тела на полу.

– Послушай…

– Начало я проследил – ты со своими подручными, когда они у тебя были, заманивал в туман бедолаг. Дальше тоже все очевидно – я видел веселую стенку из костей вокруг твоей хибары. Одна проблема – там полно бедренных и лучевых костей. Это все конечности. Но очень мало черепов. Отсюда я делаю вывод – ты привык питаться чужими ляжками и ладошками. А живые туши с перетянутыми культями… куда девались они?

– Послушай…

– Куда девались они?!

– Зловонка! Я передавал весточку и приходило несколько рыл со Зловонки!

– Через лестницы? Как? Там пролеты – поднять не успеешь. В мешках? Тоже риск.

– Нет. Отсюда под мостом до желоба. Потом веревками наверх – под сточным желобом есть пара крысиных нор, закрытых сталью и туманом. Система не видит. Болотники забирают свинок, поднимают. Разносят по стойлам. Делают глупыми и слепыми. Откармливают.

– Что ты сказал? Делают глупыми?

– Слышал так…

– Как? Химией?

– Толстым шилом. Через глаза в мозг. Два укола. И свинка становится послушной.

Увидев выражение моего лица, тролль заторопился, заревел:

– Так им же лучше, мужик! Им же лучше! Милосердно! Они даже не понимают, что происходит. Просто кушают, набирают вес. Их моют, гладят, массируют. Они счастливы! Раньше так не делали. И со свиньями были проблемы – парочка умудрилась убежать! Без ног и рук. Не иначе подговорили кого-то, и те сбросили их в желоб. Уж лучше шилом в мозг. Я сам как-то пытался. Но свинья сначала затряслась, а затем сдохла. Уметь надо. Стой! Чего ты?! Им же лучше!

– Кому лучше, сука? – прошипел я.

– Не заводись, мужик! Подумай – так они счастливы! Не боятся! Просто кушают и набирают вес!

– Вы тут все прогнили! А теперь из-за таких как ты гниет этот мир! Болотники, туманники – вы мрази, паразитирующие на безвинных! Вы уродует их тела, а затем пожираете их! Что с вами не так?! Шилом в мозг – милосердие?! Это лоботомия, ублюдок! Лоботомия! Вам мало того, что вы убиваете их тела – вы кромсаете их разум! А ведь они – люди, сука! Люди! Не сраные гоблины, орки, тролли или как-то еще. Они люди! Со своими мелкими и крупными мечтами, планами, надеждами. А вы им – шилом в мозг? Два укола?! Отрезать руки и ноги, выдавить глаза?! Язык?! Относиться к живому человеку как к набирающему жир животному?! Да как такое может быть?!

– Стой! Мы же договорились! Стой! Стой!

Но тесак уже опустился. Вырвав его из хрипящей плоти, опустил снова. Вырвал. Опустил. И на пол с глухим стуком упала уродливая голова тролля. Из перерубленной шеи ударила кровь, жирно оросив стену. Странная бурая кровь, ничем не похожая на алую артериальную. Отступив, я, хрипло дыша, опустился на корточки и некоторое время сидел, неотрывно глядя на сиротливо лежащий на грязном полу кусок плоти.

Что не так?

В этом мире нет голода. Даже зомби имеет шанс подняться. Все каждый день получают вполне достаточную норму питания – причем сбалансированную. Система колет витамины. На кой черт жрать человечину? Открывать настоящие свинофермы!

Ладно наркота – уж дерьма, пьянящего мозги не перечесть. Все хотят подцветить серую реальность, и здесь всегда будет спрос. Но людоедство?

Выпрямившись, переступил откатившуюся голову и вышел из хижины тролля. Надо спешить к своим. Пока они, вопреки моему

приказу, не принялись меня искать по всей Стылой Клоаке. Хромает пока дисциплина в группе. Хромает. Но закручивать гайки, пестуя ее криком и ором я не собирался. Мне не нужны безвольные послушные истуканы. Мне нужны бойцы. Агрессивные, дикие, умные. Мне нужны хищники.

А я сам? Это же чистой воды нервный срыв. Я убил тролля слишком рано. Столько вопросов мог еще задать, но теперь этот шанс безвозвратно упущен.

Проклятье. Не знал, что мне порой свойственен такой накал эмоций…

* * *

– Лопнуть и сдохнуть! Живой! – по голосу увидевшей меня Йорки трудно было понять – рада она этому или сожалеет, что меня не проглотила Стылая Клоака.

А что? Помри я – и жизнь ее станет в разы безопасней.

– Как вы? – спросил я.

– Нормально, командир. Но минут пять назад услышали дикие крики. Едва-едва слышные.

– Я не слышала. Только Баск.

– Там случилось что?

– Я сорвался чуток. – смущенно признался я, деловито оглядывая бойцов. – И убил тролля. Пошли за мной. Йорка, тебя сразу предупреждаю – кости это просто кости. Как и черепа. И сложив их в кучу или тотем – ничего этим не добьешься.

– Это ты к чему? – занервничала напарница.

– К тому, что просто забей и смотри как на дешевую декорацию. Но Баску в деталях описывай все. Каждую мелочь. Все увиденное.

– Пошли. – вздохнула девушка. – Лучше бы ты молчал, Оди! Теперь вот жди… Хотя… То, что увижу сейчас – страшней того беспредела, что учинили Сопли прошлым вечерком?

– Нет. – коротко ответил я.

– Тогда никаких проблем. А то вчерашнее…

– Успокойся. Здесь такого нет.

– А туман? У меня глаза щиплет. Подмышки… это жесть…

– Да. – кивнул я, борясь с желанием содрать футболку и хорошенько расчесать подмышки. – Это воздействие тумана. Он разъедает кожу. Проникает в горло и легкие. Но нам бояться нечего – судя по цветущему виду Ладоса, нужно время для необратимого изменения. Ну и система – она всегда может подлечить. А вот и двор дохлого тролля…

Надо отдать должное – Йорка все восприняла так, как и надо. Легкая брезгливость, удивление, злость, непонимание.

– Скольких тут сожрали? – вот был ее первый вопрос, после того как она в красках все описала внимательно слушающему зомби. – Оди? Вокруг этого гнилья кольцо из костей.

– Слишком многих. – ответил я, останавливаясь у входа в хижину и глядя на холм из мусора.

– Стылая Клоака убила многих. – кивнул Баск.

– Нет. – угрюмо произнес я. – Не Клоака. Это сделали люди. После того как превратились в мифических тварей – гоблинов, орков, троллей. А это… это всего лишь дно стальной ямы, заполненной ядовитым едким туманом. Не больше. Готовы к выполнению заданий?

– Заданий?!

– Именно так.

– Твоих?

– И моих. Проверяйте интерфейсы. И попробуйте не удивиться. Но обещаю – не удивиться не получится. – пообещал я, натянув сразу две пары перчаток и принявшись раскидывать залежи мусора вокруг холма.

Задание: Патруль.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 02:00.

Описание: Патрулирование опор тридцатого магистрального – с 1-ой по 15-ую. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: Зона 0.

Время выполнения: 30 минут.

Награда: 120 солов

Дополнительная награда: бесплатные диагностика и медицинская помощь группе по завершению задания.

Задание: Разведка.

Описание: Осмотр оснований опор тридцатого магистрального – с 1-ой по 15-ую и прилегающей местности. Фиксация и оценка увиденного биологическими природными механизмами. Подробный двухминутный сжатый доклад в свободной форме любому функционирующему СОНФ.

Место выполнения: Зона 0.

Время выполнения: 30 минут.

Награда: 120 солов.

Дополнительная награда: внеочередное тройное снабжение группы по статусу (ОРН-Б).

Задание: Починка СОНФ № 497-0 Альфа (Дополнительно. Важно).

Описание: Осмотр опор тридцатого магистрального с 1-ой по 10-ую.

Место выполнения: 29-ый магистральный коридор с 20-го по 40-вой участки.

Время выполнения: без ограничений.

Награда: 600 солов.

– Лопнуть и сдохнуть! Что за цифры? Что за награды?!

– Мизерные награды за такую работенку. – поморщился я, не прекращая работы.

– Что такое СОНФ, командир?

– Сейчас скажу. – пропыхтел я, налегая плечом и отваливая от холма кучу изъеденной туманом одежды. – Ага… СОНФ… системный орган наблюдения и фиксации. Если по-нашему – полусфера наблюдения, око Матери и так далее. А прямо перед вами, бойцы, лежит подло деактивированная полусфера за номером 497-0 Альфа. Здоровенная же, падла… Вы уже поняли, как нам повезло?

Уперев руки в бока, я смотрел на виднеющийся в мусоре стальной бок обычной полусферы средних размеров. По ее краю бежала отчетливая надпись: «Системный Орган Наблюдения и Фиксации № 497-0 Альфа».

– Конечно, повезло! Деньги! – бодро заявила Йорка.

– Почти. Баск?

– Много денег?

– Повторю – сумма мизерная. И почти наверняка завязанная на наш статус. Будь мы полуросликами – получили бы гораздо больше. Есть у наград минимумы и максимумы, зависящие от статуса – уверен в этом. Чтобы заинтересовать, система сделала все от нее зависящее – минимизировала время первых двух заданий с одновременным повышением награды. И плюхнула на третью награду максимально полную ложку меда – вдруг мы соблазнимся? Положила бы и больше… да установленные лимиты не позволяют. И нет – наше везение не в деньгах. Приглядитесь – система нам старательно подыгрывает. Мухлюет. А пока приглядываетесь – помогайте расчищать это дерьмо.

С запозданием группа начала помогать. Я терпеливо ждал. Первым отреагировал Баск:

– Первое и второе задание – одно и то же! Но платят дважды!

– Точно. Система засекла наш спуск. И в последний момент предложила большую сладкую конфету. Нам дали не два задания,

а три. Выполнив патрулирование – мы выполним и разведку. Что еще?

Тишина… со вздохом пояснил:

– Третье задание можно и не выполнять. А это дает нам важную инфу – система знает или догадывается о происходящем на дне каньона. Понимает, что тут крайне опасно. И поэтому не настаивает на выполнении особо опасного задания, а время выполнения остальных сокращает до минимума. Стоит нам прямо сейчас подняться и – первое задание выполнено. Затем полежать на стальной кушетке, бодро рассказать что-нибудь о Клоаке – «там тума-а-а-ан!» – и второе задание зачтется. Это говорит о том, что системе хочется знать о происходящем. И о том, что здесь вообще нет ее надзора – полусферы выведены из строя. Тролли сломали. А мы починим! Может быть… ого…

– Ого. – поддержал меня зомби, успевший сделать «круг почета» вокруг очищенной от мусора полусферы. – Здоровая! А, черт… в мину вляпался, кажется… да… точно вляпался. В свежую. Ух… Как думаешь, командир – они специально?

– Срали здесь? – угадала вопрос Йорка. – Само собой, лопнуть и сдохнуть! Я сейчас блевану!

– Наверняка специально. – согласился я с ее выводом.

За «холмом» здешние обитатели устроили туалет. Ну как туалет… просто ящик, перевернутый вверх днищем и снабженный условно круглой дырой. Сел, сделал свои дела – перенес ящик на следующее место. А то, что ящик заляпанный… да ерунда… Специально ведь гадили перед отрубленной полусферой – чтобы показать свое отношение к системе.

Пока бойцы довершали очистку, я взобрался на полусферу. Балансируя на наклонном днище, вгляделся вверх. Пусто? Или? Подпрыгнув, взмахнул правой рукой. Взмахнул наугад, черпанув туман. И ладонь со шлепком ударила по качнувшемуся мокрому металлу, потом зацепила за что-то гибкое и холодное. Обожгло мыслью – змея! А следом рациональный мозг снисходительно разъяснил – выдохни, гоблин, это забранные в ребристую металлическую оболочку шланги или провода. Мокрый металл – крепеж, качающийся на едва слышно звенящей цепи.

Приземлившись, не удержался и чуть ли не кубарем слетел вниз. Приземлился на краю «минного пола» и замер на полусогнутых, молясь, чтобы колени выдержали. Если я рухну в дерьмо тролля – у меня появится веский повод для издевательства над одним обезглавленным трупом. Колени выдержали…

Выпрямившись, задумчиво смотря вверх, объявил:

– Нам надо как-то приподнять полусферу метра на два вверх.

Лучше на два с половиной.

– Она весит тонну! – возмутилась Йорка, но, сбавив обороты, уперлась в СОНФ плечом, чуть налегла. Послышался скрежет металла. – Ну… поддается чуть-чуть… килограмм триста?

– Сто. – мы ответили с Баском одновременно.

Я этим ограничился. А зомби пояснил:

– Корпус большой, но тонкий. Защита от швыряющих гоблинов. Килограмм сто, ну сто пятьдесят. Поднять сможем, если постараться.

– Мы приложим максимум усилий! И не уйдем пока не подвесим полусферу обратно! – вмешался я и сразу отрезал пути к отступлению. – Нам нужно использовать эту возможность, бойцы! Наверняка это задание система давала многим. Большинство пошло на попятную. Кто-то рискнул и согласился – и либо убежал, не выдержав, либо дошел досюда – и из бравого героя превратился в жалобно хрюкающую свинью. Или ему повезло, и он погиб сразу. О чем это говорит?

– Мир их праху? – ничуть не грустным тоном осведомилась Йорка. – О! Я догнала! Раз они не смогли – сложность задания крутая. И система это зачтет? И даже запомнит типа?

– Вау. – удивленно кивнул я. – Прямо вау! Браво, гоблин.

– Я же не тупая! – окрысилась девушка. – Мозги варят! Если их хорошо кормить. А в последнее время кормежка неплохая! И что нам даст уважуха от системы?

– Что даст? Ну… лишний постоянный риск, дополнительные проблемы и новые ссоры с сильными мира сего, серьезные ранения, потеря конечностей, возможно, гибель. – перечислил я и добавил: – Это лишь малая часть.

Тишина…

Гнетущая такая тишина.

Пока бойцы молчали, сбегал до хижины и приволок оттуда четыре пластиковых ящика. Отправился во вторую ходку. Принес оставшиеся три. Прикинул их высоту, покосился на бурый от… всяких масс туалетный ящик и решил оббежать хибару тролля вокруг. Наткнулся на новые кости, но не нашел ящиков. Что ж… пошевелив пальцами в перчатках, сгреб охапку берцовых костей и потащил к группе. Вывалив перед ними кости, скомандовал:

– Тащите еще! Только берцовые! А я займусь веревками и цепями.

– Оди! Стой… в смысле – ранения, гибель… это, типа, бонус от системы?

– Нет. Бонусом пойдут различные блага. Бесплатные уколы, медпомощь, диагностика, может, даже бесплатное восстановление утерянных при выполнении задания конечностей.

Может, благодарная система и новые глаза Баску бесплатно ввинтит в орбиты пустые. Но вы же не детки, гоблины! Должны же понимать – бесплатным бывает только дерьмо – вон его вокруг сколько. Греби! А все остальное просто так не получишь. Если система нас заметит и отметит цифровой галочкой как успешную команду способную выполнять «гиблые» задания… она обязательно нас кинет в подобную муть при первой же возможности. Сейчас это пробный ее шар – осторожненький, прощупывающий. Система изучает нас. Проверяет наши силы. Но не давит – пока что. Поэтому и дала статус заданию «дополнительно» с возможностью отказаться. Но потом… готовьтесь к худшему. Это, – я обвел рукой клубящийся туман, кучи засохшего дерьма, человеческие обглоданные кости под ногами. – Это ерунда. Считайте это веселыми каникулами настоящих героев системы. Суровые будни начнут позднее.

– Если это веселые каникулы, – мрачно пробухтела оглядывающаяся Йорка, – то какие же будни? Ладно! Мы все равно с тобой, гоблин! До самого конца! Помни это! Баск, пошли за костями. Берем только берцовые, только мужские и только те, что выглядят сексуально!

Проводив их взглядом, тихо хмыкнул.

До самого конца…

Буду только рад, Йорка. Буду только рад. Но сказать может каждый. А время и ситуации расставят все по своим местам и дадут цену каждому.

Подровняв кости, я припустил обратно к хижине. Время тикало. Кто знает – может сюда уже шагает очередной курьер. Даже одиночка способен в таком тумане причинить нам непоправимый вред – если он заметит нас раньше, чем мы его. Надо спешить…

Из костей, цепей, веревок, пластиковых ящиков, неимоверных усилий и чернушного злобного мата мы соорудили удивительную конструкцию – постамент. И на нем уже высился памятник – криво лежащая полусфера, поднявшаяся на высоту почти трех метров. Мы поднимали полусферу постепенно, действуя методом проб и ошибок. Дважды эта сучья железяка падала с насмешливым грохотом. И мы все начинали сначала. Под конец мы сами стали походить на троллей – нас покрывал толстый слой грязи, костяной пыли и кое-чего еще более неприятного. Но мы подняли полусферу до нужной высоты. После чего позволив себе пару минут отдыха, приступили к следующей стадии. Йорка и Баск уперлись в бока полусферы и замерли, превратившись в уродливых титанов, поддерживающих небеса. А я, шипя от боли в

сбитых и пораненных пальцах, полез вверх. Там, держась левой рукой за край, – и долбанный локоть снова дал о себе знать в самый неподходящий момент – я принялся ощупывать свисающую вниз хреновину. Главное нащупал быстро, и меня обдало волной облегчения – нижняя часть свисающей цепи представляла собой примерно двухметровый отрезок стальной трубы, оканчивающийся массивным запором с единственной рукоятью зажима. Все провода – внутри. Снаружи вьется только два толстых в металлической оплетке. Один целый с виду, другой почти перерублен. Это плохие новости. Из хороших – встав, подтянувшись на свой страх и риск по трубе, сквозь гребаный туман сумел увидеть, что проводов больше, чем два. И три из них уходят в трубу. Шансы теоретически есть – при давнем саботаже была проявлена поспешность или халатность.

Само происшествие мне казалось именно саботажем. По какой причине расположенная под мостом полусфера могла раскрутить лебедку и опуститься почти до пола? Я вижу только одну – запланированный техосмотр или мелкий ремонт. В таком случае все логично – полусфера опускается до определенной высоты, скорей всего, ложась на высокий постамент – банальная тележка на колесах. Техники взбираются, осматривают агрегат, чинят при необходимости и дают сигнал на подъем. Полусфера поднимается на недосягаемую высоту. Процедура завершена. А в тот раз кто-то саботировал процесс. И попросту «отрубил голову». Детали узнать уже вряд ли получится. Да и зачем?

Нащупав конец трубы, убедился, что крепко держусь, проверил ход рычага и крикнул:

– Давай!

Полусфера качнулась от толчка Йорки и Баска.

– Еще!

На этот раз помог ногами, раскачивая полусферу. Лишь бы не улететь…

– Еще! Сильнее!

Рывок… полусфера со скрежетом выпрямляется, балансирует на макушке кумпола, скрежещет металл трубы… толчок, лязг. Я налегаю на рычаг, запирая зажим. Полусфера замерла. Зафиксирована. Ухватившись за провода, вставил их в разъемы. И замер… все… мы сделали что могли. Если система мертва…

Вспышка!

Яркая!

С криком отшатнулись ослепленные бойцы, я поспешно перекинул тело через край, повис, глянув в низ, убедился, что не упаду кому-нибудь на голову и разжал руки.

Вовремя!

С пронзительным металлическим визгом цепи полусфера стремительно взлетела вверх. Задержись я на ней… Сверху ударил мощный свет, пробивший туман и озаривший грязных гоблинов, устало смотрящих вверх. С гудением полусфера опустилась ниже, свет стал ярче, мы закрыли глаза руками – только Баск продолжил смотреть перед собой.

– Интерфейс, гоблины! Интерфейс! – устало, но радостно прохрипел я.

В разделе заданий осталось только одно поручение системы – «Разведка». Два же – «Патруль» и «Починка» были зачтены как успешно выполненные. Еще бы, твою мать! Мы постарались!

Баланс: 287.

– Вот черт. – мрачно добавил я, и радости в моем голосе поубавилось. – Смотрите интерфейс. У нас еще задания. Только что появились.

– И что на это раз просят? Поискать алмазы в дерьме троллей?

– Хуже. Нас просят отыскать и включить магистральную вытяжную вентиляцию… что ж у них все магистральное-то? Йорка, разведи нам изотоников и энергетиков. А то я еле стою…

– Зачем вентиляция?

– Вот зачем. – я сжал кулак, но туман легко избежал моей хватки. – Другой причины врубать мощную вытяжку я не вижу.

– Зачем? – переспросил ничего не увидевший Баск.

– Система просит прогнать туман. – пояснила Йорка. – Лопнуть и сдохнуть! А может, нам еще и дерьмо троллей почистить?

– Да что ты привязалось к этому дерьму? – не выдержал я.

– Да потому что я вся в нем! Вся! От макушки до ботинок. Оно у меня даже в носу! Или это туман жжет… Ну почему все так, а?

– Потому что мы настоящие сказочные герои. – усмехнулся я, критично оглядев себя. – Да… тут, может, и стирка не поможет.

– Все в огонь! И я сама в нем попляшу минут пять – чтобы выжечь эту гадость!

– Куда идти, командир? – зомби, как всегда, проявил практичность.

– Так… у нас три задания. Но первое и последнее мы выполнили. Осталось второе…

Задание: Разведка.

Описание: Осмотр оснований опор тридцатого магистрального – с 1-ой по 15-ую и прилегающей местности. Фиксация и оценка увиденного биологическими природными механизмами. Подробный двухминутный сжатый доклад в

свободной форме любому функционирующему СОНФ.

Место выполнения: Зона 0.

Время выполнения: 30 минут.

Награда: 120 солов.

Дополнительная награда: внеочередное тройное снабжение группы по статусу (ОРН-Б).

Задание: Восстановление/Ручной пуск магистральной вытяжной вентиляционной системы БРЕЗ-12.7.

Описание: Восстановление/Ручной пуск магистральной вытяжной вентиляционной системы.

Место выполнения: Зона 0. Седьмая опора тридцатого магистрального.

Время выполнения: без лимита.

Награда: 300 солов.

Дополнительная награда: внеочередное тройное снабжение группы по статусу (ОРН-Б).

Задание: Поиск и ликвидация. (Дополнительно)

Описание: Поиск и немедленная ликвидация добровольно низшего с номером 1749. Так же известен как Урод, Тролль, Тролс. Имеет серьезные повреждения кожного покрова.

Место выполнения: Зона 0.

Время выполнения: без лимита.

Награда: 600 солов.

Дополнительная награда: бесплатные дополнительные усиливающие и восстанавливающие инъекции (Р).

– Поиск и ликвидация добровольно низшего?

– Его я уже случайно ликвидировал. – досадливо поморщился я, бросив взгляд на едва видимую в тумане хибару тролля. – Двинулись к седьмой опоре.

Опора радовала своей освещенностью и находилась в центре паутины из проводов, сходившийся к вскрытой стальной заслонке в цельнометаллическом основании. Щурясь, безжалостно натирая воспаленные туманом глаза, я некоторое время вглядывался в переплетения проводов, пытаясь понять логику. Но не отыскал. И принялся отключать все подряд, руководствуясь простым принципом – если провод бежал по полу, то это новодел. Да и держались они на банальных скрутках, то и дело вспыхивали искры мелких замыканий. Чем больше проводов я выдергивал – тем сильнее сгущалась вокруг нас тьма. Один за другим гасли оранжевые шары фонарей, потухла хижина тролля. С долгим протяжным звуком – действующим на нервы в точности как

беззубая пила – висящая над нами реанимированная полусфера добавила света. Но он спасовал, бессильно расплескавшись по туману. Система не сдалась. Еще один долгий вибрирующий звук – и на Стылую Клоаку упал свет, исходящий из еще более высокого места – в дело вступила огромная полусфера, висящая над Гиблым Мостом. Система пыталась улучшить условия нашего труда.

Но эти звуки… надо поторопиться.

Пока бойцы оттаскивали вырванные мною провода в сторону, я изучил очищенные от хлама потрескивающие электрические внутренности. Тумблеры. Много тумблеров. Больших и маленьких. Часть гордо поднята, но остальные грустно поникли под холмиками пыли. Обдувая тумблеры, чихая, принялся врубать их один за другим. Щелк. Щелк. Щелк… И в Клоаку начал возвращаться свет. Но не оранжевый и тусклый из старых фонарей у самого пола. Те остались мертвы. Нет. Начали зажигаться лампы, расположенные прямо под брюхом Гиблого Моста. В тумане зажигались желтые размытые звезды. Йорка, позабыв обо всем, задрала голову и, держась за руку Баска, завороженно наблюдала за рождением звезд на черном туманном небосклоне. Рявкнуть бы… но я сам таращусь наверх, а рука поднимает и поднимает выключатели. Уши напряжены до предела. Но первым вздрогнул и заулыбался зомби, выставив грязный большой палец, который тут же заинтересованно облизал туман.

– Есть!

Щелк. Щелк. Щелк.

Вскоре услышали и мы – где-то за стенами запустились разлаженные двигатели. Звук надрывный, гудящий, стонущий. Слишком долго движки простояли без дела и без должного ухода. Их бы сейчас немедленно заглушить, отправить к ним команду техников, бережно разобрать, очистить от грязи, смазать… Так и случится. Позднее. А пока что включенная магистральная вентиляция делает свое дело – вытягивает из Стылой Клоаки вонь и туман.

Туман…

Соединив ладони ковшиком, поднял их к лицу. И увидел, как по ним течет туман, двигаясь на звук воющих движков вентиляции. Густые завихрения цеплялись за мои пальцы, но соскальзывали и уносились прочь. Вся масса едкого тумана заколыхалась и пришла в движение.

Еще через несколько секунд вой движков стал чуть тише. Следом оборвался звук одного мотора, но тут же появился вновь. Потом затих второй и снова заработал. Система вернула контроль

над вентиляцией и пыталась оптимизировать работу пыльных ржавых движков. А раз так… короткая проверка подтвердила – задание по запуску вентиляции исчезло, а баланс пополнился.

Баланс: 387.

Осталось два задания. И одно из них требовало некой мерзкой работенки… но нам не привыкать.

Вернувшись к хижине, мы заглянули внутрь и убедились – самодельное освещение потухло. Не проблема. Вооружившись усталой злостью, принялись срывать с решетчатых железных стен пластиковые щиты, впуская внутрь зыбкий свет снаружи. Это мало что дало, но непроглядная темнота сменилась на серый густой сумрак, что позволило сориентироваться.

Мы взялись за дело. Три деловитых остервенелых обитателя Окраины обшаривали каждый уголок хибары. Найдя что-то тут же оценивали, и находка либо выбрасывалась – в девяносто пяти процентах случаев – либо отправлялась в чей-нибудь рюкзак. Мой рюкзак в первую очередь принял в себя всю аптечку тролля целиком.

В остальном рюкзаки и пояса пополнились удивительными находками – самодельные ножи, шила, короткие мечи, дротики, щиты узкие и широкие, защитные шлемы с забралами и без.

В оборудованном под примитивную кухню углу я отыскал знакомый металлический блок – с пластиковой лентой-предохранителем. На блоке стальной лист с отчетливыми следами подгоревшего жира. Самодельная сковорода, а блок в качестве электроплитки. Не удивлюсь, если в Веселом Плуксе работают точно такие же «печи». Блок отправился в рюкзак. А я залез в стоящий в углу кухоньки большой пластиковый ящик, глянул… и злобно выругался, врезав кулаком по полу.

Ящик был полон бережно завернутыми в прозрачную пленку пищевыми брикетами, изотониками, энергетиками, витаминами. Полон! И даже не считая, даже особо не приглядываясь, я вижу не меньше трехсот пищевых брикетов различной категории, как остров окруженных россыпями таблеток. И это только верхний слой! Не удивлюсь, если этот ящик содержит в себе больше, чем годовой запас продовольствия для одного или даже двух рыл с хорошим аппетитом. Если есть по три брикета и три таблетки в день…

В общем – с едой у тролля и его приспешника было все просто отлично.

Но при этом они оба мечтали о человечине! И это не просто слова – я видел с какой жадностью и предвкушением уродливый Тролс кромсал отрубленную руку Буксы. Кожа ему жареная не нравится… и не помешай я ему тогда, он бы живо раскочегарил

плитку и на глазах висящей Буксы пожарил бы себе на завтрак ее руку. И сожрал бы…

Ну почему? Мать вашу… ну почему вы, твари, жаждете «свинину», в то время как у вас огромный запас еды?

Убедившись, что продукты в отличной сохранности, я забрал ящик целиком, поставив у выхода из хибары. Мы потратили еще десять минут на осмотр, но больше не нашли ничего полезного. Следующим пунктом стала транспортировка гребаной обезглавленной туши. Я с Йоркой, схватив труп за ноги, в три подхода вытащили его наружу и с облегчением бросили. Баск едва не грохнулся, сослепу наступив в поблескивающий след слизи, оставленный тушей тролля. Все его опухоли начали лопаться. Некоторые просто растекались как едва тронутый вилкой желток яичницы. Некоторые же лопались с отчетливым мерзким звуком. Голову Тролса вынесла Йорка. Я с интересом наблюдал за ней. Девушка, состроив брезгливую гримасу, держа тяжелую голову за волосы обеими руками, вынесла ее, глянула в покачивающееся лицо и… с пренебрежительным хмыканьем бросила на пол. Умница.

– А его очки? – устало попытался я пошутить. – Очки Тролса… настоящая добыча, верно? Плюс пять к защите от ядовитого тумана и все такое… кто хочет помыть очки тролля и прикрыть ими глазки?

– Фу… – изрекла Йорка и вернулась в хижину со словами: – Там еще что-то в углу между костями. Посуда и блоки.

Вышел пошатывающийся Баск, ушедший на вторую ходку и вытащивший ящик, заполненный мелким оружием, что не влезло в наши рюкзаки. Уселся на пол, уронил руки на бедра и затих. Зомби отдыхает. И по своей слепоте не видит удивительного – туман стремительно исчезал. Первые минут пятнадцать этого было не заметно, но теперь все происходило удивительно быстро. Я отчетливо видел опоры Гиблого Моста. Видел груды костей и столбы с черепами. Стылая Клоака стыдливо держалась за остатки прикрывавшего ее долгие годы тумана, но система была настроена решительно, и воздух быстро очищался.

Яркое световое пятно пробороздило завалы костей, помоталось из стороны в сторону. Остановилось на распластанном трупе тролля Тролса. Несколько раз мигнули красные и зеленые огни. И…

Раздел заданий полностью опустел. Зачли даже разведку. По вполне понятной причине – теперь система прекрасно все видела сама. И ей это явно не понравилось – сверху ударил долгий тревожный гудок.

Это не просто гудок. Это призыв.

Система созывала своих верных слуг – зомби, гоблинов, орков, полурослико́в. И была готова выдать им огромное количество срочных заданий. Середина ночи? Плевать. Гудок разбудит тех, кто не прочь заработать лишние солы. И уверен – таких найдется немало. В первую очередь на гудок отреагируют не нищие одиночки гоблины и зомби. Нет. Первыми возможность заработать учуют бригады. Они уже плывут сюда на запах денег…

Баланс: 627.

Раздел заданий пуст. Все же у системы есть некая порядочность. И она решила не загружать дополнительной работой тех, кто по ее приказу совершил почти невозможное.

Полусфера с гудением умчалась прочь. Торопится осмотреть бардак. На прощание она полыхнула мне в глаза зеленой вспышкой. И на всякий случай я решил проверить интерфейс. Сюрприз обнаружился сразу.

Номер: Одиннадцатый.

Ранг: Низший (добровольный).

Текущий статус: ПРН-Б. (повышенное четырехразовое питание, повышенное водоснабжение, повышенное дополнительное снабжение).

– И ведь даже не спросила. – вздохнул я – Даже не поздравила… Эй! Вояки! Проверьте статусы!

– Лопнуть и сдохнуть! Мы полурослики!

– Вот это да…

– Мы боевые полурослики. – поправил я. – Но гоблины и зомби в душе. Готовы к последнему рывку перед медосмотром и обильным завтраком?

– Да!

– Готов к выдвижению, командир. Этот ящик потащу я.

– Уверен?

– Хочу нагрузить мышцы до предела. И хочу приносить больше пользы.

– Вот это брось. – сразу отрезал я. – У вас обоих отличная продуктивность. Выдвигаемся. И поживей. Хватит с меня на сегодня Клоаки.

– Стылой Клоаки больше нет. – с какой-то даже ностальгической грустью вздохнула Йорка, но тут же воспряла духом: – Но остались Гиблый Мост и Зловонка!

– На кой черт им столько оружия? – пропыхтел нагруженный зомби. – Ножи, шила, еще ножи, щиты. На войну собирались?

– Это оружие тех, кого туда заманили и превратили в свиней. – ответил я. – Ну а где-то четверть этого хлама наверняка раньше принадлежала героям.

– Кому? А… то есть таким как мы…

– Верно. – кивнул я. – Мы точно не первые, кого система в попытке навести в Клоаке порядок послала вниз с щедрым заданием. Сюда спускались вооруженные группы и… больше не возвращались. Судя по внешнему виду оружия – это было давно. А последние годы никто уже не рисковал соваться в Стылую Клоаку. Ведь это верная смерть. Доказано примером павших героев. А мы рискнули. И оказалось, что Клоака… это просто застоявшаяся дымная вонь, пропитанная ореолом страха и ужаса, оставшимся с прежних времен. Нам повезло, бойцы. Не сегодня так завтра в туман спустилась бы другая жестко настроенная боевая группа. И они бы сейчас поднимались с добычей на плечах.

– Еле тащу. – признался Баск и тут же добавил: – Но донесу. Сам!

– Могло быть и хуже. – заметил я.

– Например?

– Система могла бы потребовать дотащить тушу тролля до медблока. – хмыкнул я.

– О-о-о… – протянула Йорка. – Лопнуть и сдохнуть… лучше молчи, гоблин! Прямо заткнись. Она же может услышать и… кроме нас то тут никого…

– Посмотри вверх. – с улыбкой посоветовал я.

– М? Ох…

– Что там? Командир? Йорка? – заволновался Баск.

– Там медленно растущая толпа донельзя удивленных гоблинов. – ответила чуть пришедшая в себя Йорка. – Обалдеть… их все больше…

– Попробуй не услышь зов системы. Посмотрите на город.

В расположенном на другой стороне каньона Дренажтауне один за другим зажигались яркие огни. Город пробуждался. Окраина уже проснулась.

Последние тридцать метров мы поднимались под прицелом нескольких сотен глаз. Край каньона был полностью закрыт тесно стоящими рылами. Они неотрывно смотрели вниз. Уже даже не на нас. Нет. Они смотрели на Стылую Клоаку. Мы добрались до края каньона, и гоблины послушно расступились, пропуская нас. Никто и не глянул, не сказал ни слова. Все продолжали пялиться на Клоаку.

Я обернулся и посмотрел вниз.

И понял – они смотрели не на Стылую Клоаку. Ее больше не существовало. Туман еще не исчез, но от него осталась почти прозрачная дымка быстро утягивающаяся под Гиблый Мост. Обнажилось дно стальной ямы. И даже с высокого края каньона отчетливо были видны груды костей, черепа, уродливые

постройки, обилие грязи, кучи мусора и одежды, скрюченный трупик зомби-привратника и обезглавленная жирная туша голого тролля, раскинувшаяся у входа в разнесенную хибару.

Да… тут было на что посмотреть. Мельком. А потом забыть и двигаться дальше. Так мы и поступили. Удаляясь, я, да и остальные бойцы, отчетливо понимал – отныне мы местная знаменитость. Уже сегодня о нас будет знать каждый последний червь Окраины и немало жителей Мутноводья. Каждый будет знать наши номера, все станут вспоминать связанные с нами истории, не забывая их приукрашивать.

– Система опознала тролля влегкую. – тихо заметил я, сгибаясь под рюкзаком, что становился тяжелее с каждым шагом. Подъем меня доконал. А живот урчал как голодная собака.

– И что с того? – опираясь о стену, спросила Йорка. Баск вопросительно наклонил голову.

– У него не было номера на груди. – пояснил я. – Вообще не было. Я специально смотрел. Там просто нагромождение опухолей, вен и все густо залито слизью. Лицо – это не лицо, а харя. Опознать по харе невозможно. Но система опознала мгновенно и зачла задание. Отсюда вывод простой, бойцы, – в каждом из нас много электронной начинки. Не только в конечностях арендованных. Но и в теле. И скорей всего, и в голове. – я постучал пальцем себе по лбу.

– И что с того? – повторила Йорка, явно стараясь уловить суть. – Что-то дает?

– Нет. Просто полезная и подтвержденная информация. Уф… Баск, сбавь шаг. Рухнешь же сейчас.

– Триста сорок шагов до капсулы с вещами. – прохрипел бедный зомби. – Триста тридцать три шага до капсулы…

– Держитесь. – подбодрил я бойцов, осторожно проводя ладонью по воспаленной коже покрытых грязью щек. – Думайте о хорошем. Вот только представьте себе – еще шкворчащий кусок жареного мяса, а рядышком большой кувшин прохладного сладкого компота.

– Ускоряюсь! – наклонившийся Баск почти побежал. – Компот! Мясо!

– Ну не до такой же степени… – начал я, но осекся, изумленным взглядом провожая побежавшую за зомби Йорку, повторяющую его девиз:

– Компот! Мясо! Компот! Мясо!

Глянул вниз и обнаружил, что мои ноги сами собой зашагали быстрее.

Компот! Мясо! Компот! Мясо… лопнуть и сдохнуть! Я уже почти бегу!

Глава шестая

Я насытился первым.

На мягко опущенный на стол потускневший, но все еще красивый графин с мутноватым самогоном внимания не обратил. На принесшую его девушку глянул пристальней. Мы самогон не заказывали. И официантка не по своей прихоти его решила нам принести. Ее послали. А по виду гонца можно многое понять.

По виду…

Весь ее вид – коротенькие шортики, тонкий узкий топик на слишком для него большой груди, распущенные волосы, тронутые помадой улыбающиеся губы, скромно потупленные густо подведенные глаза – говорил о многом. Но послание это можно трактовать по-разному. Умный поймет – им тут рады, для них работает лучший персонал, подаются лучшие напитки, об оплате съеденного и выпитого можно не беспокоиться. Все за счет заведения. Среднего ума гоблин поймет примерно так же, но еще решит, что и официантка входит в перечень «подаренного», и попытается сжать в похотливой лапе самые выпирающие места. Ну или шлепнуть с оттягом. Глупый же подумает, что отважные деяния настолько потрясли общественность, что официантка влюбилась без памяти в могучего героя. И опять же полезет похотливой лапой… Есть и другие варианты – отвергнет самогон, примет самогон и тут же разольет по стопкам, мигом хлопнув первую…

И что это дает тем, кто почти раздетую девушку сюда послал?

Так это и дает – оценку умственных возможностей и склада характера лидера геройской группы. Нас прямо сейчас оценивают, и я даже догадываюсь, кто. Те четверо серьезных с виду полуросликов. Серьезных и смешных. Все как один в плащах, сидят чересчур вальяжно, морды мрачные и серьезные, а оттого смешные. При виде их на ум пришло странное словосочетание клоны-клоуны. Сидят через три столика в почти пустом Веселом Плуксе. Недостаток посетителей меня не насторожил – очень раннее утро. Лентяи еще спят. Работяги же уже вовсю пашут, причем трудятся там, внизу, на дне стального каньона, старательно расчищая завалы костей, отскребая от металла троллье дерьмо, сметая грязь, протирая стены и выполняя еще море выданной системой невероятно грязной работы. Помимо них из Дерьмотауна прибыл памятный нам вагончик, вставший посреди Гиблого Моста. С него протянулись вниз цепи с оборудованием, на дне каньона засверкали всполохи сварки. Система торопилась залатать дыры, восстановить сломанное.

Мы все это видели сами, вернувшись к бывшей Клоаке спустя полтора часа. Посмотрели, Баску пересказали. Задержавшись еще на пару минут, поглядели как четверо бедолаг с хрипами, стонами и булькающими горловыми звуками втаскивали наверх труп Тролса, порой прерываясь на отдых и заодно орошая металл фонтанами рвоты. Упорные блевуны почти подняли труп. Но дохлый Тролс оказался коварней живого. Как оказалось, он выжидал. И метров за двадцать от края каньона воспользовался своей суперсилой склизкости и вывернулся из рук носильщиков. После чего чуть ли не вприпрыжку рванул вниз, но ему не повезло – налетел на первую же торчащую из стены стальную стойку. Чавкнуло. Заурчало. Лопнуло. Пролилось. Блевуны выразили всю силу своего разочарования парой рвотных фонтанов и грустно поплелись вниз, оскальзываясь на каждом шагу.

Этого мы Баску пересказывать не стали – пусть хоть у него аппетит не испортится. А то там так лопнуло и так пролилось… Но зомби по звукам догадался сам и весь путь до Веселого Плукса скорбно покачивал головой, заодно нервно почесываясь. Да мы все почесывались, но зуд быстро проходил. Система вкатила нам по пятнадцать инъекций каждому. Колола практически в одно и то же место и позднее я даже проверил – может, она к игле нитку присобачила и вышила у меня на коже цветок ромашки? Помимо уколов, мы познали закапывание глаз с помощью стального и страшного на вид манипулятора. А до всех процедур, когда перед медблоком мы по требованию бдительной системы зашли в душевые кабины, нас окатили не обычной водой, а странным белесым раствором, после чего потребовали его хорошенько втереть во все труднодоступные места, особое внимание уделяя подмышкам, паховой области и пальцам на ногах. Испугала ли меня столь долгая процедура по очищению от осевшего на коже тумана? Нет. После знакомства-то с Тролсом…

Как я честно признался группе – был впечатлен количеством и качеством медицинских процедур. Система сделала все, чтобы ее боевые герои-полурослики не сдохли после подвига и не обратились в опухших троллей. С нас не взяли ни единого сола – все пошло в счет одной из дополнительных наград.

Как всегда короткий диагноз порадовал и немного насмешил. Похоже, у меня вечно останется легкий токсикоз.

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Дополнительная информация: борьба организма с последствиями острой интоксикации. Легкий токсикоз.

Хотя закралось подозрение – а может, система считает за токсины остатки постоянно пребывающего в крови самогона?

После посещения медблока, вернувшись к проплаченной капсуле, порылись в добыче. Оценив несколько находок, попавшихся Йорке и Баску, я тихо рассмеялся и сразу отложил их в сторону. Добавил к ним еще один предмет, и мы отправились в Веселый Плукс. А здесь нас уже ждали. Даже не спросили про заказ – просто на столе одна за другой начали появляться тарелки с жареным мясом, рядом встало несколько кувшинов с бульоном и компотом. И вот раздетая… разодетая девушка принесла графин самогона. И стоит, потупив глазки, покачивая бедрами. Йорка тревожно зыркнула на красотку, потом глянула на жующего безразличного Баска и, успокоено вздохнув, вернулась к еде.

А от меня ждут реакции… и я ее предоставлю. Глянув на официантку, чуть пододвинулся, будто давая место, хлопнул ладонью рядом с собой и с широкой улыбкой спросил:

– А ты не хочешь позвать Энгри?

– Ой… я бы рада. Но нам нельзя садиться к гос… а? Что?

Йорка зафыркала, Баск старательно прятал лицо. Я терпеливо смотрел на стремительно наливающуюся краской девушку. Дождавшись, когда она станет ярко-красной, а глаза нальются подступающими слезами смущения, повторил:

– Позови сюда Энгри. Скажи, что гоблин Оди хочет с ней перекинуться парой слов. Если она не занята.

– К-конечно… к-хм… я… я быстро… наверное, не занята… Энгри… зато у меня больше!

С этой потрясающей фразой она удалилась, напрочь забыв покачивать всем, чем там покачивают аппетитные красотки. Утопала как солдат – набыченная, кулаки сжаты, строго смотрит перед собой.

К самогону даже не притронулся. Йорка задумчиво глянула на графин, но я покачал головой. Нет. Вечером – может быть. Но не сейчас.

Налил себе стакан компота, откинулся на стену, вытянул ноги и расслабленно затих. Над нами проехала крохотная полусфера. Задержалась, мигнула задумчиво зеленым и поехала дальше. Лениво проверив интерфейс, с нескрываемым облегчением выдохнул – пока никаких заданий. Ни рабочих, ни боевых.

Энгри появилась через двадцать минут. Коротко

переглянулась с сидящими плащеносными полуросликами, скинула рюкзак на соседний выступ и подсела к нам. Как по команде Йорка и Баск отвалились от стола и залегли поспать. Энгри на них как снотворное действует, что ли?

Теперь уже мне интересна реакция боевой девчонки с амбициями. Как она отреагирует? С чего начнет?

Энгри меня не разочаровала. Наклонившись вперед, тихо сказала:

– Обалдеть!

– Спасибо.

– Как ты решился?

– А кто-то мог отказаться от такого шикарного шанса? – удивленно приподнял я бровь.

– Шикарного шанса? – понизила голос Энгри. – Шутишь?! Это же смерть. Говорили, что там смерть приходит ниоткуда. Просто р-раз! – и кто-то из группы падает, исчезая в тумане. А когда остальные подбегают к тому месту – на полу только кровь, а самого тела нет! Затем пропадает еще один – будто в тумане растворившись. И отчетливо слышен чей-то тоненький смех.

– Дай примерно угадаю, – хмыкнул я. – Это рассказывают те, кто побывал в Клоаке и вернулся оттуда с провалом задания и далеко не полным составом. И было это давненько.

– Ну… меньше года назад последний случай. И да – из группы в пять рыл вернулись только двое. Почти целехоньких, но жутко перепуганных. Один отделался разбитым носом – при бегстве налетел на опору. Другому система накладывала швы, его еле спасли – у него по лицу сбоку, шее и груди борозды как от когтей. Кровища хлестала здорово.

– Ага. Задание у них было какое? Разведка и патруль?

– Что-то в этом роде.

– А до того, как нырнуть в Клоаку, – кому-то рассказывали?

– Шутишь? Да их туда толпа провожала. Они всем растрезвонили о грядущем походе едва получили задание! Потом еще часа два стояли на краю – с духом собирались. Самогона две бутылки выпили на пятерых. И нырнули.

– Вот и вся жуть. – пожал я плечами. – Скажи, Энгри, смогла бы ты, зная Клоаку как свои пять пальцев, пользуясь туманом, суметь устранить пьяных шатающихся чужаков. Так, чтобы они тебя не заметили.

– Смогла. – почти уверенно ответила девушка. Секунду подумала и кивнула уже уверенней: – Да. Если бы знала заранее о планируемом вторжении. И трупы бы утащить успела – я знаю какой там туман.

– Спускалась?

– Ныряла на пару минут. Для испытания.

– Чего?

– Кого. Меня. Но я и так была в себе уверена.

– Нахрена тогда ныряла? Туман для кожи не полезен.

– Чтобы доказать.

– Себе?

– Им. – едва заметный кивок в сторону оккупированного плащеносными столика. – Видишь ли, Оди, вы, гордые носители стада головастиков, зачастую считаете девушек созданиями слабыми, пугливыми и даже беспомощными. И предпочитаете нас видеть именно такими – робкими, прячущимися за вашими мускулистыми плечами, и чтобы прямо прижимались к вам грудью, не забывая оттопыривать при этом шикарную задницу. Я в этом приколе не участвую. У меня бицуха как у иных мужиков шея! Про бедра и силу удара промолчу. И я боец не хуже остальных!

– Поэтому я тебя и позвал. – кивнул я, наливая нам компота. – Разговаривать будем с тобой.

– Не сразу поверила, когда меня выдернули из-под моста и сказали, что меня срочно требует герой Оди.

– По пути инструктировали?

– Само собой. Начать с похвал обильных, можно даже намекнуть, что ты настолько крутой, что я тебе дам в любой день и час какой назначишь. А потом потихоньку перевести разговор на нужную на тему.

– Причем постараться выдать тему за малозначимую, да? Так… небольшой пустяк, но бригада Соплей будет рада…

– Солнечное Пламя.

– Сопло?

– Пойдет. И да – ты опять угадал.

– Я не гадал. Просто это единственное объяснение, почему вдруг нас обслуживает позабывшая одеться красивая официантка.

– Вот она к плечу прижиматься и задницу шикарную оттопыривать умеет. – Энгри презрительно скривила губы.

– Об этом речь? – спросил я, откидывая край грязной тряпки. Показались четыре приклада.

Оценив увиденное, воительница кивнула:

– Все верно. Четыре бригадных игстрела.

– И в чем такая важность? Вряд ли Сопли стали бы переживать из-за тысячи двухсот солов.

– Солнечное Пламя.

– Ну да. Так в чем причина стремительного оголения телес официантки?

– Они не личные. Это бригадное оружие, Оди. Система

выдала его по запросу бригадного лидера. Им может пользоваться любой член бригады при наличии боевого статуса.

Оглядев приклады – на каждом имелось по старательно прикрепленному желтому языку пластикового пламени, я почесал затылок и снова пожал плечами:

– И что? Ну просрали вы четыре ствола. Дальше что?

– Система ведет учет. Каждый раз, когда игстрел появляется под ее сенсорами – он передает данные с чипа. Как мне объясняли, есть мнение, что игстрел передает данные о каждом сделанном им выстреле, причем с точными координатами и временем. Поэтому даже стреляя из него на сумрачных тропах…

– Рано или поздно система об этом узнает. – понял я. – Узнает все – сколько выстрелов было сделано, где, с какой частотой стреляли. Вся инфа ляжет в общую базу, сопоставится, и если в том районе вдруг найдут дохлого гоблина с иглой в горле…

– Как пример – да. Тут уже куча вариантов. Даже стрельба без веского повода в обычном коридоре – системе не понравится. Но… Оди, бригада у нас большая. Каждый день ссоры, каждый день кто-то с кем-то дерется. То и дело кто-то из бригады пропадает на пару дней. Потом появляется опухший от недавнего пьянства. А теперь представь, что ему попадет в руки бригадный игстрел, и он начнет палить. Завалит пару гоблинов. И система мгновенно предъявит жесткую претензию. В первую очередь – бригаде. А это страшные штрафы, падение статуса и прочее… Причем наказание справедливое, не поспоришь – раз получили оружие не персональной, а бригадной доступности – следите за ним.

– Согласен. – кивнул я. – Как пропали стволы?

– Вместе с группой бригадных дебилов, решивших сойти с патруля и стать теми, кто сумеет преодолеть всю Стылую Клоаку. Пройти под Гиблым Мостом. Так свидетели рассказали. Группа из шести рыл нырнула… и больше их никто не видел. Но слышали. И была стрельба – несколько игл вылетели из тумана и шибанули в потолок. Еще через пару часов на край тумана выбросили одно тело – искромсанное, изрезанное, с отрезанными руками и ногами. Парня буквально исчертили следы когтей. Мы сначала решили, что над ним поработал здоровенный плукс. Но нет следов укусов. И слишком уж много следов когтей в паху. Будто его с размаху ударили туда раз так… тридцать… а может, и пятьдесят.

– А это когда случилось?

– Семь месяцев назад. Хоть группа и проявила глупость, все равно многие из бригады благодарны вам – за то, что прикончили

тех, кто убил наших ребят.

– Вот в этом я сомневаюсь.

– Как это? Вы прикончили тролля! Десять минут назад его труп загрузили в медблок. Ну… то, что дотащили… это ты отрубил ему голову, проткнул тушу в нескольких местах и переломал конечности?

– Отрубил голову. Срезал пару опухолей – из сострадания к бедолаге. Больше ничего не делал.

– Значит, плохая доставка… Но тролля вы прикончили. Долбанного ублюдка, убившего наших!

– Он ходил с грацией обожравшейся свиньи, Энгри. И с такой же скоростью. Бесшумно напасть в тумане, одного за другим убить настороженных бойцов… нет. Это работа не жирного тролля. Тут постарался кто-то другой. Вооруженный… ты видела того выжившего парня? Которому наложили швы?

– Да. И?

– А мертвеца выброшенного на край Клаки?

– Тоже.

– Следы оружия одинаковы?

– Стой… я до этого как-то даже не… – Энгри нахмурилась, вспоминая. – Да… там и там двойной след от ударов. Колотые и рваные раны. У тролля было такое оружие?

– Нет. И вы не найдете его в Клоаке. Убийца давно ушел оттуда и прихватил любимую игрушку с собой.

– Куда?

– А куда стекается все дерьмо мира?

– Дренажтаун… Что знаешь об этом?

– Пока ничего. Только предположения. – я бросил короткий взгляд на спящего зомби, по обыкновению прикрывшего изуродованное лицо бейсболкой. – Спасибо за рассказ, Энгри. Забирай игстрелы. И спасибо, что пришла.

– Погоди… вот так просто?

– Вот так просто. – ответил я. – Но своим ты так не говори. Скажешь, что все это время убеждала меня, налегала на наше старое знакомство, напоминала о взаимопомощи и о том, что с вашей бригадой выгодно дружить и иметь деловые отношения. И, якобы, я сдался и отдал тебе оружие как залог нашей дружбы. Так и скажешь.

– А на самом деле?

– А на самом деле – докажешь им, что от тебя, хрупкой девушки с шикарной задницей, толку куда больше, чем от некоторых мужиков.

– Хм… ну смотри. Потом торговаться поздно будет.

– Ты уже выпросила себе в командование три звена бравых

ребят?

– Намекнула. Мне велели подождать до более подходящего времени.

– Вот как вручишь им игстрелы – так и настанет подходящее время для разговора. – улыбнулся я.

Затихшая Энгри пыталась что-то высмотреть в моих глазах. Ничего не обнаружив, спросила напрямую:

– Тебе что с того?

– Ты поднимешься выше по бригадной лестнице. – легко ответил я.

– Это я поняла. Не дура. Тебе-то это зачем?

– Потому что ты умна, и тебя очень многое не устраивает. – развел я руками.

– Это не ответ.

– Какой есть.

– Бесплатное мясо – только у плукса в желудке.

– Я ничего у тебя не прошу, и ты мне ничего не должна, Энгри. Считай это ни к чему не обязывающей дружеской услугой. Но если вдруг однажды я или кто-то из моих попадет в беду, и ты сможешь с этим помочь…

– Я поняла. – девушка упруго поднялась, сгребла сверток с игстрелами, смерила меня пристальным взглядом. – Я поняла… И просто напомню – все за счет заведения. Даже секрет небольшой открою – официантке ты нравишься. Да многие из них от тебя пищат. Понять бы еще, почему.

– Удачного дня. – улыбнулся я, и беседа завершилась.

Энгри покинула Веселого Плукса, а через минуту за ней проследовали плащеносные. Еще через пять минут к столу подошла давешняя официантка, успевшая натянуть белые штаны, блузку и убрать волосы под платок. Эротическая составляющая обслуживания завершена… подберите слюни, гоблины! На меня она старательно не смотрела. Убрала пустую посуду и без каких-либо просьба выставила три бутылки с компотом. И у сладкого напитка знакомый оттенок – уже заряжен энергией до самой пробки. Тут не обошлось без Энгри.

Едва слышно кашлянув, официантка указала в сторону входа и сообщила:

– С вами хотел бы поговорить один полурослик. Из нашей бригады. Если вам удобно сейчас.

Эльфы меня задери… как же непривычно слышать на Окраине вежливые слова!

Если вам удобно сейчас…

– Нам удобно. – ответил я с вежливой нейтральной улыбкой.

Облегченно выдохнувшая девушка кивнула и отошла. Ее тут

же сменил улыбчивый мужчина лет за сорок. Первое, что бросалось в глаза – его мускулистое телосложение и зализанные набок редкие волосенки, тщетно пытающиеся прикрыть огромную лысину. Выражение глаз было доброжелательным и предостерегающим одновременно «не стоит замечать мою лысину, чувак. Не делай этой глупости или однажды я перережу тебе глотку».

С огромным трудом проглотив рвущийся наружу совет взять острый нож и соскоблить с головы агонизирующую поросль, я скользнул взглядом по желтому языку пламени на его груди и выжидающе улыбнулся. Мужик не заставил себя ждать:

– Мы бы купили.

– Что?

– Что продадите из добычи. Все видели, как вы поднимались, сгибаясь под тяжестью рюкзаков и ящиков. И как загружали все в капсулу. Кстати, бесплатный совет, хотя может, ты уже в курсе.

– Да?

– Если прекращаешь проплачивать капсулу, и она снова уходит системе – лучше позаботься, чтобы она блестела идеальной чистотой. Система ценит гигиену, и засранная грязью капсула… ей как серпом по зрительным проводам. Может наказать.

– И серьезно?

– Смотря как поглядеть. Если ушел по солам в минус и спать собираешься на улице – наказание тебе не страшно.

– Лишение капсул?

– Ага. Минималка вроде как трое суток без возможности воспользоваться капсулой. Максималка… я слышал о месяце. Но там у мужика психоз какой-то состоялся, и он набил капсулу рваными кусками высосанной мертвечины. Плуксы троих высосали и ушли. А мужик чудом выжил, раскорячился как-то под потолком, чуть ли не жопой к стене присосался, молитвами поддерживая давление в напряженных булках. Да потом мы туда специально ходили и смотрели. Даже пробовали. Никак не удержаться больше пары минут в обычном упоре. Голый металл и никаких зацепок. А он провисел полчаса! Мы даже обнюхали эти стены – может, клеем каким себя присобачил? Но нет. Никакого намека на клей. Зато следы соли и легкий аромат мужского одеколона «Вот и случилось». Висел, потел и срался. Но как висел? Загадка Окраины… Короче, пока он висел – все это дерьмо видел и слышал. Как спустился – уже веселым и бормочущим – принялся трупешники в капсулу прессовать. И все что-то про райский колумбарий бормотал. Система дохлую начинку стального пирожка не оценила. Вскрыла, дала задание на очистку

и доставку, мужика лишила возможности пользоваться капсулой на месяц. Но он не дожил – через две недели коридорного сна плуксы стянули его с выступа и высосали. И снова загадка – свидетели утверждали, что плуксы выбрали именно его, пройдя мимо пары спящих прямо на полу зомби. По запаху одеколона навелись? Как-то так в общем.

– Трогательная история.

– Жизненная.

– А если я оплачу капсулу, но в нее ляжет тот, кому запрещено ими пользоваться?

– Она не закроется.

– Ясно. Спасибо за совет! И за историю.

– Так что насчет продажи? Или пока хотите выбрать что-то себе из находок?

– Глянуть – глянул. – кивнул я. – Но мельком. Так что можно совместить с процессом оценки.

– Отлично. Когда реально приступить? После обеда?

– Прямо сейчас?

– Я только за. Но твоя группа…

Глянув на дрыхнущих бойцов, спросил у безымянного лысого, достигшего средних умений в маскировки лысины:

– Их ведь здесь не потревожат?

– Героев Клоаки? Ни в коем случае. Пусть спокойно спят. Ни персонал, ни гости не потревожат. Я распоряжусь. Если кто сунется несмотря на просьбу – охранники вежливо и тихо выведут нехорошего гоблина наружу и попрыгают на его ребрах.

– Ценю хорошее обслуживание. Тогда вперед.

Тихо сползя с выступа, прислушался к ощущениям и понял, что чувствую себя великолепно. Полностью исчез зуд, ни малейших болевых ощущений, перестали слезиться пораженные туманом глаза. Благодарная система вколола нам что-то действительно действенное. При этом не малейшего следа наркотической эйфории, этой частой спутницы мощных лекарств. Откуда, интересно, я про это знаю? У меня на торсе нет следов старых ранений – тщательно проверил. Но… их и не должно быть. Раз нам стирают память – то должны стирать и прочие внешние признаки прежней жизни. Татуировки, шрамы от пуль и ножей. Отсутствующие пальцы и конечности не в счет – все равно руки-ноги отрезают, а по выданным ты можешь задуматься о чьей-то чужой жизни, но точно не о своей. Глаза…

Догнал крепыша у выхода, где он перекинулся парой слов с понятливыми охранниками. Каждый их стоящих у входа вышибал протянул мне руку, уважительно потряс, сказал пару одобряющих слов. И это было искренне, а не по причине того, что мы часто

сюда захаживаем и общаемся с руководством бригады. Еще раз убедился, что в этом мире все более… искренне… более… громко… Никак не получается описать это состояние конкретней. Но сейчас меня беспокоят другие вопросы.

Пока шагали к капсуле, начал с только что пришедшего в голову.

– Бывает, что гоблины появляются на Окраине одноглазыми или слепыми?

– В смысле – сразу при побудке? От рождения?

– Ага.

– Никогда о таком не слышал. Вообще никогда. И все рождаются с руками-ногами.

– Понял. А проблемы со зрением? Близорукость? Дальнозоркость? Косоглазие?

– Никогда. Пока плукс тебе глаз не выбьет – видишь зорко как орел коридорный! Хм… а я ведь я даже и не задумывался об этом раньше. Самому интересно стало. Ну-ка давай еще вопросы. Дам нагрузку на мозговой коктейль.

– Как? – хмыкнул я. – Мозговой коктейль? Нелестно ты о своих мозгах.

– Так у всех у нас мозговой коктейль в кокосовом орехе на плечах булькает. Ты не слышал о красных плуксах?

– Расскажи леденящих подробностей…

– Они всегда присасываются к головам, Оди, – крепыш остановился, удивленно на меня уставился: – Ты чего? Чаще всего красные плуксы попадают на Окраину из Стылой Клоаки. Где-то там у них есть проход. Во вскрываемых гнездах они тоже встречаются, но куда реже. И если обычным плуксам лишь бы зацепить и присосаться к любой части тела – шла б в пасть кровь и шинкованное мясо – то красным плуксам подавай мозги. Быстрые, далеко и высоко прыгают, никогда не бывают слишком большими. Если попадутся в связке с мандаринами, то и сверху свалиться на голову могут. Это из реальных и проверенных фактов. Из мифов – якобы красные могут срезать подбородочную лямку и стаскивать с упавшего бойца шлем, чтобы без помех присосаться к голове. Сам не видел. Но мы часто находим в дальних коридорах дохлых гоблинов и орков. И порой рядом с ними валяются содранные шлемы… Погоди. И вы нырнули в туман, не зная о красных плуксах?

– Так логично же. – усмехнулся я. – Знай мы о мозгососах – раз пять бы подумали. Сколько всего видов плуксов встречается?

– На Окраине? Серые бойцы, оранжевые командиры, красные мозгососы, серые домоседы. Последние гнезда не покидают.

– Почему?

– А я знаю?

– Трутни?

– С чего бы? Хотя… но самки-то в гнезде нет.

– Нет?

– Даже ни намека на женское начало. – хохотнул крепыш. – Парадокс, да? Яйца есть – ну или икра, хотя какая разница по сути? Икра есть. А матки нет… Если серые это трутни… то, с кем они там в гнезде страстно вибрируют? С друг дружкой? А яйца тогда откуда берутся? И только не говори, что мужики и сами при нужде могут.

– А как вообще поняли, что матки нет? А с чего решили, что серые это мужики?

– Так ведь матка она же должна быть огромной, верно? С пузом длиннющим.

– Нет. – уверенно ответил я. – Этот подход здесь не прокатывает. Плуксы непохожи на муравьев или пчел.

– Да насрать, если честно. – приостановившись, крепыш заглянул мне в глаза и повторил: – Насрать. Как я считаю – их просто надо уничтожать. Методично и быстро. Давить каждую икринку, рубить каждого плукса. Не надо искать к этой гадости особые подходы. Не надо их изучать. Мы для них просто пища. И нам их всех не перебить. Откуда-нибудь да вылезет еще несколько. Ну и отлично – нам больше работы и мяса. Понимаешь?

– Понимаю. – согласился я, пристально изучая глаза стоящего напротив крепыша. – А ты в курсе, что у тебя глаза друг от друга чуток по цвету отличаются?

– Ага. Девкам нравится. Но у меня оба глаза карие. А у некоторых один зеленый – другой синий или серый. Еще круче выглядит. Завидуешь?

– Есть немного. – хмыкнул я. – И много таких разноглазых?

– Не особая редкость.

– Понял. А насчет плуксов – их гнездо ведь что-то вроде мешка из кожи и мяса, верно?

– О… только не начинай. – помотал головой крепыш. – Давай, скажи мне, что мясное гнездо плуксов – и есть их матка. Ага. И все они дружно живут прямо внутри нее. Да это невозможно!

– Расскажи это кенгуру. – пожал я плечами. – Или другим сумчатым. Это эволюция. А у нее свои причуды. Хотя, если честно, мне больше интересно другое – что вообще такое эти плуксы? У нас блокирована память. Хорошо. Но я помню про медведей, про крыс, пауков. Да если покопаться в голове – пару часов без остановки смогу животных и насекомых перечислять.

– Как и я. Не мни себя уникумом, герой. Я вот тоже кенгуру

помню. И мартышек. Мелких таких. Все время жрут, срут, чешут в заднице, а потом нюхают пальцы. Прямо как один наш звеньевой, когда думает, что его никто не видит. А нам ему потом руку пожимать… Еще помню шимпанзе. И что?

– Где живут кенгуру?

– В зоопарках, где еще. Реже у богатеев. Вроде бы так…

– А где живут плуксы?

– Не подловишь, Оди. Не ты первый на мягком вираже подкатываешь. И я спрашивал многих. Никто из нас не знал о плуксах до того, как проснуться на Окраине. Это местный зверь. Нам чужой.

– Это местный зверь. – повторил я. – Нам чужой. То-то и оно… Что ты понимаешь под словом «местный»? И как объяснить избирательность красных плуксов? Почему они высасывают мозг? В моей памяти нет воспоминаний об обычных диких зверях, охотящихся за мозгами. Это бред. Посуди сам – мозг расположен высоко, еще допрыгнуть надо, и спрятан он под природной броней, которую еще надо пробить, чтобы добраться до полужидкой вкусняшки. С какого перепугу у красных плуксов мог появится непреложный инстинкт охотиться за мозгом?

– Стоит ли забивать голову мыслями о застенных кусачих паразитах, Оди? Во всем есть польза. Даже в мозгососах – красные плуксы особенно хороши на вкус. Их жир тает на губах. Вкуснее мяса я не едал. И мне плевать, на какой пище они свой жирок нагуляли. Убей, пожарь, съешь, забудь. Живи проще, живи дольше, живи веселей. Вот и все.

– Вот и все. – повторил я и остановился. – Пришли.

Повернувшись, крепыш махнул рукой, и к нам заспешили трое сопливых рядового ранга. Открыв капсулу, невольно наморщил нос – запашок оттуда рванул ужасный. Вонь перепревшей и сгнившей крови. Глянув на крепыша, я, демонстративно отступив, сказал:

– Доставайте. А я и отсюда вижу.

– Вот так всегда…

– И в нашу сделку входит дополнительный пункт – тщательная очистка этой капсулы. Чтобы даже чистюле-системе не было к чему придраться.

– Договорились. – с тяжелым вздохом кивнул крепыш, натягивая перчатки. – Капает что-то с тесака…

– Слизь и кровь тролля.

– М-да… сразу скажу – оружие в ужасном состоянии. Ржавье, не стоящее и пяти солов.

– Знаешь заведение с интересным названием Жопа Мира?

– Типа конкурентов? И что?

– А то, что сегодня вечером это дешевое ржавье будет висеть на стене Жопы Мира. С табличкой внизу: «Им был обезглавлен ужасный тролль, живший под Гиблым Мостом». Да, букв многовато. Но… на него все равно прибежит поглазеть толпа любопытных гоблинов и орков, что принесут с собой немного солов на пару стопок самогона. Поэтому не трать пять солов на эту железяку, брось на пол. Я потом разберусь.

Постояв, повздыхав, бригадник тесак не бросил. Покрутив его в руках, задал неизбежный вопрос:

– Сколько?

– А сколько предложишь за сей несравненный артефакт?

– К-хм… ну… пятьдесят?

– Две сотни.

– Сколько?! Обалдел?

– И впрямь – чего это я? На этот тесак из самого Дренажтауна прибегут посмотреть. А может, прямо в городе и продать его? Давай так – предложи три сотни солов и пару бутылок самогона. И, может быть, я соглашусь.

– Ну… – переглянувшись с помощниками – а те не отводили глаз от обычного ржавого тесака – крепыш сплюнул и сказал: – Оди, слушай, отдай мне этот артефакт за три сотни солов и пару бутылок самогона?

– Договорились. – с широкой улыбкой махнул я рукой. – И двести солов за всю кучу этого ржавого хлама. Тут навскидку под сотню с небольшим единиц оружия, можно было бы заморочиться и устроить розничную распродажу в ближайшем коридоре, но так и быть.

– Договорились. Двести за все. – он не скрывал довольной улыбки. И я его понимал. Тут не меньше двадцати ножей, под пятьдесят шил, сколько-то дубин и дротиков. Но оружие в ужасающем состоянии. Покрыто коркой жира и грязи, изломано, выщерблено. Бригаде выгодно. Они отмоют, почистят, заточат – и вручат новичкам. Не придется покупать инструмент и оружие в торгспотах – где придется отдать втридорога.

– Это заинтересует? – я указал на ящик, забитый пищевыми брикетами и таблетками.

– Шутишь? – выпучился бригадник. – Хочешь продать такой запас еды на черный день? Уже даже и запаковано. Проплати капсулу на пару месяцев вперед. Не забывай доплачивать и проверять. И в случае чего…

– Жрачку людоеда? – скривился я. – Кто знает, когда на ящик накинули пленку. Вон пятна какие-то бурые и желтые. Ты вот можешь сказать, что за хрень капала на тот качественный пищевой брикет? Цвет капель желто-серый. И что это? Сопли

тролля? Моча тролля? Диарея тролля? Мозговая жидкость жертвы, рухнувшей с пробитой головой? Все вместе взятое? А может, ящик стоял у кровати, и у жирного малыша случилась бурная поллюция из-за навеянных туманом эротических сновидений? А мне это жрать?

– Хреново ты рекламируешь товар. – бригадника перекривило почище моего. Да и его помощники не скрывали эмоций.

– Я это есть не буду. И вам не советую. Бесплатно не отдам, продам… по половинной стоимости.

– Четверть!

– Треть.

– Договорились. Уверен, что не пожалеешь?

– Я просмотрел. Большей частью жрачка. Есть качественная, некоторых брикетов раньше не видел. Из таблеток – ничего особенного. Так что забирайте.

– Момент… – крепыш повернулся к черноволосому дистрофику и скомандовал:

– В бой, доблестный боец! Пересчитай-ка живо.

– А чего сразу я? – возопил несчастный. – Я даже перчаток не взял! А на брикеты тролль капал. Всяким…

– Держи. – дистрофику вручили перчатки, и он со вздохом поперся к ящику.

Как быстро у нас появляется и пропадает брезгливость. Уверен, что будь он червем, и кинь я ему перед мордой брикет, – он бы живо сожрал предложенную еду. И даже не задумался бы о происхождении странных пятен. Но вот он, орк-чистюля – и даже касаться не хочет осквернённой пищи без перчаток.

Считал он быстро. Показал три пальца начальнику. Тот повернулся ко мне и озвучил:

– Триста солов.

– Пойдет. И не забудьте почистить капсулу.

– Сделаем. Только не уходи десяток минут.

Аптечку и разную оставленную мелочевку я перебросил в соседнюю капсулу и закрыл, кое-что уложил в рюкзак. Постоял рядом с первой капсулой, смотря, как прибывшие два парня споро вымывают ее тряпками и огромными губками. Десять минут ждать не пришлось – капсула засияла через пять. Прощаясь с бригадником, тихо добавил:

– Есть кое-что поценнее. Горячий блок. Серые таблетки. Если интересно – я в Плуксе.

– Понял. Деньги сможешь снять прямо там. Восемьсот солов. Проценты с нас, как и положено.

Быстро он сориентировался со своими «как и положено». Не упомяни я о более интересном и дорогом товаре…

На том и расстались.

Вскоре я сидел на соседнем с дрыхнущими бойцами выступе, положив руку на тяжелый рюкзак и ожидая второй части выгодных переговоров. Прямо передо мной, у противоположной стены коридора, задумчиво стояли несколько парней, прикидывая, как и куда именно закрепят тесак тролля Тролса. Я с ленивым любопытством прислушивался. Основной темой разговора была здравая идея о том, что тут часто бывают пьяные – да ладно! – и посему надо этот тесак закрепить намертво. С другой стороны – оружие у входа не забирают, и тесак надо скорее от кражи обезопасить – а то эти гоблины точно сопрут.

Увидев короткий вежливый кивок сидящей у банкомата невероятно красивой и ухоженной черведевы с белыми волосами и васильковыми глазами, забрал причитающиеся солы.

Баланс: 1424.

Вернувшись к заряженному компоту, бросил в него таблетку купленной по пути «шизы». Солы на балансе – важная вещь. Но здоровье и сила – куда важнее. Я старательно пичкал организм восстанавливающей химией и питательными веществами. И в благодарность тело с каждым днем становилось все послушней и сильнее.

Тело…

Поверх бокала глянул на начавшую засыпать черведеву.

Ухоженная, накрашенная, красиво и сексуально одетая – шортики, розовая маечка, розовые ленточки в волосах. Выглядит сонной и спокойной. Улыбчива. Светлые волосы и полуприкрытые яркие синие глаза.

А до нее у «кассы» Веселого Плукса сидел другой ампутант – безрукий одноногий парень. Со светлыми волосами и синими-синими глазами. Он тоже был удивительно ухожен, весел, спокоен, улыбчив. В прошлый раз я отмахнулся от этого, как от незначительного. Но у парня были чуток подведены глаза – причем мастерски, чтобы косметика была почти незаметна.

Интересное я сделал наблюдение. Значительное? Малозначительно? Незначительное?

Почему меня зацепило это наблюдение?

Из-за его значимости?

Нет… правильней будет сказать – из-за его тревожности.

Есть что-то тревожное и нехорошее в том, чтобы сажать за кассу красивых, ярких и беспомощных кукол со светлыми волосами и синими глазами. Нехорошее не из-за отсутствия конечностей – никто из нас, гоблинов, не застрахован от опасности стать зомби, а затем и червем. И здесь к этому давно привыкли, никто не бросит лишнего взгляда. Червь и червь…

Просто банкомат Веселого Плукса на самом виду. К нему обязательно подойдут или пройдут рядом – каждый раз проходя мимо улыбчивых синеглазых кукол, выставленных на всеобщее обозрение. Выставленных их… хозяином? Слишком уж это все походит на чью-то любовно собираемую обожаемую коллекцию…

Но я тороплюсь с выводами. Двое с васильковыми глазами и светлыми волосами – это может быть простым совпадением.

– Добрый день. Можно? – в женском голосе звучит легкая усталая хрипотца.

– Добрый день. – мне пришлось сделать небольшое усилие, чтобы сохранить внешнюю безразличность. – Прошу.

Грациозно изогнувшись, напротив меня уселась прекрасная блондинка. Поерзала, устраиваясь поудобней, сохранив осанку, замерла в подчеркивающей все ее прелести позе. Она будто предлагала – посмотри на меня, ведь я красива. И она не лгала – действительно красива. Одета просто, но не абы как. Розовые и явно побывавшие в руках умеющего обращаться с иглой гоблина брюки, синяя укороченная футболка, подчеркивающая высокую грудь. Яркие синие глаза смотрят благожелательно и спокойно. Девушка настолько естественна, что не сразу замечаешь – у нее нет рук.

Вежливо улыбнувшись красивому зомби, взглянул с выжидательным намеком. Но она никак не отреагировала, продолжая сонно смотреть на меня и улыбаться.

Какого…

– Лана. – тихий спокойный голос был переполнен лаской и… стальной непреклонностью.

Подошедший мужчина своей внешностью меня уже не удивил. Ему за пятьдесят, если судить по лицу. Тело – как у тридцатилетнего бойца, занимающегося собой каждый божий день. Казалось, что при каждом шаге ему приходилось сдерживаться, чтобы не показать свою истинную скорость и силу. Белая майка, серые штаны, зашнурованные кеды с коротко обрезанными концами шнурков. Светлые волосы не причесаны, он вообще выглядит только вышедшим из душа. На одежде нет отметин о принадлежности к бригаде Солнечное Пламя. Но судя по поведению работников заведения – мужчина имеет прямое к ним отношение. И занимает высокое положение. …

Переведшая на него взгляд Лана запоздало зашевелилась, грациозно встала и с детской доверчивой улыбкой… упала на вовремя подставившего руки мужчину. Он мягко опустил ее на пол, поцеловал в покорно подставленную пушистую макушку и легким шлепком направил к банкомату, где сидела и улыбалась еще одна блондинка.

Сев на ее место, мужчина протянул над столом руку. Сжав ее, ощутил ответную хватку – опять же сдержанную, точно лимитированную.

– Мир похож на набитые пластилином стальные трубы, не считаешь?

– Каждый видит мир по-своему. Я Оди.

– Я Лан. Видение мира… все мы видим и понимаем одинаково, но выражаем свое видение разными словами и цветами. Что ты слышишь, когда кто-то говорит «пластилин»?

Подобной беседы я не ожидал… Но почему не подыграть? Проверив интерфейс и убедившись, что система пока не дала о себе знать, помедлил еще пару секунд с ответом и неспешно произнес:

– Податливый. Сминается. Принимает любую форму. Разделяется и соединяется. Смешивается. Из него можно лепить.

– Из него можно лепить. – с широкой улыбкой кивнул Лан. – Браво, Оди. Тебе следовало выбрать себе имя, начинающееся с другой буквы.

– Л? Лан. Лана.

– Буква лучшая из лучших. Оди… вот видишь, как легко понять человека, задав ему всего один вопрос – что он слышит, когда кто-то произносит слово «пластилин»? И ответ безошибочно определит цену отвечающего. Других вопросов можно не задавать. Оди, ты знаешь, из чего делают старый и добрый настоящий пластилин?

– Нет.

– А зря. Ведь пластилин – это мы. Мы схожи с ним. Мы столь же идеальный материал, как и он. Настоящий пластилин состоит из глины, воска, животных жиров и пары капель воды. Само собой, глина белая. Белейшая.

– Само собой.

– Стоит добавить немного цветных пигментов… и из пластилина можно лепить человеческие фигурки иных цветов. Но кому нужны эти примеси? Белая безупречная кожа, белые волосы с золотым отливом, синие глаза. Разве это не эталон?

Я молчал пожал плечами. И даже не спросил, откуда взялся синий цвет, если там только белая глина как основа.

– Как грустно, что наша Мать в своем порыве придать нам движение пришивает конечности безоглядно. – подавшись вперед, Лан положил ладони на стол. – Как можно деве с белоснежной кожей пришить мерзко уродливые черные руки? Разве это не искажает эталон? Разве это не уничтожает природную красоту?

– Я не задумывался. – спокойно ответил я, скользя взглядом по его рукам.

Белые. Идеально подходящие по цветку к коже его торса. Ноги под штанами, ступни скрыты кедами.

– Пластилин мягок, податлив. Один удар – и фигурка сплющена в лепешку. Но подержи пластилин в обжигающем огненном жаре – и фигурка станет твердой и звонкой. Сломается, но не согнется.

Я даже не моргнул, когда в руках Лана возникла крохотная белая фигурка. Торс, руки, ноги, безликая голова. Судя по очертаниям – это женщина. Бережными движениями чуть примяв глину, Лан легонько и медленно потянул. Одна из ручек сначала истончилась, вытягиваясь, а затем оторвалась. Я невозмутимо наблюдал за этими манипуляциями, неспешно цедя компот.

Резкое движение, и фигурка смялась в сжатом кулаке. Одновременно с этим я чуть пододвинул рюкзак с принесенным товаром.

– Нагревающийся блок.

– Не новый. Оставшийся ресурс неизвестен?

– Верно.

– Пятьсот солов.

– Хорошо. Таблетки?

– Какие? И сколько?

– Мемвас. Сотня.

– Славная награда за голову тролля… с ним трудно пришлось?

– Нет. Все прошло даже слишком легко.

– Туман съел его разум. Пережевал его мозги. До меня доходили слухи, что его любимыми заказами стали десятки таблеток обезболивающего и наркоты. Я заплачу по пять солов за таблетку. Заберу все. И оплачу проценты банкомата.

– Согласен, но с небольшим дополнением. В рюкзаке пустые картриджи, иглы. Пусть заберут их тоже. А взамен отдадут снаряженные картриджи.

– Хорошо, Оди. Хорошо… Это все?

– Да.

Он ушел молча. Обнял прильнувшую к нему блондинку, поцеловал в макушку сидящую у банкомата девушку, и они исчезли в служебных помещениях, оставив после себя запах цветов и легкого морозца.

Через несколько минут подошли двое, молча забрали рюкзаки. Еще через четверть часа я наведался к банкомату и положил на свой счет тысячу солов. Когда вернулся, рядом со столом лежали рюкзаки и в одном из них нашлось двадцать снаряженных картриджей для игстрела.

Баланс: 2424.

Троллей-людоедов валить выгодно.

Троллей-людоедов валить необходимо.

Как и всех, кто мнит себя могущим ломать чужие жизни и судьбы, превращая сородичей в безмозглых свиней… или в странных улыбчивых кукол.

Я хотел задать несколько вопросов, но беседа с самого начала не задалась. Поговорили о свойствах пластилина в среде стальных труб. В одном уверен – проданные мной таблетки мемваса в свободную продажу не попадут. Не то чтобы я чувствовал наркоманов, но иногда это само бросается в глаза.

Подозвав официантку, попросил писчие принадлежности. И получил их – странную ручку, словно бы вырезанную из синей жесткой губки и большую пластиковую табличку. Набросав список, подложил под тарелку, рядом оставил ручку. Прихватив с собой бутылку компота, наведался к банкомату, после чего перебросился парой слов с орками у входа, получив заверение, что со спящими клиентами все будет в порядке. Донес рюкзак до капсулы, где разгрузился, сунул бутылку с компотом подмышку, забрался на соседнее ложе, и крышка опустилась. Капсула погрузилась в темноту. Но она не могла мне помешать забросить в рот четверть таблетки мемваса и разгрызть. Кисловато-горький едкий вкус. Неприятный. Но наркоманам плевать на вкус.

Я же не наркоман. Но проверить информацию о флешбэках просто обязан.

Одно дело слушать чужие откровения о неких прорывах в блокаде воспоминаний. Это может оказаться обычным наркотическим сном, не имеющим ни малейшего отношения к реальности. Слишком уж выгодно для наркодилеров звучит описание мемваса – мягкий не слишком долгий кайф, а яркие воспоминаний идут бонусом. И все по вполне доступной даже для гоблина цене. Лучше рекламы не придумать.

Я должен узнать…

Вжав кнопку открытия, повернулся на бок и в едва приоткрывшуюся щель выплюнул сладкую горечь. Прополоскал рот, выплюнул. Еще прополоскал. Вывалившись из капсулы, убедился, что полусфер нет и строгая система не засекла хамского нарушения чистоты.

Отбросив половину таблетки, пошел по коридору, в третий раз полоская рот.

Нет. Наркотики – не тот способ для восстановления воспоминаний. Ведь даже повторенная мысленно сказочка про чудо-мемвас прозвучала насмешливым хохотком.

Нет… я очень хочу вспомнить все.

Но сделаю это другим способом. Не таким.

На бросившегося за упавшей половиной таблетки зомби я взглянул мельком, увидев, как мембас исчезает в его рту, как разочарованно и злобно кривится не успевший за счастливчиком гоблин в рваных шортах. Как он наградил удачливую нежить сильным пинком, сначала глянув на потолок.

Сплевывая компот, я тихо рассмеялся, потирая запульсировавшие глаза.

Богов боятся – но грешат.

Божьей кары страшатся – но грешат!

Электронную богиню славят – но грешат!

Нет… человечество ничуть не изменилось за тысячелетия, что прошли с того момента, как убивший соплеменника из-за гнилого плода первобытный человек увидел быстро темнеющее грозовое небо и, возомнив, что изменение погоды вызвано его поступком, упал на колени и перепуганным воем попытался выразить всю глубину своего раскаяния. Его убила молния, прожарив до костей. И пожирая хрустящую на зубах подгорелую плоть бедолаги, его племя смотрело на успокоившееся небо уже совсем иначе – отныне они верили, что сверху может прийти страшная кара, жестоко и мучительно кого-то убьет, зато остальным дарует хрустящие вкусняшки.

То же самое происходило и сейчас – только на этот раз стальному небу не было плевать на твои поступки. Система не бог. Она страшнее. Она реальна и безжалостна. Она покарает. Лишит рук и ног, безмолвным приказом обратит тебя в червя…

Гоблин попался на втором пинке – вылетевшая из-за поворота полусфера зафиксировала акт насилия и резко остановилась. Зажегся красный свет. И окрасившийся красным преступник с перепуганным воем рухнул на колени, воздев дрожащие лапы к потолку. Он каялся в грехе и молил о прощении… он сожалел…

Так что в нас изменил прогресс за эти минувшие тысячелетия?

Ответ тот же – ничего.

Но кое в чем прогресс все же есть – теперь никто не посмеет усомниться в реальности божества. Никто не посмеет задать крамольный вопрос – а есть ли бог? Ибо нет смысла в вопросе, если все знают ответ – да, система реальна.

И я понял кое-что еще…

Я под наркотой.

Мембас успел просочиться в мою кровь, а с ней мгновенно очутился в мозгу и сейчас вовсю там резвился, порождая странные глупые мысли. Мир стал ярче. Коридоры уже не казались столь унылыми и однотипными. Шагая, я осознавал, что нахожусь под небольшим, если не сказать микроскопическим,

наркотическим воздействием. Это не назвать трезвым мышлением, но я не выпал из реальности. И понимал – картинка не исказилась. Я по-прежнему вижу строгие скучные коридоры. Но теперь они кажутся мне… захватывающими. Хочется шагать и шагать по этим коридорам километр за километром, хочется…

Осознав, чего именно мне хочется, замер изумленным истуканом. Желание тотчас исчезло, но при этом не забылось – очень уж оно было сильным, почти непреодолимым, и поэтому не стерлось из памяти. Так бывает, когда глянешь на слишком яркую лампу – уже отвел взор, но в глазах по-прежнему плавает белое пятно засветки сетчатки. Так и здесь. Бывает же…

Выпив полбутылки компота, огляделся, убедился, что никто не наблюдает, и с силой врезал кулаком о стену. Костяшки взорвались болью, но меня больше обеспокоило запястье – оно возмущенно хрустнуло. Руки непривычны к таким перегрузкам. Но стало полегче. Я это понял по резко поскучневшим коридорам. Проверив ушибленный кулак, обнаружил ссадину и промыл ее компотом – поистине универсальный напиток! Чудодейственный эликсир, годный для любого применения!

Нет… все же меня не отпустило…

Требовалось заняться чем-то важным и практичным. И стоящие в нескольких шагах от меня торгспоты вполне годились для этой цели. Приобретать что-то серьезное я не собирался – для этого нам предстоит сегодня же наведаться в места с более богатым ассортиментом. Глупо закупаться в деревне, когда город под боком. Но что-то сделать надо было, поэтому я решил последовать совету бывалого бригадника.

Потратив пятьдесят солов, приобрел тридцать стандартных пищевых брикетов, пятнадцать таблеток «шизы» и витаминов, пять бутылок воды. Еще пятнадцать солов ушло на дубину и шило. Покупки сгрузил в сооруженный из футболки мешок. Дотащив его до облюбованной «иглы», оплатил новую капсулу, после чего потратил еще шестьдесят солов, проплатив ее на два месяца вперед. Брикеты и таблетки разложил аккуратными стопками, расставил бутылки, поместил тут же дубинку и шило. Крышка капсулы закрылась, послышался щелчок запоров. Сделано. Мой личный НЗ на черный день готов. И я очень надеюсь, что мне никогда не придется им воспользоваться.

Чем теперь заняться? Меня еще «типает». Может, дать физическую нагрузку, чтобы наркотик быстрее вышел из разгоряченного тела? Нет, не вариант. Впереди долгий день, и только система знает, где и как он пойдет дальше. Усталость и сонливость мне ни к чему.

Интерфейс?

Система словно поняла, что ее верный гоблин-герой начал баловаться наркотой, и выдала сразу два задания. Боевое и рабочее. Начинай с любого. И верно трудись на благо системы, о житель Окраины! Трудись неистово, и однажды твои усилия будут замечены ЕЮ…

Нет… меня еще не отпустило.

Зато навалилась сонливость. Не могу списать это на воздействие микроскопической дозы мемваса – просто выдалась тяжелая ночка. Так что задания подождут еще пару часов. Открыв капсулу с рюкзаками, чуть подвинул их и развалился, бережно придерживая ладонью бутыль с этим прекрасным и могучим сладким эликсиром ком…

Спать! Спать, гоблин! Спать!

Глава седьмая

Текущее время: 10:07.

Баланс: 1598.

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Номер: Одиннадцатый.

Ранг: Низший (добровольный).

Текущий статус: ПРН-Б (повышенное четырехразовое питание, повышенное водоснабжение, повышенное дополнительное снабжение).

Задание: Сбор серой слизи. (Групповое).

Описание: Собрать и доставить в приемник четыреста восемьдесят стандартных емкостей серой слизи.

Место выполнения: Зона 3, блок 6.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 90 солов.

Задание: Патруль.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 14:00. По двойному сигналу сменить предыдущий патруль.

Описание: Патрулирование опор тридцатого магистрального – с 1-ой по 15-ую. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: Зона 0.

Время выполнения: до 16:00, по двойному сигналу сдать смену прибывшему патрулю.

Награда: 120 солов

У системы нет любимчиков. И она это четко продемонстрировала, вернув меня – и группу – в самое начало, безжалостно швырнув в омут серой слизи и не забыв при этом поднять рабочую норму. Само собой, это не так – умудрившись неплохо выспаться за несколько часов, я дал расслабившемуся разуму немного свободы, и он тут же принялся воображать. Еще бы – ведь всем нам в душе хочется быть значимыми. И даже в грязном задании мы стараемся увидеть несуществующий подтекст – это мудрый ход системы, должный дать нам понять нечто-то важное…

Нет. Это не так. Мы для нее – фигурки на игровой доске. На самом деле система просто расставляет приоритеты, стремясь выполнить весь фронт ежедневных работ. Учитывая, что под ее началом опустившиеся зомби и ленивые гоблины – задача у нее крайне сложная. А мы – орки и полурослики – ее куда более надежная опора и надежда. У системы, несомненно, есть процентная статистика, четко утверждающая, что от орков и полурасликов можно с куда большей вероятностью ожидать успешного выполнения задания. И раз нас бросили на слизь – там есть проблемы, требующие решения.

Какие?

Сходим – узнаем.

Пока же я лениво брел по коридору, наслаждаясь сладким фруктовом вкусом полученного малинового пищевого брикета, запивая его водой из большого стакана. Повышенное питание и водоснабжение нормы ПНР-Б. И это действительно небо и земля, если сравнивать с нормой гоблинов и орков.

На мне выстиранная, но рваная черная футболка, потемневшие и тоже немного рваные штаны, кеды, бейсболка. За спиной пустой рюкзак. На ремне поясной сумки висят шило и нож, вокруг шеи повязан шейный платок. В поясной сумке минимальный набор – пара перчаток, запасные носки, таблетка шизы и оранжевая таблетка энергетика с интересной и короткой инструкцией. В начале нового дня боевой полурослик бодр, весел, неплохо снаряжен и готов к выполнению задания. Настоящая гордость системы.

Бойцов я обнаружил в условленном месте. Сидят на стенном выступе, терпеливо ждут и о чем-то болтают. Оба приоделись – новые серые футболки, кеды. Зомби в серых штанах, Йорка нашла себе серые шорты до середины бедра. Доминирующий цвет – серый. Помнят мои слова и следуют им.

– Утра вам! – весело поприветствовал я членов группы и не остался разочарован:

– Утра, Оди!

– Утра, командир. Какие планы?

– Свою долю солов получили уже?

– Спасибо.

– Йес!

– Деньги ваши, но тратьте с умом. – посоветовал я и, тут же опомнившись, рассмеялся и махнул рукой.

Давать советы прожившим немало темных деньков слепому зомби и в прошлом однорукой гоблинше? Какая глупость с моей стороны. Они, познавшие издевательства, побои, поборы и все тяготы голодного выживания, прошедшие по самой грани,

получше меня знали цену деньгам.

– Давайте, изучайте интерфейс. И не надо сразу корчить кислые рожи – работа должна быть выполнена.

– Лопнуть и сдохнуть… – мрачно вздохнула Йорка. – Серая слизь. Нам надо переодеться, Оди. Хорошо, что все старое тряпье сохранила в капсулах.

– Сделали, как я сказал?

– У каждого запас еды, воды и оружия на черный день. – кивнул зомби. – Капсулы проплачены на шестьдесят дней. Я в свою добавил пару кедов, бейсболку, три пары носков, пять пар перчаток и дополнительное шило. И Йорку попросил сделать так же.

– Отлично. Переодеваться не будем. Слизь легко смывается в любом душе. Двинулись. Сразу предупреждаю – настраивайтесь на долгий тяжелый день, бойцы. Сегодня у нас сплошные тренировки. Йорка, поглядывай по сторонам.

– Одежду-то жалко…

Женщины, женщины…

Терпеливо пояснил:

– От этой привычки избавляемся наглухо.

– Какой?

– Мы не будем беречь одежду, Йорка. Хочешь сохранить любимую футболку? Не надевай ее. Вообще никогда. Разве только на ночь. Это же касается любимых труселей и чулок. С нашим текущим статусом боевых полуросликов мы можем получить нежданный боевой вызов в любой момент. У нас не всегда окажется время на переодевание и снаряжение. Я же предупреждал, гоблины – не расслабляйтесь! Одевайтесь так, чтобы быть готовым в любой момент приступить к выполнению задания. Поэтому при себе всегда иметь оружие, пустые рюкзаки, поясные сумки. Желательно и элементы защиты. Ясно?

– Ясно, командир. Мы бы купили защиту, но ты написал на это не тратиться.

– Точно! – поддержала напарница Баска.

– Снаряжаться будем в городе. – подтвердил я – Двинулись. Тренировки начинаем вон от того поворота. Каждому свое. Баск, тебе ставлю задачу.

– Да, командир? – на меня навелась уродливая пустая глазница.

Бейсболку слепой зомби продолжал носить, но мой приказ выполнял строго, и его вспоротое когтями лицо было видно издалека.

– Свои умения строить жалостливые рожи и внезапно бить шилом или ножом – держи в секрете. Как бы плохо это не

звучало, но я хочу, чтобы все вокруг думали, что мы держим тебя из жалости. Что ты бесполезный слепошарый зомби, только и могущий, что таскать не слишком тяжелый рюкзак и кое-как чистить нам кеды во время отдыха. Понял?

– Понял.

– Не огорчился? Не обиделся? Каждый мужик хочет выглядеть бойцом, а не балластом.

– Не обиделся. Оди… благодаря тебе я и понял, что не балласт, а боец.

– Благодарить даже и не думай. Придет время – и ты пожалеешь, что связался со мной, зомби.

– Этого не будет.

– Увидим. – усмехнулся я и вернулся к делу: – Поэтому, чтобы не выпячиваться, веди нас к месту выполнения задания самыми мрачными и гиблыми тропами.

– Сумрак не страшен?

– Самыми гиблыми. – повторил я.

– Есть почти прямая, но очень непопулярная дорога. Она из четырех сумрачных, трех материнских и двух гиблых троп. Но… там пропадают гоблины, командир. Бывает, что находят потом пятна крови и обрывки одежды. Следы зеленой крови.

– Плуксова мелочь… – я пожал плечами. – Идеально! Этой темной дорожкой нас и веди.

– Темный путь. – вздохнула Йорка, обхватывая пальцами рукоять шипованной дубины. – Ладно… пошли…

– С каждым днем мы будем все чаще ходить по темным дорожкам. – заметил я. – Клоака тому пример.

– А тебе не страшно, Оди? Сам не боишься темных тропок? Там нет ока Матери. И эти твари могут творить с тобой что угодно.

– Вот их главное оружие, гоблин, – страх! И этот страх ты уже несешь с собой. В миг, когда ты увидишь впереди нескольких амбалов, поджидающих очередную жертву, – страх тут же парализует тебя! Сделает тебя вялой и покорной, противно улыбчивой и пытающейся решить дело миром. Поэтому я, если честно, иду и лелею в душе милую детскую мечту – вот бы нам встретились сейчас на пути насильники и убийцы! – я широко и зубасто усмехнулся, клацнул челюстями. – Вот бы мы с ними позабавились, да?

Кашлянув, Йорка глянула вперед, на темный неосвещенный участок коридора. Скорчила задумчивую рожу – все же не идет гоблинам мыслительный процесс. Глубокомыслие уродует наши простецкие рожи.

Долго думать я им не дал. Мы мирно дошли до сумрачной

тропы. И, как и предсказывал зомби, она оказалась пуста. Дураков нет ходить темными тропками. Спустя метров двадцать следования по этой дорожке начало закрадываться ощущения какой-то неправильности – спереди и сзади пусто, но из боковых отворотов доносится гомон голосов, лязг железа, хохот и плач. Там жизнь бурлит. А здесь пустота… как я и надеялся.

Задание я им дал простое – приседать, вставать, падать, приседать. Прямо на ходу. Строго по команде. Все делать быстро. Сел, встал, упал, встал, пошел. Сел, встал, упал, встал, пошел. Ушибся? Не рассчитал силы, подогнулись руки и врезался лицом в пол? Плевать! Встать! Пошел! Я был безжалостным. Растирая кровь по роже, зомби шмыгал разбитым носом, но не жаловался. Сцепив зубы, садился, вставал, падал, вставал. Поднимался раз за разом. За него попыталась вступиться Йорка, попросившая перерыва. Но я злобно рявкнул и почти удвоил темп. Сам я повторял все вместе с ними. Двигался впереди, но не забывал поглядывать назад – Йорке показывал наглядным примером, Баску пояснял, заодно мониторил пространство за нами. Ну и вперед посматривал, что и помогло засечь двух куда-то опаздывающих гоблинов.

Босоногие бедолаги в шортах и застиранных майках прижались лопатками к стене, втянули животы, уставились себе под ноги, пропуская нас на широкой тропе, где спокойно могли разойтись бок о бок пятеро широкоплечих мужиков. Их застывшие лица, прилипшие к стене растопыренные ладони – у нас нет оружия! Мы ничего не замышляем! – замершие неестественные позы, взмокшая кожа, капающий с подбородков пот…

И ведь они успели нас разглядеть. Вряд ли узнали. Но не могли не заметить пустую глазницу и окровавленное лицо Баска. А вдруг мы его почти оглушили и заводим глубже в сумрак на убой? А? Но они прилипли к стенам и пытаются слиться с металлом.

Я не выдержал этого душераздирающего зрелища. И зло рыкнул:

– Хватиться сраться, гоблины! Работать! Живо!

Судя по отчетливому звуку, первую мою вежливую просьбу один из гоблинов выполнить не сумел. Зато вторую просьбу они бросились выполнять со всех ног.

Тренировки я завершил за километр до места работ, давая бойцам отдых. Останавливаться не планировал, но Баску пришел игровой вызов, и мы задержались на двадцать с небольшим минут, пока зомби сражался с системой в быстрые шахматы. Снова я заметил – во время любой игры мрачное лицо Баска

преображалось. Зомби улыбался. По завершению партии— в пользу Баска, хотя по совету комментирующей ход игры Йорки он сделал неверный ход и его не продул – мы двинулись дальше. По пути купили три бутылки воды, в каждой растворили по таблетке энергетика и изотоника. К моменту прибытия на место почти все выдули.

Заляпанный серой слизью памятный мне зал…

Бросая бутылку с остатками заряженной воды в жадно подставившего руки лысого гоблина, я задумчиво оглядел фронт будущих работ. Мы полурослики. И рабочая норма возросла – как и плата. Сегодня нам предстоит потрудиться, но кто сказал, что нудную работу нельзя превратить в тренировку?

Не просто в тренировку – это будет ад. Незаметный ни для кого, кроме нас.

Подсчитав количество ведер на рыло, выстроил всех цепью, позаботившись, чтобы нам с Баском достались отрезки примерно по двадцать шагов, а Йорке пятнадцать. Мы получили ведра, и работа началась, продвигаясь строго по моей методике.

Йорка наполняла ведра серой массой и тащила до Баска, морщась от боли в ладонях и плечах. Баск доносил ведра до меня, ставил на пол, каждой рукой поочередно, перекашиваясь, постанывая от дикой натуги, выжимал по разу ведро над головой. Я оттаскивал ведра до конечной остановки, тоже выжимал их над головой и ставил на конвейер. Получал пустые ведра, отдавал Баску, а тот относил их Йорке, что уже успела поднести два полных ведра. Она единственная не выжимала полные ведра – не хватало сил. Поэтому я заставил ее поднимать над головой ведро, наполненное на треть. Когда подобным образом мы загрузили на конвейер шестьдесят ведер, я чуть поменял тактику – теперь мы с ведрами приседали по два раза, прежде чем передать груз другому. Начались падения. Но еще до этого каплющая с ведер слизь успела нас изрядно заляпать, так что я не переживал. После ста пятидесяти перенесенных ведер и трехсот приседаний – пятнадцатиминутный перерыв. Усевшись на пол, мы дружно уставились в противоположную стену и всю четверть часа молчали, прислушиваясь к затихающей боли в плечах и бедрах. Примерно на десятой минуте отдыха к нам подошел заносчивого вида гоблин в зеленых шортах и большой ему красной майке. В руках тяжелая дубина. Под потолком пусто – полусфера укатила минуты на три.

Гоблин в красной майке начал резво. Кивнув на стоящих чуть позади двух дружков, неожиданно с силой шлепнул себя по паху ладонью, топнул, едва не поскользнувшись в луже и спросил, уперев руки в бока и покачивая свисающей спереди дубиной:

– Знаете кто я, а?! А вы кто – знаете?

– Ты тот, кто сейчас снимет свою майку и протрет ею каждому из нас ботинки. – ответил я. – Мое имя – Оди. Это Йорка. Это Баск.

– Э… – сказал гоблин.

– Заткнись, придурок! – рявкнула Йорка. – Снимай майку и чисти, сука! Если я встану… лопнуть и сдохнуть!

– Э…

– Когда я поднимусь, то помещу твою голову в ведро со слизью и подержу ее так ровно две минуты. – спокойно сообщил зомби. – Ты испортил мне отдых…

– Да я просто спросить хотел! – очнулся от ступора гоблин и попытался исправить ситуацию.

За его спиной уже никого не было. Друзья оставили его. Поняв это, он окончательно сник и попытался еще раз:

– Хотел спросить про… – и вот тут-то его и заклинило. Что он хотел спросить? Как пройти к уничтожаемой прямо сейчас музейной экспозиции Гиблого Моста?

Стоило ему это понять, и он содрал майку, упал на колени и уронил красную тряпку на мой правый ботинок. Им я его в харю и ударил. Всей подошвой и со смаком. Отлетевший гоблин шмякнулся в лужу, сжался, заскулил, закрывая разбитое лицо. Повисшая на локте красная майка быстро серела, а пальцы гоблина наоборот краснели – еще один разбитый за сегодняшнее утро нос.

– Еще раз узнаю, что пытаешься делать свою работу чужими руками…

Договаривать я не стал. Гоблин все понял правильно. Поднявшись, пару раз кивнул и, старательно не смотря в нашу сторону, торопливо убрался прочь.

– Что за гребаные странные жесты? – вопросил я у зала серой слизи.

Зал остался равнодушен к моему вопросу. Как и бойцы, что начали с кряхтеньем подниматься. Встал и я, пару раз присел, чтобы разогнать застоявшуюся кровь. За следующий час мы успешно завершили задание, хотя мне пришлось попотеть, показывая членам группы, как правильно ползти в грязи, толкая перед собой тяжелый груз. Я был добр, и ползком мы доставили только тридцать ведер.

В зал зашли чистые аккуратные полуросли, а вывалились из него… безликие порождения слизи, изрыгающие забористый мат.

Баланс: 1628.

Требуется незамедлительное принятие душа.

Кто бы сомневался…

Пока принимал душ, глядя на утекающие в решетку потеки слизи, думал над страннейшими жестами.

Они странные? Или я раньше с таким не сталкивался, и поэтому мне они кажутся странными?

Или первобытными?

Я видел здесь множество жестов, гоблины вообще любят жестикулировать, они народец живой и злобный. Некоторые жесты мне понятны и на внутреннем уровне кажутся обычными и знакомыми – оттопыренный средний палец, указательный палец уткнутый в висок, высунутый язык, оттянутое вниз средним пальцем правой руки левое веко. Но некоторые…

Я видел странные жесты…

Ткнуть себя указательным или большим пальцем в центр лба, при этом мизинец смотрит в потолок.

Ударить себя ладонью по паху – мужской жест этакого доминирующего самца. Но жест при этом первобытный, непривычный. У нас же, типа, цивилизованное общество. Мы себя ладошками по яйцам хлопать отвыкли – да и больно.

Так и не додумавшись ни до чего, закончил отмываться, выжал одежду и покинул душевую. В коридоре меня уже дожидался Баск, старательно протирающий шило. Одобряю! Йорка еще плескалась. В пару слов обсудили наше местоположение и решили отправиться обратно к Гиблому Мосту, по пути остановившись где-нибудь на обед. Ну а затем можно будет часик поспать, дав телу восстановление. Пусть это и скучно – постоянно дрыхнуть – но благодаря уколам системы и повышенному питанию наша тела быстро восстанавливаются и становятся сильнее и быстрее. Я видел здесь очень резких и координированных ребят. Если придется столкнуться с такими однажды… мы должны им как минимум не уступать. Как минимум.

* * *

Текущее время: 13:48

Задание: Патруль.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 14:00. По двойному сигналу сменить предыдущий патруль.

Описание: Патрулирование опор тридцатого магистрального – с 1-ой по 15-ую. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: Зона 0.

Время выполнения: до 16:00, по двойному сигналу сдать смену прибывшему патрулю.

Награда: 120 солов

Стылая Клоака преобразилась.

Система показала, с какой скоростью умеет заращивать раны этого стального мира и как быстро умеет устранять странные и уродливые новообразования «опухоли» – разумеется, все руками ленивых вороватых гоблинов и трудолюбивых орков.

Изменения мы заметили, оказавшись внизу, а вот в вороватости гоблинов убедились еще на спуске. Сначала подумали – еще один задира трамбует слабака, вымогая дань. Оказалось, что это орк догнал гоблина и выбивает из него украденное. Причем орк действует по приказу системы – он сам об этом оповестил, легко догнав хромающего гоблина, схватив его за лямку старой майки и приперев к стене:

– Отдай! Мать узрела!

О как…

Мать узрела…

Дайте еще столетие – и тут построят первый храм, посвященный системе. Если еще не построили. И если она его уже не снесла.

– У меня ничего нет! – заверещал извивающийся гоблин.

– Не заставляй меня просить дважды. – прорычал орк, бросив на нас косой взгляд и вновь сосредоточившись на жертве. – Ну!

– Это же просто кость! Вот! Забирай!

Мускулистый орк разжал лапу, выпуская майку и сжал пальцы на протянутой добыче. Я, ничуть не пытаясь скрыть любопытства, удивленно хмыкнул, увидев в ладонях гоблина треснутый человеческий череп. Забрав череп, орк глянул по сторонам и нанес гоблину короткий удар коленом в живот. Когда бедолага согнулся и принялся с рвением выплескивать на пол недавний завтрак, орк пошел прочь, прорычав напоследок:

– Идиот тупорылый! Нашел, что спереть! Это тебе не сувенир! Все останки должны быть отданы Матери!

– Мук-х-ху. – блеюще отозвался блющий гоблин.

С трудом выпрямившись, он утер низ лица растянутой майкой, с великой грустью посмотрел на расплескавшиеся у ног желтоватые калории рвоты и поплелся прочь, держась за ушибленный живот. Орк же догнал нас, едва не задев меня плечом, миновал и легкими быстрыми прыжками помчался ко дну стального каньона. Мы встретились с ним взглядом, его лицо проплыло сантиметрах в тридцати от меня, и я не мог не сделать несколько удивительных наблюдений.

– Зачем гоблину череп? – задала Йорка риторический вопрос.

– Он спер череп? – поразился зомби и тоже не обошелся без удивительного вопроса: – С нижней челюстью или без?

– Без! Но зато с зачетной трещиной над левой бровью!

– К черту череп. – буркнул я, провожая бегущего вниз орка пристальным взглядом и думая сразу о нескольких вещах. Первая из них – смогу ли я сейчас пробежать так же? Или одна из ног не выдержит, и я с громыханием кубарем полечу по стальному склону вниз?

Ну а остальные занимающие меня сейчас мысли касались внешности орка.

– К черту череп. – повторил я и, чтобы выйти из цикла бессмысленных повторений, торопливо добавил: – Вы харю орка видели? Тут не ошибешься – орк!

– Так ради этого он так и делает. – ответила Йорка. – Хотя, судя по одежде, – он, скорее, городской боевой полурослик. Их система сюда притащила – Клоаку вычищать и защищать.

– Что там? – с любопытством спросил Баск, умело спускаясь следом за нами.

– Клыки. – ответил я. – Не слишком большие, но реально – клыки. Две штуки. Острые. И не говорите мне, что они сами выросли. А еще мазня под глазами и вроде как тату на правой щеке. Да?

– Ага. – подтвердила Йорка.

– Слышал о таком. – кивнул зомби.

– Подробней.

– Это городские фишки. – Йорка с презрением высунула язык. – С жиру бесятся. Новомодная фишка. Зеленые черты под глазами говорят о том, что он орк или считает себя орком, хотя ранг может быть и выше. Еще у него были черные полосы под зелеными – значит, его статус боевой. А вертикальная полоса татушек на правой щеке – шкала эволюции. Нарыльная биография.

– Повтори. – попросил я. – Про шкалу эволюции.

– Да что тут понимать, Оди? Лопнуть и сдохнуть! Городские с жиру бесятся! У них времени свободного больше. Это у нас на Окраине сил мало на что хватает! – но тут у Йорки поубавилось уверенности в голосе – глянула на свою новую одежду, вспомнила, что проснулась только полчаса назад… – Ну… все равно блажь!

– Может, и так. Расскажи.

– Расскажи. – присоединился к моей просьбе и Баск. – Я слышал обрывки, но никогда не видел.

– Да я сама второй раз вижу! На окраинных не принято так

рожи украшать. Так что особо ничего не расскажу. Видела у одного полурослика на щеке длинную линию из мелких-мелких разноцветных рисунков. В принципе, даже красиво. Мне потом пояснили смысл этой шкалы – биография. Рожден орком, сполз до гоблина, стал зомби, поднялся до гоблина, собравшись с силами, влез на ступеньку орков, а оттуда в полурослики. Говорят, у некоторых даже черви изображены, и к таким особое уважение – сумели подняться. Но это все бред и вранье!

– Почему?

– На перекрестках часто болтают, что это просто красивая показуха популярная у мужиков. И почти всегда начальный рисунок – червь. Типа – рожден червем, но рос упорно, старался, бился, выживал…

– А клыки?

– Искусственные. – пожала плечами Йорка. – Дренажтаун. Город моды. Я не знаю, Оди. Я гоблин. Живу в трущобах Окраины и до твоего появления даже сюда старалась не соваться.

– Искусственные – это понятно. – задумчиво произнеся я, убыстряя шаг. – Но вопрос в том, как они держатся в его пасти. Если они имплантированы…

– То что, командир? – интерес слепого зомби вполне понятен, и я его не разочаровываю:

– То там куда более широкий спектр хирургических услуг. И медблоки Дренажтауна куда демократичней относятся к запросам населения. Если это сделано в медблоках…

– А где еще могут зубы вживить?

– Увидим. – улыбнулся я. – Увидим. Не переживай, зомби. Сразу после патруля мы отправляемся в Дренажтаун. И не забудем заглянуть в ближайший медблок.

– И будет вынесен вердикт… – Баск попытался сохранить бесстрастное лицо, но ему не удалось.

Зомби боялся. Жутко боялся, что ему будет вынесен суровый безразличный приговор – утерянное зрение восстановить невозможно.

– Разберемся. – сказал я и остановился у первой опоры.

Нас уже поджидала усталая группа. Отходили два часа в патруле, а может, и до этого пришлось поработать. Судя по покрывающей их грязи – да, поработать пришлось изрядно.

Поймал себя на уже ставшей привычной мысли – здесь удивительно трудолюбивое население. Никогда не отказываются от возможности дополнительного заработка. И это легко объяснимо – безденежье и уход в долги ведут за собой принудительную ампутацию арендованных конечностей.

Имеется ли более веская причина для сохранения

трудолюбия?

Едва прозвучал двойной сигнал, другая группа рванула наверх, что-то бормоча про долбаную усталость, чертов голос, сраный каньон и ненависть к улыбчивым чистеньким сменщикам. Я не стал принимать на свой счет. А Йорка не удержалась и проводила поднимающихся орков сразу двумя оттопыренными средними пальцами. Глянув на ее правую руку, беззвучно усмехнулся – замотала ее бинтами, на кисть натянула перчатку. Йорка скрывает расписную руку от чужих взглядов. И поступает мудро, хотя нас это уже не спасет. Рано или поздно к нам кто-нибудь заявится по поводу этой руки. Ткнув Йорку в плечо, мотнул головой – начинаем патрулирование, занять позицию, боец.

Все по строгому уговору. Йорка впереди. Сразу за ней идет Баск. Я держусь в трех-четырех шагах позади. Иногда отстаю сильнее – зависит от окружающей местности и количества народа вокруг. Тут просторно и безлюдно, поэтому я позволил расстоянию между нами увеличиться до шести шагов. Шагаю ровно, взгляд чуть расфокусирован, мягко и непрерывно скользит вокруг. На мне же сканирование тыла. И оглядываться я не забываю – делая это без какой-либо регулярности, поддерживая максимальную «рваность». Если за нами кто-то следит или охотится, я не собираюсь давать ему лишних шансов на успех собственной предсказуемостью.

Прошли пятнадцать опор, развернулись и двинулись обратно. Шли абсолютно свободно – дно каньона расчищено. Вот они, изменения. Они повсюду. Уже свершенные и в процессе. Очищенные от мусора, грязи и костей полы. Испятнанные уродливыми рисунками грязные стены обрабатываются вооруженными губками гоблинами. Добавилось освещения. Часть видимых настенных решеток сверкают блестящим металлом свежих латок. Вонь разложения и химикатов еще присутствует, но стала значительное слабее. Представить не могу, сколько рыл тут побывало ночью и утром сразу после восстановления нами полусферы. Каждому из пришедших поглазеть было выдано задание, и каждый спустившийся что-то да вынес отсюда. И Клоака практически исчезла…

Вот тут раньше была «комната переговоров». Но на ее месте голый пол со следами недавней сварки. Вон там лежали фонари. Они тоже исчезли…

На втором патрульном витке мы увидели две медленно приближающиеся фигуры. Глянули на них и ушли обратно. Когда вернулись через двадцать минут неспешной ходьбы, стали свидетелями очередной мерзкой сцены, коими так славится

Окраина.

Тощий гоблин издевался над зомби. Хотя даже зомби его назвать было бы странно – в наличии только одна конечность. Правая рука. Это не зомби. Это уже червь. Но какой червь! Стоило мне его увидеть, а затем и услышать, как сразу стало ясно – в этом грязнуле есть искра.

Гоблин пер на себе раздутый и влажный рюкзак. На левом плеча пара бедренных костей. Но меня – и не только меня – интересовал другой предмет. Памятный мне предмет. Гоблин за веревку тащил за собой тележку привратника, доверху нагруженную грязью и костями. И тащил медленно, слишком медленно даже для смертельно усталого работяги. Причина его издевательской медлительности выяснилась быстро – шагай он быстрее, и безногий однорукий зомби попросту бы отстал. А так он еще как-то держался, таща себя за тележкой и рыча, хрипя, ругаясь. Но при этом с его губ не сорвалось ни единой униженной мольбы.

Червь не умолял. Он просил, он даже обещал, но его просьбы и обещания звучали как требования.

– Отдай! Отдай тележку! Она тебе нахрен не сдалась, а меня спасет! Вылезу из жопы, отращу ноги! И верну сраную тележку тебе, гоблин. Но не пустую – нагружу водой и жрачкой! Отдай тележку!

– Я бы ра-а-д… да не могу-у-у… – фальшиво пел пятящийся гоблин, зорко следящий за тем, чтобы червь почти-почти доставал до тележки, но коснуться ее все же не мог. – Отстань, червеобразный. Отвали, сука… пшел нахрен…

При этом ругательства он тоже произносил на певучий манер. Еще и ритм умудрялся отстукивать липким от слизи шлепком.

– Сука! Ты издеваешься сейчас. Стебешься. А подумай – вдруг я доползу ночью до твоей капсулы и стану тебя ждать с шилом в руке! Зачем доводить? Остановись! Договоримся! К твоей выгоде договоримся – но тележка мне нужна! Ты ведь там вверху сказал, что, если я спущусь и помогу нагрузить тележку – ты мне отдашь ее. Я сделал это! Ты не отдал. Я еще раз помог нагрузить – и вот ты уходишь снова! Стой, гоблин. Отдай тележку! Для меня она – жизнь!

– Я бы ра-а-ад… да не хочу-у-у…

Медленно шагая, я рассматривал изнемогающего от натуги хрипящего зомби, пытающегося достучаться до насмешливого ублюдка. И с каждой секундой убеждался – да, в этом черве есть искра.

Его единственная рука была невероятно мускулистой,

жилистой. Она выглядела как многократно перекрученный корень – такой же темный и крепкий. Столь же жилисто правое плечо. На шее надуты вены, на мощном торсе отчетливые следы диспропорции – правая сторона гораздо развитее.

– Отдай тележку! Ну же, сука! Пойми – я отплачу! Тележка – мой шанс!

– Я бы ра-а-ад… но не хочу-у-у… но если ты мне отсосе-е-е-е-е-е-ешь… – он перешел на противный долгий визг с отчетливой ноткой мечтательности.

Я схватил поющего гоблина без предупреждения. Схватил сзади за шею. Дернул влево, сбивая с ног и одновременно резко поднимая согнутую левую ногу. Певун ударился о мое колено виском. Вякнул, взбрыкнул и рухнул на пол. Ударом ноги выбив из его руки веревку, добавил пяткой по хрустнувшей челюсти, пнул тележку, заставив ее откатиться к безногому и тут же отошел от лежащего гоблина.

– Да я бы и сам справился. – просипел почти червь, наваливаясь на тележку, вцепляясь в нее мертвой хваткой. – Нахрен мне твоя помощь не сдалась, гоблин! Пшли в задницу! Всем сучьим трио!

– Да я не помогал. – ответил я, неспешно доставая из рюкзака бутылку с водой, а из поясной сумки таблетку «шизы». – Мне его пение не понравилось. Слушай… у тебя какие планы на ближайшие дни и недели? Держи.

Закрутив бутылку, швырнул ее грязному зомби. И тот поймал – цепким моментальным движением. Вцепился в пробку зубами, буквально отодрал ее и начал вливать в себя воду, глядя на меня поверх бутылки. Я терпеливо ждал.

Зомби меня не разочаровал. Мелкими глоточками, не пролив ни капли, высосал всю бутылку, протяжно и долго рыгнул, после чего принялся освобождать тележку от костей, попутно буркнув:

– Пшли нахрен! Пока я вам кости не переломал, суки!

– Хорошо. – понятливо кивнул я. – Мы тут крутимся на патруле. А ты… захочешь поговорить – мы тут. От себя так скажу – мне нужен сильный и смелый боец в группе. Жизнелюбивый упорный боец.

– Пошел в жопу!

– Ну да, – согласился я, – мы ведь еще не в ней, верно?

– Пошел в…

– Сам пошел! – взорвалась Йорка, наградив ворчуна универсальным жестом. – Ушлепок! Что ты на него слова тратишь, Оди? Этот только на наживку годится! Пошли!

– Оди? – переспросил зомби. – Это вы завалили тролля?

– Пошел в задницу! – рыкнула Йорка, и мы пошли на новый

виток патрулирования.

– Откатись от певучего гоблина. – не оборачиваясь посоветовал я. – И, если что надумаешь – мы вернемся минут через двадцать. В любом случае тележку поднять поможем.

– Идите нахрен!

– И тебе прекрасного светлого дня, зомби. И тебе!

Когда мы вернулись, пройдя ряд опор туда и обратно, колесный зомби обнаружился под пятнадцатой опорой. Сидел рядом с тележкой, старательно очищал ее от грязи, орудуя чьими-то шортами. Повернувшись, глянул на певучего гоблина. Тот все еще был без сознания. Лежит ничком, рюкзак на спине нетронут, а вот шорты исчезли. Между ягодиц бодро торчит большая бедренная кость, указывающая в стальное небо. Над этим ягодичным натюрмортом задумчиво висит восстановленная нами полусфера.

– А червь с выдумкой. – заметил я.

– Да-а-а-а… – протянула Йорка.

– Что он сделал? – с любопытством спросил Баск.

– Ну… – замялась девушка. – Оди! Расскажи Баску!

– Легко. – пожал я плечами, и мы пошли на новый круг, не перебросившись с безногим однoруким зомби ни единым словом.

Когда вернулись, червь повторил вопрос:

– Вы завалили тролля?

– Ага. – кивнул я.

– Тяжело было?

– Не. – я лениво качнул головой. – Он расслабился и не ждал гостей.

Зомби провел пятерней по лицу, отбрасывая черные патлы. И я обнаружил, что у него только один глаз. Второй закрыт повязкой, теряющейся в волосах. Он показал свою частичную слепоту специально.

– Ну? Нужен тебе еще боец? Без ног, без руки, без глаза.

– Решать тебе. – ответил я. – А мне такое тесто сгодится. Добавлю того, немного сего. Я требую одного – подчинения.

– Пошел ты.

– Ага.

– В жопу.

– Я так и понял, что адрес не изменился.

Новый виток. Зомби молчит, но не бездействует – продолжает ожесточенно очищать тележку сдохшего привратника, сорванные с оглушенного гоблина шорты превратились в черную от грязи тряпку. Я не пытался продолжить беседу. Шикнул на раскрывшую было рот злую гоблиншу.

– Он же мудак неблагодарный. – пробормотала Йорка.

Ну как пробормотала – при желании ее слова вполне можно было расслышать шагов с десяти, а зомби был гораздо ближе.

– Может, и так. – не стал я спорить. – Но делать что-то ради немедленной ответной благодарности…

– Мог бы спасибо сказать! Ты ему ноги подарил, считай!

– Йорка, – вмешался Баск. – Хватит. Представь, через что он прошел. Ты ведь сказала, что у него нет обеих ног, одной руки и глаза. Он живет на грани – еще одно банкротство, и он превратится в червя. В беспомощного червя!

– Червя. – уже гораздо тише пробормотала девушка. – Да… это страшно… и все же! Чего он такой злобный?

– Он мужик крупный. – заметил я. – Даже сейчас он крупный. А раньше его можно было бы назвать гигантом. Широченные плечи, длинный мощный торс. Рост у него был за два метра. Остатки действительно серьезных мышц до сих пор впечатляют.

– И что? Лопнуть и сдохнуть! Вот как это связано с его злобой?

– Напрямую. – глянул я на Йорку. – Чем ты сильней, внушительней и грозней, тем тяжелее переживаешь превращение в слабака. Уверен, когда он был на пике формы и силы, с ним мало кто решался спорить. А уж оскорбить такого бугая… Он был весомой личностью. И после этого превратится в балансирующего на грани зомби… его психика не могла остаться стабильной.

– Так на кой он нам такой сдался? Пусть сам дальше старается. Нам-то что? Не справится… значит, жить ему червем.

– Он не сможет. – тут же ответил я. – Просто не сможет. Сдохнет.

– Почему?

– Такие, как он, не умеют просить. – медленно произнес Баск.

– Верно. – подтвердил я. – Ты, Баск, такой же. У тебя, по сути, все причины вытянуть дрожащую руку и начать просить милостыню на перекрестках. Потому что ты слеп. Но ты не стал просить милостыню. Ты предпочел выучить чертову карту коридоров, высчитать шаги, запомнить все тропы смерти и вызубрить приходящее и уходящее время сумрака.

– Несколько раз мне приходилось просить о помощи. В начале. Когда часто терялся в коридорах.

– А он не сможет. – ткнул я большим пальцем через плечо. – Потеряй он последнюю конечность… это смерть. Думаю, до ампутации даже не дойдет – он сам себя кончит, едва к нему подойдет группа, получившая задание на доставку зомби в медблок. Все лучше, чем медленно подыхать от голода и жажды.

На следующем витке патлатый зомби сам подал голос:

– Вы боевая группа?

– Ага. – кивнул я.

– Орки?

– Полурослики.

– А я зомбак безногий.

– Эй, – оборвал я его. – сам вижу. Раз предложил – значит, у меня есть свои резоны. Я починю тебя.

– Починит он. – проворчал зомби. – Ха… а в обмен что? Тебе нужны бойцы? Или солдаты? Разницу улавливаешь, убийца тролля?

– С чего ты взял, что тролля убил я? Сказал кто?

– Догадался. Ошибся?

– Нет. Не ошибся.

– А по бойцам и солдатам что?

– Разницу улавливаю. Мне нужны и бойцы, и солдаты.

Мы начали удаляться. Как я и ожидал, зомби не стал просить нас придержать шаг. Не стал и пытаться догнать нас на новоприобретённых колесах. По вполне разумной причине – не так легко управлять этим хлипким средством при помощи всего одной руки. Куда разумней дождаться нашего возвращения и не тратить силы впустую.

Еще один виток…

– У меня всегда были проблемы с подчинением… – признался зомби, не глядя на меня. Единственный глаз он не сводил с пошатывающегося гоблина, бредущего прочь. Одной рукой стонущий гоблин держался за голову, другой за задницу. Спросить бы его сейчас – где больнее? Но мне плевать на его ощущения.

Но кое-что мне все же интересно.

– Эй! Костежопый! Обернись!

Приказ был услышан и выполнен. Перекошенный гоблин медленно повернулся. Испуганно глянул на меня, скорчив при этом донельзя страдальческую рожу. Часть лица уже посинела, а скоро и почернеет. Что ж… он полностью заслужил свои муки.

– Ты гоблин?

– Да… – отвечает с нескрываемым испугом, губы кривятся в жалкой улыбке.

– Имя?

– Две тройки пять. Не бейте меня больше. Это же ты меня? Сзади… ой… я не про то, что это подло бить сзади, просто…

– Заткнись.

– …

– Две тройки пять… ты тупой и злобный. Мыслишь просто, мудрость тебя не посещает.

– Как скажешь… может, и так…

– Но ведь инстинкт самосохранения у тебя есть. Зачем издеваться над безногим зомби, если однажды и ты может превратиться в такого же ампутанта, ползающего в грязи. Зачем?

– Да я так только с ним! – рука оторвалась от задницы, обвинительно указала на безногого зомби. – С ним только так! И не я один! Он всех задирает! И реально у него получилось – задрал всех окончательно! Злобная хриплая нежить! Идешь поешь – а он тебе кричит заткнуться. Задел его случайно – и получил удар в колено! А бить этот ушлепок умеет! Он мне раз врезал – я хромал три дня! Чего его жалеете? Он проблемный! А тележку – все равно у него ее заберут! А может, заодно еще раз пару пальцев ему сломают.

– Кто? – удивился я, прерывая шаг.

Говорили мы громко. Это еще мягко сказано. Мы орали – между нами сейчас шагов двадцать пять. Бросив пару слов Баску, снова глянул на гоблина:

– Кто еще раз сломает ему пальцы?

– Не твое дело! – буркнул безногий зомби, но уже без прежней агрессивности.

– Хотя, может, и не заберут тележку. – увидев зажатую в руке Баска бутылку с водой, гоблин опасливо подступил ближе. – А покрепче ничего нет? Голова раскалывается… а челюсть… м-м-м…

– Я думал, у тебя челюсть сломана. – признался я и сказал Баску еще пару тихих слов. Он снова полез в рюкзак.

– Не. Она у меня просто легко вывихивается после одной драки. Чуть ткнул – и она ушла. Но и вставляется легко. Хотя, может, и треснула… и пара зубов шатается. А тележку вернете?

– На кой она тебе?

– В хозяйстве пригодится.

– Ну да. Так кто ему пальцы ломал?

– Да ясно кто – Сопли!

– Бригада Солнечное Пламя?

– Они самые! О! Вот это дело! – гоблин зажал бутылку подмышкой и бережно принял у Баска до краев полную стопку.

Даже спрашивать не буду, как он разжился стопкой. Хлопнув самогона, гоблин взбодрился, но тут же охнул, его шатнуло, он зажал рот руками, борясь с рвотой. Сотрясение мозга. У него все же есть мозг? Я думал, в его черепе пульсирующий злобой комок слизи.

– Я тут посижу. – вздохнул гоблин. – Налейте еще, а? Мне ж еще наверх подниматься и задание сдавать. А я идти не могу…

– Не дави на жалость. – предупредил я. – Таких, как ты, не перевариваю.

– Да он сам виноват!

– Плевать. Если он реально виноват, не дает спокойно жить, если не прекращает и заслуживает кары – убей! – глянув на сжавшегося мужика, я повторил: – Убей. Быстро и по возможности безболезненно.

– Ты чего?

– Говорю, как есть.

– Я просто хотел чуть наказать его.

– Ты издевался и получал удовольствие. Но мне плевать. Учить тебя жизни не собираюсь. За что с ним так поступили бойцы Соплей? Сломать пальцы на единственной руке…

– Потому что он их достал! Слышал бы ты, как он крыл каждого, на ком желтая эмблема – видел такие?

– Видел.

– Стоит ему увидеть такую – и начинает орать. Я таких ругательств и не слышал никогда. Налейте, а?

– Держи.

Булькнув, доза самогона провалилась в желудок гоблина, и тот, позабыв про боль и слабость, ткнул пальцем в сидящего под пятнадцатой опорной безного зомби и заорал:

– Он злобный никчемный недоносок, доставший уже всех в этой части Окраины! И ведь не уходит, сука! Остается рядом с этой частью двадцать девятого магистрального и постоянно цепляется к Соплям. Он мазохист! Я серьезно! Это долбанный мазохист, получающий удовольствие, когда его пинают по бокам и зубам! Я сам видел, как трое парней месили его в углу, а он хрипло орал и бил в ответ! Безногий и однорукий – против трех орков-амбалов! Его чудом не убили! Но он сам виноват! Я там был и все видел. Они просто шли мимо. А он сполз со стенного выступа и начал поливать их грязью! Как ему пальцы сломали, лично не видел, но слышал, что он хорошенько прошелся матом по проходящему мимо звену Соплей. И мужики просто не выдержали. Понимаете? Он без ног, без рук, поэтому его стараются терпеть, даже мы спускали ему многое. Но в этот раз, видно, попал он им под хреновое настроение… и пока трое держали его, четвертый сломал ему пальцы на руке.

– Трое держали, а четвертый ломал пальцы на единственной руке. – повторил я, чуть сбавляя шаг, чтобы шатающийся гоблин мог держаться наравне. – Баск. Плесни ему еще стопку.

– Баск! Плесни мне еще стопку, слепой бармен судьбы!

Сто грамм самогона плюс ушибленная голова… гоблина уже перекосило, и процесс только набирал обороты.

– А что? – подступил он ко мне. – Разве несправедливо? Ты долго терпеть сможешь мудака, что постоянно кроет тебя матом?

Я его один раз задел – случайно! А он мне колено отбил, и с того дня постоянно ублюдком, ушлепком и никчемным называет. Я не человек, что ли?

– Ты гоблин. – ответил я. – Но глубину поставленного тобой этического вопроса понял.

– А? Да плевать. Не объясняй. За мое здоровье. А вам – сдохнуть!

О… вот теперь пьяного гоблина понесло по полной программе. Истинных эмоций уже не скрывает. Но я не в обиде – сначала дал ему коленом по виску, пнул по челюсти и руке, а теперь еще вопросы задаю.

– Трое держали, а четвертый ломал пальцы. – снова повторил я. – Однорукому безногому одноглазому зомби сломали пальцы на единственной кормящей и передвигающей его конечности. Какое удивительно справедливое наказание…

– И скинули его с этого самого края! – пьяно загоготав, гоблин указал вверх. – Пинком хорошим! Он, говорят, загремел вниз неслабо, башкой раз восемь приложившись. Но выполз, сука! Вот ведь живучий! Но черви… а он ведь почти червь… они все живучие. Не дохнут, и все тут – жить хотят. Эх… черви-червяночки-червяшечки… Улыбнулось мне как-то счастье, сумел заткнуть рот и утянуть одну ничешную такую червяночку в темный коридор. Она здешней суккой была, но кто согласится платить пятнадцать солов за пару минут? То есть – я и дольше могу. Я мужик! Но это если с кем-то стоящим. Чего просто так стараться? А тут червяночка смугляшная… пищит, плачет, а я ей ка-а-а-к…

На этот раз я не стал его хватать за шею. Положив ладонь ему на затылок, приложил уже ушибленным виском о стальную опору номер три. Обняв опору, гоблин захрипел и начал медленно оседать. Еще раз глянув вверх, коротко пнул по так удачно подставленной шее. И добавил по голове. Для гарантии. Махнув своим продолжать патруль, поднял гоблина, взвалил на плечо и понес глубже под мост. Шагов на пятнадцать. Тащить нельзя – останутся следы волочения. А так – лидер группы отклонился от маршрута, чтобы проверить нечто подозрительное.

Тут обнаружились еще не убранные пласты мусора и грязи. Удерживая гоблина на весу, торопливо осматривался, зло костеря себя. Неудачное время. Неудачно! Система бдит…

Гоблин захрипел… бить еще раз не требуется, это я понял сразу – он уже отходит. Агония. Но тело спрятать надо, чтобы потом не объяснять системе, откуда взялся дохлый гоблин в зоне патрулирования моей группы.

Чем замаскировать тело? У меня минута времени. Мусора

маловато, к тому же система мгновенно заметит изменения в мусорном ландшафте и ее это может заинтересовать. Просканирует, «пробьет» через тонкий слой мусора и засечет чипы в теле агонизирующего гоблина. И начнется…

Взгляд зацепился за лежащий на решетке ломанный и дырявый кусок пластикового листа. Вот и хоть какое-то решение. Подойдя, нагнулся, схватил за край, поднял… и резко отпрянул, роняя гоблина на скрывающуюся под пластиком дыру в решетке, откуда на меня прыгнула темная быстрая тень. Шлепнувший гоблин накрыл дыру животом… и через секунду задергался, хрип превратился в блеющий быстро затихающий крик.

– Сюда! – крикнул я, подзывая своих.

Дубина и шило уже в руках. Я гляжу на дергающегося гоблина и на когтистую лапу, вылезшую из щели между телом и краем дыры и глубоко вошедшую в тело жертвы. Это шанс… шагнув вперед, падаю на колено и всаживаю шило в темноту, зная, что там скрывается плотное чешуйчатое тело серого плукса. Удар. Еще удар. Быстрей, гоблин. Больше ударов.

С лязгом и скрипом надо мной затормозила полусфера, место преступления и битвы разом осветилось ярким светом, раздался требовательный гул. Я на шум над головой реагировать не собираюсь. Еще пара ударов, и когтистая лапа обмякает. Мои пальцы в крови. Красной крови. Да и размер лапы говорит о многом. За лапу я и схватился, дернул на себя, не собираясь упускать добычу.

– Оди!

– Щит, Йорка! Щит!

– Что делать?!

– Выстави перед собой и жди.

Рывок. Труп гоблина влажно хрустит, прогибается посередине, пытаясь сломаться и пролезть в дыру. Еще пара таких страшных рывком – и у него получится. Гоблина дергают вниз, дохлого плукса я тяну наверх. И каждый из нас добивается своего. Разбрызгивая кровь, гоблин… *протискивается* в узкую дыру, оставляя на краях куски мяса. А я выдергиваю плукса, отбрасываю в сторону. Толкнув зомби в плечо, хватаю за руку, помогаю вцепиться в ногу мертвеца.

– На раз!

– Понял!

– Р-раз!

Мы с Баском рванули за ноги труп, вытягивая его обратно. С другой стороны рванули на себя, и труп с хрустом и чавканьем снова пошел через узкую дыру. Мы готовим красочное смузи! Йорка замерла сбоку от трупа, прикрывается щитом, в другой

руке дубина. Осталось вытянуть дохлого ушлепка!

– Р-раз!

– Как рыбалка? – осведомился подкативший зомби, с хрипом загоняя воздух в легкие. – С-сука… тележка еле едет! Вижу, клюет?

– Заткнись!

– На живца еще бы не клевало. – понимающе закивал безногий. – А красиво ты червя к проруби подманил. Дубину возьму твою?

– Бери.

Вооружившись, патлатый мужик замер. Единственный глаз полыхает. Зомби не выказывает ни малейших признаков страха или нервозности. Зато сгорает от желания воспользоваться шипастой дубиной.

– Р-раз!

Хрустнуло сильнее. В бока трупа вцепилось сразу несколько лап. Три серые, одна оранжевая.

– Йорка! Дубиной по лапам! Гвозди прямо по трупу! Ты! Тебя тоже касается!

– По трупу? – переспросил зомби и взревел. – Да с радостью! Н-на!

Страшный удар прибил оранжевую лапу к ребрам гоблина. С другой стороны Йорка часто колотила по серым лапам. А мы с Баском с натугой вытягивали труп. Плуксы не забывали тянуть на себя, и в результате мертвец елозил туда-сюда по острым краям дыры, стачивая и стачивая мясо о зазубренный металл. Но и лапам доставалась – с них тоже снимало мясо вместе с чешуей. Брызнуло в лицо. Сплюнув, даже не стал пытаться понять, чьей кровью меня уляпало. Продолжал тянуть. И командовать:

– Нет, Йорка! Не вздумай!

– Шилом лучше! По тушам, а не по лапам!

– Нет, я сказал! Не суй руку в дыру!

– Как же у него воняют ноги. – просипел вцепившийся в ступни мертвеца Баск. – Я сейчас блевану!

– Р-раз!

Мы едва не упали, когда труп внезапно поддался и, с чавканьем вылетев из дыры, протащился по полу. Голова зависла над дырой… и вокруг нее тут же сомкнулись ярко-красные чешуйчатые лапы.

Приоритетная цель! Подсвечена красным лучем.

Красный плунарный ксарл должен быть уничтожен!

Из заревевшей полусферы ударил тонкий лазерный луч, упершийся в обхваченный плуксом череп гоблина.

– Дерьмо! – с чувством выразился я.

– Вот теперь начинается настоящая рыбалка. – с широченной улыбкой заявил безногий зомби, нанося очередной удар по изгвазданной желтой лапе. – Я с вами в группе! Решено!

– Тогда заткнись и вытягивай желтого плукса! – велел я, бросая ляжки трупа и прыгая ему на спину, одновременно с этим выхватывая нож.

– Там что-то большое под трупом! Грызет живот! Оди! И я зацепила мелочь.

– Тащи на себя. Баск! Добивай!

– Есть!

– Хрен безногий! Тяни желтого!

– Я Рэк! И я раздавлю этот сучий мандарин!

– Не суй руки в дыру, Оди! – теперь уже Йорка предупреждала меня.

– И не собираюсь. – пропыхтел я, орудуя лезвием ножа. – Раз, раз, раз, раз… и рывок!

Выпрямившись, дернул на себя. И у меня в руке повисла отрезанная голова гоблина, плотно обхваченная небольшим красным плуксом. Голову потряхивало, раздавался хруст пробиваемой кости, из мертвого полуоткрытого рта лилась густая кровь. И прямо мне на ботинок…

– Да ты реально жуткий тип, Оди! – безумно загоготал Рэк, выдергивая из-под дергающегося трупа искалеченного оранжевого плукса. – Глуши рыбку, пока не убежала!

– Не убежит! – ответил я, с размаху ударяя отрезанной головой о стальной пол.

И еще раз. И еще. Голову деформировало, но и красному плуксу досталось. Он разжал мертвую хватку, отлипнув, рухнул на пол, вяло дернулся. Из клыкастой пасти что-то торчало, оттуда же вытекала густая розовая масса. Рассматривать не стал. Вонзил в уязвимое место лезвие ножа и хорошенько им там поворочал. Затрясшийся плукс испустил струю жратвы и собственной крови мне в лицо и наконец-то издох.

– Лезет большой серый! Большой серый!

Утираясь, отшвырнул ногой мертвого плукса и снова повернулся к безголовому трупу.

– Продолжаем!

– Оди!

– Да?

– Голову-то выброси уже. – попросила Йорка, и я разжал пальцы. С тупым звуком голова упала лицом вниз.

– Я сейчас точно блевану! – признался Баск.

– Тебе-то что? Ты же не видишь?

– Как у этой скотины воняют ноги…

– Лопнуть и сдохнуть! Да хватит уже нюхать ноги трупа, придурок! Слева от тебя. Мелочь еще дышит!

– Понял!

Удар. Измочаленный труп подбросило на полметра. В его спине раскрылась дыра, показался длинный загнутый коготь. Рывок. И переломившегося гоблина неудержимо потянуло в дыру. Лопнул живот, запахло самогоном и дерьмом, по решетке побежали темные густые потеки.

Сплюнув скрипящую на зубах костяную крошку из перемолотого гоблинского черепа, снова взмахнул дубиной.

Гребаная рыбалка… грязное же это оказалось дело…

– Нам бы копье! Здоровяка пробить! – заметил Баск, выдергивая шило из небольшого серого плукса и, безошибочно наведясь на звук, схватил за лапу еще дергающуюся вторую тварь, чтобы вонзить в нее оружие.

– Отставить. – скомандовал я, чувствуя, как начинаю медленно успокаиваться. – Большой нам не страшен.

– Как щас вылезет! – пискнула Йорк. – Он реально здоровенный! Баск, он дохляка насквозь когтем пробил! Сломал и утянул!

– Я слышал…

– В том-то и дело. – сказал я. – Не вылезет. Всем на шаг назад! Не приближаться к дыре!

Йорка с Баском послушно отодвинулись от мерзко чавкающей окровавленный дыры, похожей на жуткую рану, нанесенную стальному полу нашего мира. Рана пульсировала, выплевывала брызги зеленой и красной крови, с хрустом в нее уходил искореженный труп безголового гоблина. Рывок. Зацепившаяся за край рука трупа оторвалась в локте, пальцы сжались сами собой и конечность повисла. Из освободившегося чрева дыры на заманчиво покачивающийся кусок мяса тут же прыгнуло два крохотных серых плукса. К ним качнулся Рэк. Скрипнули колеса тележки. Опустилась дубина, пробившая ладонь. Зомби замахнулся еще раз и, охнув, выронил дубину, схватился за пробитую ударом моего ботинка грудь. Злобно глянул на меня сквозь патлы волос.

– Надо пояснить за что, солдат? – бесстрастно поинтересовался я, утирая лицо.

Пауза… и неохотное:

– Нет.

– Докажи понимание удара.

– Ты сказал не приближаться. – зомби схватился за выроненную дубину, подтянул к себе вместе с висящей на ней ладонью.

– Именно. – кивнул я, протягивая ему шило. – Я сказал. А ты?

– Я нарушил приказ.

– Суть ты уловил. Добивай мелочь.

Безногий занялся прокалыванием серых плуксов, я же спокойно встал рядом с напряженно застывшей Йоркой и скомандовал:

– Булки и ляжки расслабить, гоблин! И зубы разожми – раскрошишь!

– А? – девушка чуть выпрямилась, приняла более естественную позу. Пропали желваки на щеках.

– Закаменела аж! – буркнул я и покосился на спокойно ждущего Баска. – А тебя хвалю. Может, и остальным глаза вырезать, чтобы были спокойней, а? Йорка? Выдавим тебе левый глазик? Для частичного успокоения?

– Оди!

– Я на кой хрен глотку рвал, по пятьсот раз повторяя – спокойней! Спокойней! Эй! Берсерк безногий! В следующий раз я буду пинать не в грудь – а по харе! И на ребрах попрыгаю! Это всех касается!

– Да понял я. – проворчал Рэк, аккуратно опуская на тележку шило и дубину. – Понял. Грудь болит. Пока болит – помню. Я давно выполняю только свои собственные приказы.

– Это время прошло.

– Уже уловил. – кивнул зомби, потирая рукой ушибленную грудь.

Он принялся очищать оружие от крови и чешуи, не забывая изредка поглядывать по сторонам и на дыру. Баск занимался тем же. Йорка глазела на мигающую светом полусферу.

Все громче становился дробный металлический шум. Топот. К нам бежало не менее двух десятков вооруженных рыл. Так можно и напугаться, если решишь, что они бегут по твою душу. Помня о недавнем разговоре, цепко оглядел каждого из подмоги, убедившись, что среди них нет Сопливых. Желтых эмблем не видать. И отлично. Пока что мне лишние конфликты не нужны. Тут пять групп. Вооружены дубинами, дротиками, шилами. У одного за спиной болтается прикладом вверх игстрел.

– Дожидаемся первых из них и отходим по маршруту патруля. – приказал я. – К первой опоре. Передышка минут пять. Потом продолжаем патруль. Рэк, в группу вступишь, как только закончим патруль. Чтобы не заставлять тебя таскаться от опоры к опоре.

– Я смогу!

Чуть подумав, кивнул:

– Хорошо. Часть пути сам, часть – на буксире. Тебя потащит на веревке вот он – зомби Баск.

– Сам справлюсь.

– Я тебя не уговариваю. Я тебе говорю, что и как именно мы сделаем. И буду это делать постоянно. Добиваясь точного выполнения всех моих указаний. И методов убеждения у меня всего два – ломающий душу насмешливый сарказм и пинок. Оба метода применяю с радостью. Повторюсь – лафа кончилась. Ты больше не станешь порхать беззаботным безногим мотыльком и наслаждаться нектаром жизни. С этого дня веселье кончилось, и началась широкая черная безрадостная полоса. Понял?

– Звучит хреново.

Но зомби улыбался. Он опустил голову, скрывая лицо, грязные волосы повисли шторой, но он улыбался. Может, я ошибаюсь, но только сейчас, после боя и пинка в грудь, он понял – все серьезно, все по-настоящему. Само собой в его голове остался ревущий огонь недоверия и сомнения. Он битый жизнью зомби.

Подойдя, присел, положил руку ему на плечо – ощутив, насколько жесткие мышцы его покрывают – застыл в этой позе. После краткой заминки он тоже опустил ладонь на мое плечо, и мы застыли в этой неудобной позе дружелюбных дебилов. Ждем… ждем…

Добавление в постоянную группу 714-го?
Да. Нет.

Выбор очевиден, и через секунду Рэк стал членом нашей постоянной группы. Просмотреть статус группы не успел – услышал громкий требовательный голос, пропитанный немалой дозой самоуверенности и наглости.

– Что тут у вас, мудилы? Где накосячили, суки? – поинтересовался подбежавшим первый молодой широкоплечий парень, картинно уперевшись руками в бока. О бедро легонько билась покачивающаяся на ремне длинная толстая дубина.

Я автоматически оценил его состояние. Неплохо. Спуститься в темпе по почти отвесному склону, следом пробежать километр, далеко оторвавшись от остальных и при этом даже не сбить дыхание. Тренированный парнишка. И мышц немало. И ведет себя уверенно. Весь его вид говорит – не дерзи мне!

Утерев локтем кровь с лица, широко улыбнулся:

– Накосячил твой трахнутый папаша, когда в очередной раз не сумел сдержать свою вонючую струю и в самом зачуханном

трущобном борделе зачал такого ушлепка, как ты. Вот это и есть косяк так косяк. Он кончил – и появилось такое чмо, как ты… а нам мучиться…

Секунда… другая…

В дыре за моей спиной что-то несколько раз чавкнуло. Хрипло загоготал зомби Рэк. Кашлянул, стараясь сдержаться, Баск. Отвернулась Йорка, мечтательно созерцая уходящие к стальному небу мощные опоры Гиблого Моста.

Набычившийся парень стиснул пальцы на рукояти дубины. Еще секунда, … и он убирает ладонь от оружия, разводит руки в сторону:

– Я погорячился… Оди.

Подбежала остальная толпа, не сумевшая угнаться за спринтером. Все тяжело дышат, о немедленном вступлении в бой не может быть и речи. Памятка для меня – сегодня у нас кросс.

Над нами снова замерла полусфера. Обиженный жизнью и мной парень продолжал старательно «заминать»:

– Просто погорячился. Не принимай всерьез. С меня бутылка? Посидим в Жопе, выпьем, замнем.

– Посидим в жопе. – повторил я. – Звучит запашисто заманчиво, но нет. Вопрос исчерпан.

– Услышал тебя, Оди. Спасибо. О… указания Мамы пошли…

Полусфера задания раздавать умела. Через тридцать секунд три из четырех групп дежурили у длинной щели в решетке. Я внимательно наблюдал. Тут не все орки, больше полуросликов. Экипировка, вооружение… у них наверняка боевой статус. И это видно по спокойному отношению к покрытому размазанным дерьмом, кровью, кусками мяса и кишками полу, не говоря уже о деформированной отрезанной голове.

Четвертая группа, картинно и неумело выставив перед собой оружие, плотной формацией потопала к ближайшей стене, старательно следуя за поползшим по грязному полу зеленым лазерным лучом. Система задала разведывательный маршрут. Разумно – в ту сторону не вели потолочные рельсы и там наверняка есть пара мертвых зон, куда не достигает ее взор. А еще в той стороне, если сначала до стены, а потом резко вверх, расположен гигантский сточный желоб. А еще выше – Зловонка.

Полусфера зажгла еще один фонарь, осветив скорбную сплющенную голову погибшего гоблина.

Внутренне напрягшись, жестом указал группе сначала на мелких серых плуксов, валявшихся вокруг дыры, а затем махнул рукой, дав направление движения, сам же остался на месте, наблюдая.

Секунда… другая… с отрезанной головы сползло световое

пятно. Но не потухло, а переползло на лежащего рядом красного плукса. Секунда… другая… и свет погас, а у меня перед глазами зажегся требовательный запрос:

> Немедленный сжатый вербальный доклад в свободной форме
>
> о гибели 335-го и о появлении плунарных ксарлов.
>
> (Говорить громко, разборчиво, звуковую волну направлять вверх).

Вверх…

Само собой, вверх – полусфера зависла надо мной всей своей массой. Да еще и направила на меня одну из своих ламп.

Доклад в сжатой свободной форме? Легко.

– По происшествию: веселый одинокий гоблин триста тридцать пятый, судя по всему, выполнял поручение по сбору мусора. В поисках оного забрел за опоры тридцатого магистрального, где обнаружил кусок большого пластикового листа и поднял его. Под листом оказалась дыра в защитной напольной решетке, откуда тут же последовала атака плунарных ксарлов. Бодрым визгом подав сигнал тревоги, гоблин рухнул на дыру, героически прикрыв ее своим телом. Мы же, проводя патрулирование по установленному маршруту вдоль опор тридцатого магистрального, увидев происходящее, согласно одному из пунктов задания тут же атаковали плунарных ксарлов, попытавшись не дать им выбраться из дыры. Полноценную и храбрую боевую поддержку нам оказал зомби Рэк. – я указал рукой на патлатого безногого зомби. – Он принял участие в бою, уничтожив как минимум двух плунарных ксарлов. Спасти триста тридцать пятого не удалось. В процессе боя, следуя приказу системы, пришлось отрезать голову уже мертвому гоблину, обхваченную лапами присосавшегося красного плунарного ксарла, после чего…

От частого повторения «плунарный ксарл» сейчас язык заклинит…

> Доклад **прервать**.
>
> Доклад **принят**.
>
> Задание по патрулированию **успешно досрочно завершено**.
>
> 714-ый не являлся членом постоянной группы во время получения задания «Патруль», но принял участие в уничтожении плунарных ксарлов. Награда за задание увеличена **не будет**. 714-ый **получит награду** за уничтоженных им плунарных ксарлов.

Немедленно проверить раздел заданий.

Визуальное наблюдение за двумя подсвеченными зонами, действия согласно новым заданиям.

– Так… – пробормотал я. – Покой нам только снится. Немедленно…

Задание: Доставка А.

Описание: Доставить в любой медблок тушу мертвого красного плунарного ксарла.

Место выполнения: Зона 0, искомая туша подсвечена красным светом.

Время выполнения: 14:53… 14:52….

Награда: 40 солов.

Поощрение: игровой вызов любому члену группы.

Задание: Доставка А.

Описание: Доставить в любой медблок голову 335-го.

Место выполнения: Зона 0, искомая часть тела подсвечена желтым светом.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 8 солов.

Я фыркнул – какая ирония жизни! Доставка дохлого плукса стоит дороже доставки бренных остатков гоблина, пусть это и была худшая его часть. Голову поднял за волосы, плукса за лапу. Чуть отставил руки и пошел, оставляя по обе стороны от себя капли льющей крови. Шел размеренно, двигаясь с таким расчетом, чтобы догнать группу у первой опоры. Вес груза в руках? Голова килограмма три-четыре вроде как. А плукс килограмм под десять или чуть больше. Прекрасно… мне шагать минут десять, успею неплохо размять руки мясными гантелями – главное, не забывать их менять. И раз… и два… и три… каждая моя мышца должна прийти в удовлетворяющее меня состояние как можно скорее. И раз… и два…

– Да он долбанутый напрочь, мать его, психопат. – донеслось сзади. – Качает бицуху отрубленной башкой! Ой! Ты чего, Ксер?

– Заткнись, дебил! – прошипел другой голос. – Хочешь, чтобы в следующий раз он качнул бицуху уже твоей тупорылой башкой? Так я сам тебе ее отрежу – и ему подарю!

– Да я…

– Заткнись и собирай кишки с пола…

Я растянул губы в усмешке. Вот так, блин, и создается репутация. И раз… и два… а плукс тяжеловато идет… пожалуй,

для левой руки сделаю поблажку – нет у меня пока доверия к коварно притихшему больному локтю.

Догнав группу, устало потянулся, опустил груз у ног.

– Поздравляю. Есть сразу несколько поводов. Задание нам засчитали досрочно успешным. Рэк стал частью нашей группы. Получили еще парочку заданий.

– Голова дешевая какая… – заметил Баск. – А на плукса таймер тикает.

– В самый раз! – прохрипел Рэк.

– Хочу отмыться. – вздохнула Йорка.

– Подъем. – скомандовал я. – Но поднимаемся по-хитрому. Йорка – ты первая. В одной руке дубина, во второй щит.

– А как хвататься?

– Никак.

– Но…

– Вперед!

– Лопнуть и сдохнуть…

Она не могла не оставить последнее слово за собой, но с выполнением приказа медлить не стала. Взяла наизготовку щит и дубину, выбрала глазами маршрут и начала подъему по крутому склону, осторожно ставя ноги.

– Баск, ты следующий. Симулируем боевую ситуацию. И к нашему горю – тебе оторвало жопу и все что ниже. Подъем – на руках. Лег – и вверх.

– Да, командир!

Зомби рухнул плашмя, выбросил руки вперед, подтянулся, волоча за собой ноги, достиг склона и начал неспешное, но решительное восхождение. Я перевел взгляд на Рэка.

– Могу попробовать без рук. – ощерился тот, демонстрируя далеко не полный набор зубов.

Часто же ему ботинками по роже колотили…

– Поднимаешься сам. – сказал я. – Тележка у тебя, кстати, хорошая.

– Да!

– И очистил ты ее неплохо.

– И пару болтов подтянул. Еще чуть смазать, закрепить вот тут пару…

– Брось ее нахрен и начинай подъем.

– А?

– Ты меня слышал. Брось нахрен эту гребаную тележку прямо здесь и пошел наверх.

– Мне помощь не нужна. Сам подниму.

– Я и не собирался поднимать ее. – усмехнулся я. – Я сказал – брось эту гребаную тележку прямо здесь и забудь про нее.

Молчание…

Набычившийся здоровяк сверлит меня взглядом, пальцы намертво впились в край заветного средства передвижения.

– Я…

– Вверх по склону, Рэк! – рявкнул я. – Брось тележку – и вверх! И в следующий раз никаких гребаных заминок с выполнением моих приказов! Никогда! Никаких! Обсуждать приказы – можно! Но только после выполнения. Уясни раз и навсегда! И вперед – жопу на склон и, цепляясь зубами и оставшимися двумя конечностями – вверх, и быстро! Пошел!

Разжались пальцы. Осиротевшая тележка откатилась. Безногий зомби начал подъем, умело преодолев несколько метров и ни разу не обернувшись. Чуть выждав, я последовал за растянувшейся по склону стального каньона группой. Я поднимался как Йорка – руки напряжены, держат оружие, но не участвуют в подъеме. Работают только ноги, телу приходится держать определенный угол наклона, чтобы не рухнуть ничком или не завалиться назад. Только в моем случае в руках не оружие, а плукс и отрубленная голова.

Я перевалил край каньона последним. Оглядел тяжело дышащих бойцов и удовлетворенно улыбнувшись, сказал:

– Неплохо! Но не расслабляться – сегодня мы участвуем в ежегодном знаменитом марафоне Гиблый Мост! Вот отсюда – и бегом до самого Дренажтауна. Участвуют все! Но после обеда и отдыха.

– Осталось пять минут таймера, командир.

– Верно. – кивнул я. – К медблоку.

– Кратчайший путь через…

– Баск! Веди быстро, но так, чтобы у меня было хотя бы минуты две сумрака.

– Понял.

– Веди. Но сначала передай рюкзак Йорке, а сам загрузи на спину Рэка.

Глянул на Рэка. Тот молчал. Начал наконец-то усваивать методики наши группы. А методики нашей группы просты – делай, что сказал гоблин Оди.

– Приседать по пути надо, Оди? – уточнил Баск, крякнув под тяжестью массивного Рэка.

– Под самый конец и разве что пару раз. – чуть подумав, сказал я. – Пошли!

Пристроившись рядом, напарница тихо спросила:

– А сумрак нам зачем, Оди?

Ее слышала вся группа, но я секретов от них не держал и охотно пояснил, тоже понизив голос:

– Я видел кое-что странное. Как мне кажется, система не смогла опознать по сплющенной и отрубленной голове личность дохлого гоблина.

– Потому что сплющили?

– Нет. Потому что до этого ее хорошенько пососал красный плукс. И когда система прошлась сканом по плуксу…

– Он высосал чип… – тихо сказал согнувшийся Баск. – Так?

– Я так думаю. Но тут думать мало. Надо проверить. До сумрака далеко?

– Минута с небольшим. Сворачиваем.

Мы уже успели пройти финальный отрезок тридцатого коридора и оказались в широченном двадцать девятом магистральном, этой артерии, идущей дугой вокруг Окраины. Создавая ажиотаж у прохожих своим внешним видом, свернули на узкую тропку.

– Вы не останавливайтесь, – сказал я. – В том же темпе идете до медблока. Йорка. Хватай голову. За волосы.

– Лопнуть и сдохнуть… о… у него еще и глаз выпал… болтается на ниточке мясной…

– Мы в сумраке, командир.

– Вперед.

Проводив взглядом умчавшуюся крохотную полусферу, сел на пол, опустил дохлого плукса спиной вниз на скрещенные ноги. И уставился на полураскрытую и удивительно небольшую клыкастую пасть. Ряд расположенных под углом кривых зубов, что выглядят, скорее, как зацепы, помогающие лапам удержаться на месте. Из центра рта торчит мускулистый отросток, снабженный четырьмя плотно прилегающими друг к другу изогнутыми клыками. Все вместе выглядит как миниатюрная буровая установка… В теле отростка несколько щелей – оттуда истекает белесо-розовая масса. А вот и мозги… Бур пробивает кожу и кость, проникает внутрь черепа и начинает измельчать и высасывать мозг – эта массы проходит по отростку и вылезает через щели прямо в пасть. А почему не сразу в желудок? А хрен его знает. Может, чтобы вкусовые сосочки порадовать? Больше рассмотреть ничего не получалось – пасть забита начавшей густеть смесью из мозгов и крови. Веселый холодец. Выглядит прямо как чаша с готовым блюдом для людоедов-гурманов. Добавить еще пару кубиков льда, сбрызнуть лимончиком, зачерпнуть…

Избегая клыков, засунул руку в пасть и принялся ощупывать, процеживать пальцами жижу, выискивая любые инородные предметы. Насколько крупным будет чип? Он обязан быть миниатюрным. Но я должен его найти. Если найду – догадка про

чип в голове получит доказательство. Зачем мне это знать? А затем, что если от чипов в руках и ногах избавиться достаточно легко, то вот вытащить чип из головы…

Есть…

Осторожно вытянув руку, разжал кулак и уставился на окровавленную ладонь. Вот он… плюнув на черный крохотный предмет, размазал по нему слюну, очищая от крови. Кость или…?

На моей руке лежал крохотный черный предмет, напоминающий в два раза уменьшенное тыквенное плоское семечко. Правильная форма, идеальные закругления. Крохотная белая маркировка. Приблизил к глазам, но различить не смог. Понял лишь, что это белые буквы и цифры на черном фоне.

– Командир! Время! – крик пронесся по тропе, отразившись от стен тревожным эхом.

Впихнув чип обратно в мозговую кашу, подскочил и размеренно зашагал по коридору, догоняя своих.

Ладно. Одна догадка получила подтверждение. Не знаю пока, что это дает, но информация редко бывает бесполезной.

Глава восьмая

Состав группы:

Одиннадцатый. (ПРН-Б) **Лидер группы**. Статус: норма.

Девяносто первая. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Тринадцатый. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Семьсот четырнадцатый. (УРН) Член группы. Статус: норма.

Текущее время: 16:57

Награда за уничтожение малого красного плунарного ксарла – 100 солов.

Сидя на теплом стенном выступе, я задумчиво тыкал пальцем себе в левое веко, правым глазом смотря на экран и размышляя над следующим ходом.

Может, система на что-то намекает, снова предложив сыграть в шахматы?

Какой уж раз подряд выпадает тактическая игра.

Это я так – больше в шутку. Вон на соседнем выступе неплохо одетый и снаряженный полуорк впился взором в экран, думает над ходом в Го.

Ему Го. Нам шахматы. На этот раз без временного лимита на ход, дав общее время в девяносто минут на игру. Премиальный игровой вызов захапал я.

Сыграть партию в неспешные вдумчивые шахматы? Кто ж откажется от такого удовольствия?

Уровень сложности выбрал средний, решив испытать себя, систему и заодно выяснить размер награды в случае выигрыша. Шестьдесят девятая минута игры. Пока происходящее на игровой доске выглядит для меня вполне неплохо. Система тоже не спешит с ответным ходом. Задержались Баск с Йоркой, но мне это только на руку – есть время спокойно подумать. Когда принесут еду, из головы вышибет все разумное, там поселится воющий голод…

Странная история с этими чипами. Сколько у нас их в голове? Три штуки? Один чип внутри черепа. И еще по одному – в каждом глазе, служат для вывода информации. Это звучит вполне логичное. При здешних опасностях потерять глаз вполне реально, и немало количество одноглазых тому свидетельство. Поэтому дублирование вполне разумно. Но для чего чип внутри черепа?

Мозговой чип.

Глазные чипы.

Общее количество – минимум три.

Так же, как минимум, по одному чипу в каждой конечности. Но это уже, скорее, для складского учета – откуда взята, сколько

раз использована, ранена и так далее. Хотел бы я почитать статистику по любой из своих конечностей. Не удивлюсь, если моими руками и ногами пользуются уже лет сто, а может, и больше.

Здесь бессмертие вполне реально – только не для души и разума, а для конечностей. Пока они целы – будут служить вечно.

Есть ли чип в теле? Где-нибудь под сердцем? Или нашлепнутый на аорту.

Нужно ли прятать чип в торсе, если один уже засажен в голову?

Как гарантия на случай декапитации? Сегодня вот так и случилось. Торс ушел под пол на корм плуксам, а голова осталась. Правда, ее содержимое высосал красный плукс – вместе с чипом – но сути это не меняет. И не таким ли образом система вычисляет местонахождение плуксовых гнезд? Ведь проглотивший чип плукс рано или поздно вернется в гнездо. Сквозь металлические стены сканеры вряд ли пробьют, но кто мешает снять пару панелей и загнать за стены пару-другую гоблинов с ручными приборами?

Это наиболее вероятный способ обнаружения хорошо спрятанных гнездилищ.

Что ж… чипы…

Один мозговой чип, два глазных, торсовый и по одному в каждой конечности. Итого восемь. Извлечь их все практически невозможно. Не то чтобы я собирался. Но снова задумался о возможности отыскать свои «родные» конечности – это вполне реально, ведь система ведет учет. Осталось понять две вещи – как заставить ее поделиться информацией и надо ли это мне? Если еще пару дней назад я был готов на многое, чтобы вернуть родные конечности, то теперь, по мере утихания боли и наращивания силы и быстроты, меня вполне устраивают и эти. Единственный весомый плюс – при родных конечностях не понадобится прием иммунодепрессантов.

Баланс: 1360.

Добравшись до медблока и разом сдав два задания, я убедился, что нам дали еще одну передышку, и начал действовать. Первым делом отправил всех, включая себя, отмываться и стираться. Затем Йорку и Баска послал в Веселого Плукса – отнести туда чешуйчатую плуксову мелочь. Заодно разрешил им там ненадолго задержаться и перекусить, но велел купить и принести тройную порцию столь полюбившегося компота и мяса. Не стоит забывать и о бульоне. Побольше бульона. Побольше! Это невероятно, но мой резко опустевший желудок громко урчал, требуя еды. Сколько тысяч калорий мы

потребляем ежедневно? Море! Но при этом на моих ребрах не прибавилось и миллиметра жирка. Наоборот – ребра проявились четче. Руки и ноги на глазах становились жилистей, уходила дряблость, одно за другим исчезали темные кожные пятна. Судя по увиденному, боевых орков и полурослико в проще убить, чем прокормить.

Неожиданно для себя я получил подтверждение своим мыслям, наведавшись в медблок на бесплатную диагностику. Люблю, когда распростертого меня осматривает холодный машинный разум с ледяными стальными пальцами и веером игл…

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Дополнительная информация: дефицит питательных веществ.

Вот и думай тут. Я каждый день съедаю по четыре-пять пищевых брикетов, получаю уколы витаминов, выпиваю не меньше кувшина бульона, пары кувшинов компота, поглощаю килограмм-полтора мяса.

И результатом моих усердных стараний стал диагноз: дефицит питательных веществ.

Озадаченный, я, не говоря лишних слов, взгромоздил на спину Рэка. Дотащив до банкомата, перевел на его счет триста солов и предупредил – учитывая, что он себя пока никак не проявил на благо группы, эти деньги я даю ему в долг и обязательно вычту их с добычи. Но не с системных заданий. Рэк этому даже обрадовался, в своей хриплой наглой манере прогундев, что и не собирался принимать в подарок.

Вернувшись к медблоку, дождался, когда оттуда выйдет гоблин с перекошенным лицом, выставив залитую прозрачным клеем правую руку. Клей прямо как витрина – все видно, а потрогать нельзя. Нет трех пальцев, начиная с большого и дальше по порядку. Местами вырваны куски с предплечья. Еще срезан кончик носа. Аккуратно так. Но добавлена нашлепка медицинского клея, так что смотрится, в принципе, нормально. Хныкающий гоблин удалился, унося с собой истеричные вопросы, адресованные потолку, – за что, Мать, за что? Как и следовало ожидать, потолок ему не ответил. Разочарованно вздохнув, занес Рэка внутрь, уронил его на дырчатое кресло и вышел.

Наведался к жрачкомету, как я стал их мысленно называть, купил два стандартных пищевых брикетов, таблетку «шизы», литр

воды и странный желтоватый брусок, стоящий три сола и называющийся белковым батончиком. Обложившись едой, не обращая внимания на жадные взгляды ходящих мимо зомби и гоблинов, принял предложение системы сыграть. И вот, сижу, жую, думаю, что делать с вражеским слоном, подбирающимся к моему ни о чем не подозревающему ферзю, заодно тыкая пальцем в глаз и философствуя о мозговых и глазных чипах.

Поняв, что тема имплантатов себя пока что исчерпала, вспомнил про строчку оповещения.

Награда за уничтожение малого красного плунарного ксарла – 100 солов.

Почему такая большая награда, даже спрашивать не стану – итак понято, что для дополнительной мотивации выискивать и уничтожать красных плуксов. Ясно, что системе относительно наплевать на рядовых серых плуксов. Это логично и просто. На рядовой состав всем и всегда плевать. Пушечное мясо.

Если представить плуксов вражеской армией, то пока что я встречался с тремя типами вражеских солдат – рядовой состав, офицеры и мозгососы… Это из мобильных. Гнездилище плунарных ксарлов – четвертый тип. База.

Солдаты. Офицеры. База. Мозгососы.

По некой аналогии хотелось назвать последних разведчиками, но я не верил, что перемолотый в кашу и проглоченный мозг мог дать хоть какую-то информацию. Воображение рисовало картину – насосавшийся красный плукс возвращается в гнездо, где вырыгивает еще теплую мозговую кашу… в некое углубление, после чего всем плуксам сообщается содержавшаяся в пережеванном человеческом мозге информация – размещение боевых порядков, тайные убежища, ключи к шифрам, пароли… бред! Чушь! Да и что такого может сообщить мозг рядового орка?

Ясно, что красные плуксы существуют неспроста, но они уж точно не разведчики, хотя да – их цель добыть мозги. Любой ценой.

Но вот в чем странность…

Почему мозгососы оценены системой гораздо дороже офицеров?

Командный состав – был и является приоритетной целью. Надо уничтожать офицеров, ведь именно они координируют действия рядовых плуксов, удерживают их в сумраке, следят за передвижениями полусферы, терпеливо выжидая наиболее подходящий момент для атаки. Вот самый страшный враг.

Но за голову мандарина платят меньше полтинника.

А за красную мелочь система отвалила сто солов.

Больше чем вдвое…

Почему?

Ответа нет. Пока что.

– А-а-а…

Дверь медблока открылась. Глянув через плечо, увидел, как со стоном падает с кресла на пол огромный мужик. Я отвернулся, отправил в рот последнюю кусок пищевого брикета, запил глотком воды. И решительно передвинул пешку на клетку вперед, подставляя под удар вражеского слона и одновременно угрожая ему же. Беги или нападай. Выбор за тобой, система…

– А-а-а…

На этот раз стон исходил снизу. Дополз все же.

– Я сам!

– Помогать не собирался. – равнодушно произнес я, поднимая бутылку с остатками воды над краем и разжимая пальцы.

Шлеп.

– Ух… ага… и я пока здесь полежу.

– Мне нужны ответы, Рэк. И тебе может показаться, что я с интересом лезу в твою личную жизнь, бесцеремонно ворошу твое драгоценное прошлое, полное горьких обид и колких обломков разбившихся надежд и мечтаний. Но ты ошибешься. Мне плевать на все сокровенное в твоей душе.

– Спасибо за это… и за ноги… и за руку…

Оглядев его новые конечности – из шорт торчали тонкие, слишком тонкие и слишком длинные ноги со вздутыми коленями. Новая рука выглядела так же. А эта почти забытая мной скользкая даже на вид и сморщенная кожа… Почти безвольные тяжелые куски мяса, вживленные в твою плоть…

– Долго отдашь.

– Отдам до последнего сола! Что там про твой плевок в мою душу?

– Ты неудачник.

Зомби крякнул, что-то глухо проворчал, но выдержал удар и медленно кивнул:

– Скорей всего да.

– Но я делю неудачников на две категории. – продолжил я. – Тех, кто сам виноват во всех своих бедах и тех, кому кто-то сильно помог упасть. Ты какой категории?

– Мне не просто помогли упасть. Меня искалечили.

– Твои ноги были обрезаны под корень, но суставы все же оставались. – кивнул я. – Их ампутировали позднее.

– Да.

– Руку забрала система. Забрала целиком.

– Банкротство безногого одноглазого зомби. Да.

– Как именно ты угодил в это дерьмо, и как причастны Сопли?

– Это мое дело, Оди. Давай так – ты не лезешь в мои дела, а я старательно и четко выполняю все твои приказы. Если сдохну в одном из боев – значит, сдохну. Но когда расплачусь за новые руки и ноги, когда отплачу, чем могу, попрошу денек отпуска и кое-кого навещу из старых знакомых. Фатально навещу. Если система не прихватит на горячем – вернусь обратно и продолжим веселье. Устраивает?

Подумав, я развел руками?

– Могло бы. Но от почившего гоблина я слыхал, что у тебя начинается жуткое словесное недержание, стоит тебе увидеть хоть кого-то из бригады Солнечное Пламя. Оскорбления, следом тебя дружно пинают, а ты отмахиваешься.

– Это мое дело…

– Нет! – отрезал я. – Это уже не только твое дело! Если тебя замесят Сопли – я не смогу сделать вид, будто ничего не случилось! Даже обычный конфликт на словах эхом вернется к нашей группе. Отныне каждое твое слово – слово группы. Твой удар – удар группы. Именно мне придется потом разгребать наваленную тобой дымящуюся кучу дерьма. Именно мне предъявят в случае чего. И всем будет плевать на твои слова «это только мое дело». Это первая причина, почему я должен знать все.

Чуть полежав, Рэк подтянул ко рту горлышко и сделал пару жадных глотков. Бутылку он держал дрожащей новой рукой. Давалось ему с трудом. Но он держал, напрягая вялые мышцы.

– А вторая причина?

– Твой конфликт с Соплями может оказаться мне интересным.

– Чем?

– Сперва ты мне – потом я тебе. – улыбнулся я и снова отвернулся к экрану. – Залезай на выступ. Вытягивайся. Жди еды. Рассказывай.

Чуть помедлив, Рэк приступил к выполнению порученного задания. Минуты через две сумел встать и буквально рухнуть на выступ. Еще минута понадобилась, чтобы заползти и улечься. Бережно поставил рядом пустую бутылку. Затих, глядя в потолок. Я не торопил его, успев сделать два хода, прежде чем вернулись посланные за едой гонцы.

Пластиковые тарелки и кувшины со стуком опустились рядом, в ноздри ударил невероятный аромат.

– Поели? – коротко глянул на сыто отдувающихся Йорку и Баску.

– Ага… мы пройдемся?

– У вас час. Если что – найду. Где примерно будете?

– Семнадцатая клякса.

– Услышал вас.

Оставив рюкзаки, они удалились, а я обнаружил, что Рэк сидит и неотрывно смотрит на куски мяса. Нетерпеливо ждет, обливаясь слюной.

– Ешь. И рассказывай.

Жилистая лапа сцапала горячий кусок мяса, сжала, скомкала и целиком запихнула в гостеприимно разинутую пасть. Губы с трудом сомкнулись, щеки раздуло, а когда стиснулись челюсти, брызнул мясной сок.

– Так… – буркнул я, забирая свою тарелку и отодвигаясь. – Пожри нормально. А сказку расскажешь позже.

– Мгху!

– И тебе мгху. – проворочал я, ставя тарелку перед собой и любовно окружая ее компотом и бульоном. – Ага… и чего это ты скакуна своего вороного туда повела, а, система? А если я съем твоего слона? Ну-ка…

* * *

Икнув, осоловелый Рэк сложил ладони на вздутом пузе. Странно смотрятся – одна ладонь жилистая, почернелая, вся сплошь в царапинах, изломанные треснутые ногти. И вторая – розовая, с идеально подстриженными ногтями, без малейших повреждений…

– Короче так… – едва дыша, начал бывший зомби…

– Погоди, – перебил я. – Ты себя кем ощущаешь?

– А?

– Йорка – гоблин. Баск – зомби. А ты?

– Орк! – он растянул губы в хищной усмешке, показывая редкие крупные зубы. – Я орк!

– Ясно. Ну рассказывай, орк.

– Короче так…

– Погоди. Я тут шах ставлю. А затем и мат…

– Ты вообще хочешь знать мою историю или нет?!

– Да не веди себя как обидчивая дева! Ты же орк! Скрипи клыками и терпи! Вот я ставлю шах…

– Хрен тебя поймешь! То требуешь рассказать… точно хочешь знать?

– Секунду… и…. Мат!

Игровой вызов завершен.

Итог: **победа**.
Награда: 30 солов.
Победная серия: 4/6.
Бонус к награде (ИВ): 5%
Бонус к шансу получения ИВ: 10%
Шанс получения дополнительного приза: 5%

Дополнительный приз?

Выждав, убедился – не дадут.

Со вздохом повернулся к зомби и выжидательно на него глянул:

– Че ты там бубнил?

– Ничего! – рявкнул орк. – Ты даже начать не даешь!

– Я весь внимание…

– Короче так… – осекшись, он пристально уставился на меня.

Удивленно подняв брови, я помахал ладонью – говори, орк, говори.

– Короче так… да к черту это короче! Я был одним из них!

– Бригадным?

– Верно. Сразу уточню – выше рядового не поднимался никогда. Нарекания имел, драки случались, неподчинение тупым приказам тоже. Но плуксов не боялся, от боя не бежал, днем и ночью был готов драться чем и с кем угодно. Может, поэтому меня и терпели звеньевые – а мотался я от звена к звену. Неуживчивый я.

– Сколько отмотал в бригаде?

– Полгода.

– Орком?

– Все время орком.

Не скрывая недоверия, переспросил:

– Все время орком?

– Не знаю, как сейчас, а в то время у Соплей политика такая была – держаться нейтрального статуса, слишком много боевых групп и звеньев не держать, отрядов вовсе не заводить, напирать на производственные задачи.

– О как.

– Да. Многим боевым парням эта туфта не нравилась. Особенно прыжки в статусе. Как поднимешься до ПЕРНа – следующее задание заставляют пропустить. Вся бригада теряет в статусе, на штрафы налетает, ну и ты вместе со своей группой валишься вниз на ОРН. Я как-то ровно относился к этим гребаным игрищам. Но многие роптали. А потом уходили в другие бригады или в город. Чаще всего валили в боевую бригаду Плуксорубов. И отпускали их легко. Пламя вообще много бойцов тогда не

держало – одно звено и две группы. Максимум. От любой серьезной кровавой работенки напрочь отказывались.

– Сейчас все по-другому – заметил я, вспомнив недавние слова оправдывающей их фиаско Энгри:

«Мы только недавно начали входить в боевые задания. Опыта мало. Но он медленно прибывает. Сегодняшняя стрельба… из-за нее пострадали многие. Но стрелки тоже учатся. Это просто надо понять. И принять. Без накладок не бывает…»

– Да. Сопли подтянули сопли и потихоньку становятся боевой бригадой.

– Ни разу не видел никого из бригады Плуксорубов. У них нет эмблем?

– И не увидишь. Они ушли. Всей бригадой снялись в один день и ушли.

– Куда?

– Да кто бы мне сказал.

– Давно ушли?

– Я уж зомбаком ползал одноглазым и безногим. С месяц назад. Может, пять недель.

– И реально никто не знает куда ушла боевая бригада? Сколько их было?

– Под двести бойцов. И реально никто не знает. Хотя слухов море бродит по Окраине. Из фактов – однажды посреди ночи они вскрыли все свои капсулы, выгребли все добро, нагрузились, построились – и молча ушли по Гиблому Мосту. Но скорей всего, кто-то из тамошних богачей предложил им отличный контракт.

– В Дерьмотауне есть настолько богатые полурослики?

– Шутишь? Поговорку не слышал – в Дренажтаун стекается…

– …все дерьмо мира. – продолжил я.

– И все солы мира, Оди. Там бродят и бурлят бешеные деньги. Служат сейчас Плуксорезы одному из тамошних бугров и проблем не знают.

– Бугры?

– Про это лучше не ко мне. Но все знают, что Мутноводье поделено на блины-кварталы, и у каждого свой хозяин, под которым полно бугров и холмиков помельче.

– Я правильно понял – квартал над кварталом и город идет вниз?

– И вверх. Как я слышал, лучше всего представить Мутноводье как столбик толстых стальных шайб с центром, занятым огромным количеством труб.

– Ага. Вернемся к тебе, рядовой боевой орк Рэк. Служба не задалась?

– Дружба не задалась. – ухмыльнулся Рэк. – Серьезно так не

задалась. Так скажу – кого бы ты не спросил из тамошних свидетелей, что в тот вечер произошло, и кто виноват – все, как один, ткнули бы пальцем в меня. Не сговариваясь, указали бы на меня. И добавили бы – он начал, он и отхватил, так что вопрос закрыт и нечего гнилье ворошить.

– А на самом деле?

– И на самом деле так. Я начал, я и отхватил. С какой стороны не ткнись – все одно вина моя. Технически.

– Хочу конкретику.

– Я неуживчивый. И грубый. Порой не слежу за языком, и слетает всякое.

– Ты перейдешь уже к сути? Ты кого-то нахрен послал? И это стало причиной? Причиной чего?

– Да не нахрен! Вернее – да, послал, но уже потом. Короче… повторю – я истинный орк. Я громкое чавкающее хамло, любящее погоготать и выпить. Ну… был таким. И шутки у меня такие же, как я сам, – громкие, чавкающие, гогочущие. Причем чем больше я выпил – тем грязнее и обидней шутки. Натура у меня такая дерьмовая. Поэтому я всегда и всех из своего нового звена в бригаде предупреждал – я наглый и неуживчивый грубый орк. Предупреждал раз десять. И последние пять раз – перед тем, как сесть с ними за стол в Плуксе после очередной драки с тварями. Тактика работала. Мое последнее звено я предупредил раз сорок. И выпивали мы с ними раз десять. И шутил я в своей милой и тактичной манере – эй, двадцатая, у тебя харя как жопа плукса, выпьем же за это, эй, орк, ты тупой как дубина…

– И звено?

– Привыкло. Пару раз выходили в коридор, доходило до мелких потасовок. Ну и проставлялся я раз пять. Наказание за грубость. На следующий день, протрезвев, всегда извинялся как умею. А затем как-то так сложилось, что две плуксодавки подряд удалось мне прикрыть от нападений нескольких из звена. Одному жизнь спас – ему плукс прямо на глотку прыгнул. Вторая бы без лица остался, но я щит подставил и клыки по металлу прошлись, а не по роже. Вроде мелочь, но бабы за красивость морды цепляются, сам знаешь. Скажи им, что дерьмо плуксов от морщин помогает – голыми руками вскроют гнездо, нагребут и обмажутся толстым слоем. Еще двоих по мелочи прикрыл, отвел удары щитом. И привело это к тому, что я остался таким же грубым и наглым, но звено…

– Окончательное привыкло. – кивнул я.

– Приняло. – поправил Рэк. – Приняло меня. Я обрадовался. Честно скажу – обрадовался. Когда понял, что меня, такого вот колючего наглого орка, приняли как есть. Почти семья.

– И вот тут начинается самая грустная часть твоей истории, да? Ты пустишь обязательную слезу по небритой угрюмой щеке? Орк снаружи – тоскливый мальчонка внутри…

– Пошел ты! Я тут…

– Продолжай.

– Тоскливый мальчишка… да, может, и так! И про самую грустную часть – угадал. Как бы начать…

– Не жуй слова задницей. Давай коротко и сжато. Как доклад. Только факты. Быстро!

– К-хм… Обычный вечер в Плуксе. Нас восемь рыл – неполное звено. Пять мужиков, две бабы постарше и одна совсем девчонка. Мужики цедят самогон с энергетиком. Девки – то же самое, но коктейлят с компотом. Принесли еще мяса, пошла третья бутылка. Я тогда еще удивился – слишком быстро. Обычно на таких посиделках выпиваем литр самогона, ну, может, грамм на двести больше. А тут – третья заканчивается, а мы сидим только второй час. Вроде полтора литра на восемь бойцов ерунда, но слишком уж быстро идет…

– Тебя поили?

– Больше сами глотали.

– Сами?

– Сами. – подтвердил Рэк. – На мои две стопки приходилось их четыре.

– Дальше.

– Как закончилась третья и уполовинилась четвертая бутылка – я начал шутить в своей причудливой и всех восторгающей безобидной манере. Я шучу – а они пьют. Я еще шутку с размаху припечатываю о чью-нибудь харю – а он в себя стопку или бокал херакс… и следующую дозу наливает. Я уж подумал, что, может, у них горе какое случилось, а я не в курсе просто. Но спросить не успел. После следующей шутки на меня случился массовый наезд всего звена. Семь глоток против одного. Семь одновременных наездов. Попытаться в одного перекричать семерых… ты пробовал хоть раз?

– Не помню. Но проще прострелить башку самому громкому. И остальные сразу же станут тише и восприимчивей к твоей доброй улыбке.

– Может, мне так и надо было… но я продолжал орать. Ситуация накалилась. Двое из звена предложили мне выйти и прогуляться по сумрачной тропке. Я на предложение откликнулся всей душой, выпил еще стопку и поднялся. Вышли.

– Ты и те двое?

– Хрен там. Все звено выперлось в коридор.

– И ни единая харя не осталась за столом? – уточнил я.

– Куда там! Разом встали!

– Даже девушки поперлись в коридор смотреть как буцкают наглого орка?

– Точно.

– Кто-нибудь, вот хоть кто-нибудь попытался замять ситуацию, чтобы не доводить до сумрачных драк? Кто-нибудь из звена просил всех уняться уже наконец и не портить вечер?

– Нет. Из звена нет. За соседними столиками – да. Но на них наехали. И я в том числе. Чтобы не лезли в дела нашего звена.

– Может, просили тебя уйти? Кто-нибудь самый разумный. Звеньевой?

– Обычно он так и делал. Отсылал меня отсыпаться. На следующий день я извинялся.

– Но не в этот раз?

– Говорю же – все перепили. Самогон – причина всех бед, Оди. Он снес всем башни. И вот…

– Продолжай.

– Вышли в коридор. Но полусферы двигаются по своему графику. Сразу за порогом сумрака не случилось и идти пришлось дальше. Совпало так – чтобы поблизости от Плукса не одной сумрачной зоны.

– Совпало. – хмыкнул я. – А обычно не совпадало? Хоть одно темное пятно оказывалось рядышком с заведением?

– Конечно. Там же полно троп и тропок. Но в тот вечер звезды сошлись иначе. Топать пришлось дольше. Больше километра. По пути пили – еще одну бутылку прихватили с собой.

– Вы вместе пили?

– Они. Мне не предложили. Я попросил – отказали. Ну и хрен с ними. Дошли до темного коридора. Ну и…

– Дай угадаю – били тебя все.

– Да. – орк опустил голову, скрывая горящий яростью глаз под гривой нечесаных волос. – Да… Меня били все. После первого удара – набросились разом.

– Кто ударил первым?

– Звеньевой. Это помню отчетливо. Потом пошло месиво. Я кому-то успел приложить. Но затем меня повалили и… темнота.

– Дальше. – поспешил подтолкнуть замолчавшего орка. – Ну! Не надо девчачьих пауз.

– Очнулся в том же коридоре. Башка раскалывается, один глаз видит все мутно, а вторым не вижу вообще. Потрогал глаз – а там дыра. Уже и кровь запекается. На затылке рассечение. Волосы прилипли к полу – еле отодрал. Встаю… и падаю… встаю… и падаю… затем рвота. И вырубаюсь снова – прямо в луже рвоты, крови и самогона. Этот запах мне порой до сих пор чудится…

– Сотрясение мозга…

– Да. Меня приложили по затылку. Скорей всего, дубиной. И ударили сильно.

– Своих так сильно не бьют. – заметил я.

– Алкоголь. Все были пьяны и злы.

– Нет. Все были испуганы, подавлены и им было перед тобой стыдно.

– А?

– Я объясню. Но ты продолжай. Ты вырубился. Дальше что?

– Очнулся от боли – меня жрали плуксы. Очнулся, но сделать ничего не мог – перед глазами все плывет, меня рвет, а еще долбаный яд плуксов наложился на и без того хреновое состояние.

– Плюс у тебя в крови еще оставалась нехилая доза самогона. М-да… сотрясение, опьянение, начинающееся похмелье, отравление и частично дезориентация из-за потери одного глаза. Как спасся?

– Спасли. Группа парней из бригады Плуксорезов. Грохнули плуксов, отодрали их трупы от моих ног, наложили жгуты, дотащили меня до медблока, куда и забросили со словами – сам виноват, придурок, нехер так бухать и бродить по темным коридорам.

– И ноги тебе…

– Ампутировали. Там уже месиво было – я видел. Еще рана на животе была и руку одну погрызли. Но там обошлось штопкой. Когда я вышел из медпункта… ну как вышел… выполз… то уже знал, что в славных рядах бригады Солнечное Пламя больше не состою. Чуть отлежавшись, попытался узнать причину. К тому моменту я уже находился на статусе УРН. Брезгливо цедящий слова мужичонка мне пояснил – я с позором изгнан из-за постоянного создания некомфортной рабочей обстановки, а также моей конфликтности, грубости, неуживчивости и начинающегося алкоголизма. Я лишился всего. Ног, статуса, накопленных солов. И был изгнан из бригады. А дальше… дальше все полетело в пропасть. Сам понимаю – я виноват. Я начал ссору, звену надоело терпеть мой характер, и меня хорошенько отделали. Удар исподтишка по затылку – тоже можно забыть. Спишем на пьянку. Глаз выбили – ну это пинком по лицу прошлись наверняка. Когда я уже лежал. Глаз жалко, конечно. Но почему меня бросили там? Я часто дрался, Оди. Часто. И каждый раз, вырубив пыркавшегося на меня гоблина, я взваливал его на плечо и утаскивал в безопасное место. В коридоре не бросал! Утаскивал даже чужака! Да просто встреть валяющегося в коридоре пьянчугу – утащишь до ближайшего стенного выступа. А меня бросили…

– Со звеном пытался общаться?

– Само собой. Но они просто проходили мимо. Будто не слышали. Сам понимаешь – без ног за ними сильно не побегаешь. Потом их перебросили куда-то дальше, я месяц никого из них не видел. Когда вернулись – из семерых осталось двое. Попали в кислотный разлив, а там еще плуксы подоспели…

– Кто выжил?

– Звеньевой и Барбариска. Первый потом на повышение пошел. А Барбариска… она пропала. А я… я потерял одну руку, полностью прекратил пить алкоголь и цеплялся до каждого встречного Сопливого при каждой встрече. Отчего мне часто били по зубам. – орк снова осклабился, демонстрируя бреши в зубах. – На мой вопрос так и не ответил никто.

– Почему тебя бросили в коридоре?

– Ага.

– Хочешь, я отвечу?

– Только не надо играть в догадки, Оди. Многие были в курсе той истории и, если собрать в кучу их ответы, итог будет примерно один – меня бросили, потому что я неуживчивый мудак.

– Нет. Тебя там бросили, потому что они испугались содеянного, и им было невероятно стыдно перед боевым товарищем, спасавшим их жизнь.

– Удар по затылку? Да это ерунда…

– М-м-м… глянь-ка на меня.

– На кой?

– Посмотри на меня, орк!

– Ну? – неохотно подняв лицо, Рэк уставился на меня. – Дальше что?

– Патлы с морды убери.

– На кой? – снова не удержался орк, но при этом послушно убрал с лица волосы.

Вглядевшись ему в лицо, я бесстрастно заметил:

– Пустую глазницу пересекает шрам. Глубокий такой.

– Мимо, командир. – буркнул Рэк.

Я сделал вид, что не заметил этого «командир» и вопросительно помахал ладонью в воздухе, поощряя к продолжению:

– Мимо. – повторил орк. – Шрам очень старый. Я с ним здесь появился. Бровь, им распаханная, иногда чешется. Но это мелочь.

– Может, и ошибся. – не стал я спорить. – Шрам был при рождении здесь. И глаз был. Да?

– Само собой.

– Уцелевший глаз у тебя непонятного цвета. Яркий серо-

зеленый. А второй глаз? Тот, что был выбит молодецким пинком по бессознательной твоей морде. Какого цвета он был? Ведь другого цвета, нет?

– Сказал кто? Ну да – второй глаз у меня синий был.

– Чисто синий?

– Прямо синий-синий.

– Вот как…

– Так и что с того?

– Звеньевой твой. Тот, что пошел на повышение. Он где сейчас? Как зовут?

– Да здесь крутится. Чаще вокруг семнадцатой кляксы. Носит плащ, смотрит на всех свысока.

– Номер? Имя?

– Морис.

– Бвана Морис? – радостно улыбнулся я. – Ух, как тесен этот мир!

– Знаешь его?

– О да! Грязный гоблин имел честь пообщаться с великим Морисом. Спасибо за душераздирающий банальный рассказ, орк Рэк. А теперь поднимай задницу и начинай энергично двигать всеми имеющимися отростками. У нас вот-вот начнется вояж через Гиблый Мост – и ты должен хотя бы часть пути проделать сам и стоя, а не ползком.

– Почему ты спрашивал про второй глаз? Который синий? – лапища орка сцапала мое запястье – Это важно? Расскажи… – крохотная пауза… и последовало удивительное сдавленное и явно непривычное для Рэка слово: – Пожалуйста… ты ведь что-то понял, да? Я чувствую…

Чуть подумав, я кивнул:

– Кое-что я понял. Кое-что важное. Но давай вспомним наш уговор: что-то от меня – что-то от тебя. Я тебя накормил, напоил, починил. Твоя очередь отплачивать. Чем? Выполнением приказов, старательными тренировками, отвагой и умением в бою. Но вот я скомандовал начать оживленно двигать отростками… а ты продолжаешь лежать…

– Я понял, командир! Я понял…

Перевернувшись на бок, орк начал вставать. Я его остановил:

– Не-не. Начнем с отжиманий. Медленных и непреклонных.

– Понял. Начинаю…

Перевалившись на живот, орк упер ладони в металл, напряг руки и начал медленно подниматься. Мне тут же стало крайне интересно – сколько раз он сможет отжаться?

Но просто смотреть скучно. Поотжимаюсь-ка и я немного…

* * *

Тяжело дыша, я схватился за начинающийся здесь стальной поручень. Навалился на него боком, замер, прислушиваясь к ощущениям. В правом боку дико колет, колени болят, стопы болят, поясница ноет, дыхание с хрипом рвется из иссушенной глотки, по лицу стекают ручьи пота, футболку хоть выжимай.

Проклятье…

Всего-то забег на два километра. Ох…

Пробежка далась с таким трудом, что последние метров четыреста думал только о том, чтобы не упасть. О любовании приближающимися видами и речи быть не могло. А ведь так хотелось «вкусить», насладиться заревом цивилизации, вслушаться во все нарастающий грохот прогресса.

Отдыхая, восстанавливая дыхание, не оборачивался. Знал, что где-то в километре позади приближается тройка бойцов, старательно отрабатывающих ситуацию «один из нас ранен, срочная доставка в медблок». И я не забыл отчетливо пояснить – «срочная» – ключевое слово. Сейчас они, волоча на плечах еле идущего Рэка, матерясь, выкашливая легкие, чувствуя подступающую тошноту, на максимально доступной им скорости движутся ко мне. Но настоящее веселье у них начнется шагов за двести до окончания Моста – там беспомощной станет Йорка, а Баск «лишится» левой руки. И мне плевать, как именно они справятся с ситуацией. А я…

А я стою на конце Гиблого Моста и, вися на поручне, смотрю на Дренажтаун.

Наконец-то я добрался…

И что я увидел первым?

Увидел я нечто поразительное. Если не сказать потрясающее. Миновав Гиблый Мост, я очутился в начале дороги, рассекающей прекрасные пейзажи.

По левую руку бескрайнее пшеничное поле, уходящее за горизонт. Налитые тяжелые колосья уже клонятся к земле, издалека подбирающиеся темные тучи грозят долгим дождем, а может, и губительным градом, несколько деревьев покачивают красными пышными кронами на набежавшем ветерке. Осень пришла. Пора сбора урожая, звонких девичьих песен и тяжелейшего ручного труда – вон пара телег с прислоненными к ними косами и граблями. И никакого припаркованного неподалеку универсального огромного комбайна, чей смутный футуристичный призрак вроде как плавает где-то на задворках моего сознания.

По правую же руку раскинулась еще необработанная и

довольно засушливая земля – степь. Целина. Она тоже тянется и тянется вдаль, где и упирается в гряду пологих зеленых холмов. Заросли мелкого колючего кустарника, желтая от жары трава, едва заметная синяя ниточка петляющего между камнями ручья…

Прекрасные панорамные пейзажи. Нарисованные на стальных стенах, встречающих каждого, кто покидает Гиблый Мост и входит в город. Пейзажи тянутся и по стенам, идущим вдоль дороги. Тут десятки метров измалеванных стен. Хотя слово «измалеванных» не подходит – звучит оскорблением постаравшемуся художнику.

Яркие сочные цвета, свежий вид пейзажей говорит о том, что за ними следят и регулярно подновляют. А еще ими любуются – напротив высоких стен, обрамляющих Дренажтаун, спиной к стальному каньону, сидит немало народу. Им не слишком уютно – тут гуляет довольно сильный ветер, добавляющий реализма пейзажам и со свистом уходящий в каньон. Такой же ветер гуляет и на противоположной стороне разлома, отделяющего Окраину от Города. И так же ветер уходит в каньон – система запустила вентиляцию в бывшей Стылой Клоаке и радикально увеличила ее мощность. Каньон жадно глотает застоявшийся воздух. По дну стальной пропасти ползают крохотные фигурки – орки и гоблины продолжают зачистку. Рядом с обнаруженной нами дырой в решетке неподвижно стоят две боевые группы. Охраняют. А мне вот что подумалось – здоровенный плукс не пролезет в ту щель. А вот даже крупный орк вполне проскочит. И сама правильная форма дыры говорит о том, что она была сделана специально. И сохранялась открытой тоже специально – даже сдохший Тролс смог бы при желании заблокировать ту щель намертво. Причем без помощи сварочного аппарата. Было бы желание. Но щель осталась открытой. Тут есть над чем подумать. Была бы у меня подробная схема коридоров и застенных помещений Окраины и каньона…

Однако сейчас меня больше занимает приветственная часть Дренажтауна. Покинув мост, свернул вправо и уселся рядом с раскачивающимся истощенным гоблином, потирающим себя суетливо по животу и бедрам, дергающим за большие пальцы скрещенных ног и не отрывающим воспаленного взора от нарисованной степи. Изредка он подносил правую ладонь к губам, выскакивавший темный язык проходился по коже, словно слизывая невидимые крошки. Затем вторая ладонь. И снова руки скользили по животу и бедрам, дергали большие пальцы. Он что-то бормотал. Поймав ритм, начал раскачиваться вместе с ним, смотря на степь, но не забывая поглядывать на дорогу и вверх.

На дороге стояла довольно большая группа уверенных в себя

бойцов. Они не блокировали проход, но стояли с таким видом, что сразу становилось ясно – поставлены здесь специально. Бдят.

А потолок… он здесь столь же высокий, как и над каньоном. И полусфера большая имеется. Но здешний потолок покрашен в голубой цвет с вкраплением милых белых облачков, а полусфера окрашена желтым. И бегает солнышко ясное по небу, приглядывает оно за гоблинами, орками и полуросликами в граде сем славном обитающими…

Раскачивающийся гоблин заговорил яснее и быстрее. Слова я разобрал, но смысла особого не уловил. Хотя вступление понятно.

– Мемвасик… мемвасик это вещь… улыбка мамы, нахмуренные брови отца… но он притворяется, он не сердит… скоро мы вместе отправимся на подводные фермы… Но сначала я должен прочесть еще три абзаца важной книги. Прочесть вдумчиво и вслух. Запомнить… да, папа, я уже читаю… Я запомню каждое слово! – в этот момент голос стал еще громче, гоблин заговорил нараспев: – Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля – всё, побуревшее от зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росою и обласканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести. Над дорогой с веселым криком носились стрижи, в траве перекликались суслики… А дальше? Забыл… забыл… не сердись, папуля. Не сердись. Я вспомню… Вот вспомнил! Там плакали чибисы! Плакали чибисы! Мне бы еще одну таблеточку… хотя бы крошек на ладонь… да, папа, мне очень нравится эта книга. Она такая старая… это бумага? Настоящая бумага? А можно мы поедем на фермы гипером? Как пуля! Прямо как пуля! Ведь там почти вакуум… папа, а ты… Да, да! Я уже читаю… Сжатая рожь, бурьян, молочай…

Гоблин меня едва не усыпил своим заунывным монологом. Изучив дорогу и потолок, убедившись, что вход в Дренажтаун свободен для прохода, и досмотр входящих не проводится, я встал и вернулся к Гиблому Мосту. Успел к моменту финиша мокрых от пота бойцов. Встретил их разочарованной гримасой.

– Ну… для первого раза пойдет…

– Пусть так. – согласился хрипящий Баск.

Изнемогающий Рэк просто помотал головой, не в силах пошевелиться.

– Какого эльфа я прихорашивалась? – со стенанием вопросила Йорка, выжимая низ футболки. – Ладно мой пот – так их тоже на меня водопадом лился! А волосы?

– Не стану читать заунывную лекцию о пользе выносливости. – рассмеялся я, помогая Рэку встать. – Баск, поднимайся. Войдем в Дренажтаун красиво.

– Можно, я ползком? – спросил пошатывающийся Рэк.

– Ну нет. Входим весомо.

– А выйдем как?

– А это уж как получится. – пожал я плечами, вглядываясь в висящее под стальным небом механическое глазастое солнышко. – Что ж здесь случилось-то?

– Так вроде красота вокруг…

– Ага. Рассчитанная на непритязательных дебилов сельского разлива. – согласился я. – Хотя дешево и сердито… Рэк.

– Да?

– Пока я бегал по мосту, а вы ковыляли следом, мне пришла гениальная и очень простая мысль. Касательно тебя. Посему даю тебе простое, но крайне важное задание – в кратчайшие сроки ты должен стать невероятно массивным амбалом. Ты же орк?

– Орк!

– Вот и выгляди орком. Одежду тебе подберем подходящую. Начиная с этого момента ходи важно, руки расставь пошире, кулаки сжимай почаще, подбородок выше, нижнюю челюсть выпяти. Говори медленно и хрипло. Но за базаром следи! Фильтруй. Если кто к тебе подойдет из вроде как важных – спокойно с ним беседуй, на меня или кого-то из группы не оборачивайся.

– Сделаю. А нахрена, спросить можно?

– Несколько причин. – ответил я. – Главная – пусть все думают, что босс это ты.

– До тех пор, пока не придет время по щелчку шустро убраться тебе за спину?

– Понятливый. Есть с этим проблемы?

– Не, – Рэк пренебрежительно выпятил нижнюю губу. – Никаких проблем.

– Вот и чудно. Баск. Помни свою роль.

– Ага. Слепой, скромный, боязливый хлюпик.

– Точно. Держись за юбку Йорки, улыбайся чаще, демонстративно щупай рукой. Но не переигрывай – чужие женские прелести щупать не стоит! Как и мужские…

– Ага…

– Во-во. – добавила Йорка.

– Понял, командир, – кивнул зомби. – Лишнее не щупать. Изображать беспомощность. Хотя… тут для меня все новое… можно сказать, что я снова ослеп.

– Врубай голову и начинай запоминать. Йорка поможет с описанием местности и номерами. И не считай себя беспомощным, Баск. Слепой, способный качественно и быстро грохнуть зрячего, беспомощным считаться не может.

– Спасибо!

– Йорка.

– М? Мне кого играть?

– Просто будь собой.

Пристально глядя на старающегося скрыть улыбку зомби Баска, девушка медленно кивнула:

– Хорошо.

– Роспись на руке не свети, бинты не снимай.

– Помню.

Оглядев пришедшую в себя и чуть просохшую от пота группу, осмотрел и себя. Выглядим потрепанно – даже Рэк. У нас потрясающее умение быстро изнашивать новую одежду, приводя ее в ужасное состояние за считанные часы. Два гоблина, орк и зомби. Интересный состав. Многообещающий состав.

– Двинулись! Рэк. Иди впереди, двигайся вдоль стенки. Дальше сам знаешь.

– Ща…

Я представляю, насколько сейчас ему тяжело. И не могу не отметить его невероятную несгибаемую упертость. Шатаясь, он добрался до стены и, изредка придерживаясь за нее, тяжело и неспешно зашагал, чуть наклонившись вперед. Скрывающие лицо черные патлы, мощный торс, футболка частично скрывает чересчур тонкие руки, а широкие штанины серых брюк ноги. Следом идет Йорка, за ней мелко семенит Баск. А я замыкаю шествие, держась на пару шагов позади. Неопытный наблюдатель сочтет меня гоблином-одиночкой.

Мимо стоящей в проходе боевой группы прошли спокойно. Но внимательные взгляды я заметил. Как и то, что львиная их доля была обращена на мрачного высоченного орка. Никто не задал ни единого вопроса. А я так и не понял, зачем они стоят на входе в Дренажтаун. Я не забыл отметить болтающиеся на их шеях полумаски, а на головах или шлемах защитные очки. Ну и вооружение – на семерых три игстрела, семь шипастых дубин, пара щитов. Интересная обувь – тяжелые ботинки снабжены шипастыми стальными носками, верх и бока обуви прикрывает частая металлическая сетка.

Еще через десяток шагов недовольно зафыркала Йорка. В воздухе появился запах. Нет. Даже не запах, а пока что едва уловимый намек на нечто куда более серьезное. Нечто тяжелое и гнилостное. Орк тяжело пришлепнул пятерню к стене, накрыв ею улыбку веселого парня со всколоченными волосами, держащего в пальцах длинную пробирку с чем-то бурым. За его спиной девушка с фигурой, которую коротенький халатик не в силах скрыть. Раскрыв испуганно алый ротик, она поджала одну ножку и испуганно смотрит на зеленую лужу на полу. И надпись внизу

ушибленной орком картины: «Мы очищаем!».

Ну да… запах все тяжелее. Можно не уточнять, что за бурая субстанция в пробирке веселого парня.

Дренажтаун – сюда стекается все дерьмо мира.

Кстати, об этом… о стоке…

Я задрал голову и следующие пятьдесят шагов проделал, изучая потолок. Потолок изогнулся и поднялся, исполинским куполом уходя ввысь. Синяя краска исчезла, сменившись привычным серебром потускневшей стали и трубами. Увидеть можно было только небольшую часть купола – остальное скрывали трубы.

Трубы, трубы, трубы, трубы… много, очень много разных труб выходило из потолка и тянулось вниз. Там наверху целый лес из горизонтальных, наклонных, вертикальных и причудливо изогнутых и переплетенных труб. Настоящий лабиринт с десятками светящихся точек. Часть точек медленно или быстро движется – в стороны, вверх, вниз. А вон две мелкие грозди огней стремительно проваливаются вниз. И вряд ли я ошибусь, если предположу, что это два больших лифта. Лифты мчались вдоль скудно освещенной изогнутой стены, и мне понадобилось несколько секунд на осознание простого факта – это не стена. Это бок толстенной трубы, достигающей в диаметре метров двадцать. Стальная обшивка покрыта следами многочисленных протечек. Именно в этой части трубного леса наиболее часто мерцают огоньки далекой сварки. Что за отважные бедолаги покачиваются на мокрых веревках над Дренажтауном? И чем они там дышат? Даже отсюда я отчетливо вижу среди труб серо-белую клубящуюся тушу громадной облачной тучи, с постоянством автомата изливающую вниз частую мелкую морось. Вряд ли этот дождик обладает целебными молодящими свойствами… от его капель не задымится ли кожа гоблинов?

И снова я вспомнил рассказ убитого старого орка: «Синий дождь с силой хлещет по опускающемуся дрону, дымится мокрая бетонка…» Здесь дождь вроде не синий. И на бетонку ни намека. Сплошная сталь вокруг. Старый орк еще говорил про умные зонты, напичканные датчиками. Теперь понятно, почему вспомнил его рассказ – сработала какая-то ассоциация. Ведь мы как раз проходим мимо неприметных синих торгспотов, снабженных рисунком прозрачного длинного плаща с большим капюшоном. Дождевики.

– Притормозим. – скомандовал я.

Поглощенная созерцанием картин и труб над головой группа среагировала не сразу, и я их не виню. Сам загляделся. Все же мы деревенщина. Потребуется еще какое-то время, чтобы привыкнуть

и перестать замечать эти красоты.

– Надо купить! – с готовностью кивнула Йорка.

– Что там?

– Плащи от дерьма небесного. – ответил Баску орк и хрипло захохотал.

– А?

– Да что ты его слушаешь? – буркнула Йорка и бесцеремонно толкнула орка в плечо. – Двинься! Баск, над нами сотни труб и трубищ. Целый лабиринт с огоньками! И лифты! Там под небом лифты! Еще там огромное и какое-то нездоровое облако, и льет вниз почти настоящий дождь – мелкий-мелкий такой! Прямо непогода лютует!

«Непогода лютует…» – прозвучало в голове повтором, и я… провалился…

Почувствовал, как рука ударилась о стену, замер в перекошенной позе и через миг оказался совсем в другом месте.

«Вытянув руку, схватил за шею кареглазую златовласку в миниатюрном платье. Притиснул к окну, навалился всем телом. Охнув, златовласка повела плечами, избавляясь от бретелек, на пол мягко опустилось шелковое платье, сверху упал белоснежный кружевной лоскуток. Уцепив зубами за нежную мочку уха, лишенную сережки – не терплю этот хлам – слегка укусил.

– Ай! – острые коготки мстительно впились в плечи.

Зарычав, притиснул ее к стеклу сильнее, чувствуя, как она в нетерпении сдирает с меня пиджак, рвет пуговицы на рубашке, со стуком покатились по полу тяжелые запонки. Втянув запах ее разгоряченной плоти, дал волю рукам, заскользившим по податливому телу. И замер, поверх ее плеча глядя сквозь залитое голубоватой искрящейся водой стекло на пробившуюся сквозь слой облаков тяжелую красную тушу с приметной белой эмблемой на боку. Сверкнули умытые едким дождем иллюминаторы, туча раздалась сильнее, пропуская сквозь себя весь стратосферный дирижабль…».

– Оди! Оди!

– Ох… – я замотал головой, приходя в себя. – Чтоб меня…

– Что с тобой?

– Сахар упал. – буркнул я, косовато улыбнувшись. – Все же система была права – острая нехватка питательных веществ.

– И у меня такой же диагноз. – успокоено выдохнула Йорка. – Не пугай так!

– Постараюсь. – пообещал я. – Так! Покупаем дождевики! Я лысину под этим дождичком мочить не собираюсь.

– Тут еще маски продаются. – заметила напарница. – Берем?

– Обязательно.

– Обоняние потеряю. – вздохнул Баск.

– В этом городе – невелика потеря. – заметил я.

Рэк оглушительно захохотал.

– И мне купите. – попросил я и прислонился к стене.

Наблюдая, как группа покупает дождевики, попытался прокрутить в голове увиденное. Но… не смог. В памяти остались лишь жалкие обрывки – причем большей частью не визуальные. Тактильные, обонятельные, слуховые, но не зрительные. Стон девушки, ее запах, ощущение ее гладкой кожи, что-то красное среди клубящихся облаков».

Что я видел? Что я только что видел и не могу сейчас вспомнить?

Сцепив зубы, сделал несколько глубоких вдохов, стараясь себя успокоить. Рука сама собой скользнула в карман, ощупала лежащую там пару неприметных серых таблеток. Пальцы огладили таблетки, прошлись по чуть ребристым краям, отщипнули самую толику и… действуя будто самостоятельно, растерли отломленное по ладони. Вытянув руку, прошелся языком по ней, ощутив едва заметную горечь. Горчащим языком скользнул по деснам, лизнул ладонь еще разок и вытер ее о штаны.

Что я видел? Что-то настолько яркое и удивительное…

Не могу вспомнить?

– Держи, Оди.

– Ага. – кивнул я, принимая прозрачный дождевик. – От кислоты такой вряд ли защитит.

– А от небесной мочи – запросто! – проворчал Рэк, влезая в огромный плащ.

– Хорошо, что туда подниматься не придется. – заметила Йорка, глядя на стальной небесный купол сквозь защитные пластиковые очки. – В эту дождливую высотищу…

– Не зарекайся. – ответил я, принимая от Баска очки и полумаску.

Маска и очки крепятся эластичными широкими ремнями. Сделано качественно. На серой пластиковой полумаске две черные круглые нашлепки фильтров. Очки плотно прилегают к коже, широкие ремни не давят на затылок. Качественные вещи. В торгмате продавались и подешевле, но хватило одного взгляда, чтобы понять – неудобная дешевка с узкими твердыми ремнями. Сдавит и натрет кожу, при долго носке вызовет головную боль.

Настроив длину ремней, надел покупки. Оглядел так же снарядившихся бойцов и широко улыбнулся – отлично получилось. Мы стали неузнаваемыми. Полумаски, очки и капюшоны скрыли лицо, наружу торчат только прикрытые

пластиком носы и козырьки бейсболок. Надежно скрыта обмотанная бинтами рука Йорки. Но Рэк даже в таком облике резко выделяется среди безликих нас – рост, массивность, торчащие из-под капюшона длинные черные волоса. Мрачный неопознанный гигант… один его вид вызывает тревожность и желание приглядеться пристальней.

Тест… Один глубокий вдох всей грудью подтвердил – фильтры действовали, полностью отсекая неприятный запах. Это на краю города и вне зоны дождя. Посмотрим, что будет ближе к центру Дренажтауна. Но покупки мы сделали полезные. Нет особого желания постоянно дышать запахом чужих фекалий, равно как и орошать кожу и роговицу каплями вонючего дождя.

Подойдя к торгмату, потратил сорок солов и купил восемь пар сменных фильтров – по пять солов пара. Раздал бойцам, свои убрал в поясную сумку. Мельком скользнул глазами по самому дешевому товару из ассортимента торгмата – крохотные и безликие пластиковые коробочки. Снабжены кратеньким пояснением – специальная пахучая мазь, наносимая под ноздри. Три варианта запаха – эвкалипт, хвоя и ананас. Дешевая альтернатива полумасок. Вонь мазь не отсечет, но добавит ей пикантные нотки ананаса… Тут же продаются полностью закрывающие лицо противогазы. В соседнем торгмате доступны для покупки три вида капель – глазные, ушные и для носа. Ой, нерадостно в этом месте жить. Но ведь живут… среди ярких картин и под ядовитым дождем.

– Готовы?

Дождавшись кивков, глянул на орка.

– Рэк? Как ты?

– Хреново. – признался тот. – Вот-вот рухну.

Оглядев стены коридоров, увидел лишь ничего не значащие цифры и указатели. Куда информативней оказалась фигура медленно бредущего по коридору безрукого зазывалы в старой красной полумаске с дырами вместе фильтров, с пластиковой табличкой на шее. С воспаленной кожи черепа свисает несколько седых прядей. Через каждые десять-двенадцать шагов зазывала гнусаво кричит:

– Гнойка! Все на Гнойку! Оружие, еда, выпивка, банкомат, молоденькие инки и сукки дешево! Большой выбор! Гнойка – ваш выбор! Лучший торговый перекресток Дренажтауна!

Десять шагов и снова гнусавое завывание:

– Гнойка! Все на Гнойку! Оружие, мясо, выпивка и сексуальная нирвана ждут вас! Лучший торговый перекресток Дренажтауна! Безопасность! Нимфа Копула гарантирует безопасность! Охрана! Капсулы для отдыха и не только! Зомби

танцы!

– Звучит заманчиво, м? – проводил я взглядом спотыкающегося доходягу-зазывалу.

– Ты видел язвы у него на голове? – спросила Йорка, поправляя бейсболку и сильнее натягивая капюшон плаща.

– Пойдем на Гнойку, командир? – утончил зомби.

Я чуть помедлил с ответом, но тут зазывала вновь запричитал и это решило дело:

– Гнойка! Все на Гнойку! Оружие, мясо, выпивка и секс! Торгматы, банкомат, медблок и неистовые бедра! Похотливые сукки жаждут и трепещут! Гнойка! Лучший торговый перекресток Дренажтауна! Всего в трехстах шагах по сорок первой тропе! Гнойка! Гнойка!

– Идем на Гнойку. – кивнул я. – Хочу посмотреть на неистовые бедра. Заодно наведаемся в медблок.

– Черт… – голос зомби помрачнел. – Вот и момент истины, командир? Прозрею? Останусь слепым?

– Просто очередной этап. – буркнул я. – О чем ты, Баск? Уже доказано – глазная хирургия тут имеется. Осталось найти медблок, где этим занимаются. Не здесь – так найдем где-нибудь еще.

– Где еще? Если нет в Дренажтауне…

– Вряд ли мир кончается в Дерьмотауне. – усмехнулся я. – Вперед, бойцы. Дружно шагаем в Гнойку.

– Жрать охота. – вздохнула гоблинша Йорка.

– Купим там еды и перекусим. – заметил приободрившийся Баск.

– Но не мяса. – хмыкнул я. – Обойдемся пищевыми брикетами и белковыми батончиками.

– Тут мясо дороже?

– Тут оно человечней. Неохота жевать лоботомированную свинину. – ответил я. – Держись ровней, Рэк. Чего тебя мотает?

– Левое копыто подгибается, командир. Но триста шагов пройду.

– Оди, а какие вообще планы? – подступила Йорка, с интересом крутя головой.

Ее как ребенка занимали сменяющие друг друга рисующие совсем другую жизнь картины на стенах.

– Оружие и снаряжение. – охотно ответил я. – Сбор информации по медблокам Дренажтауна. Разведка. Задач много, гоблин.

– А потом? Домой? На Окраину?

– Чего туда торопиться? – удивленно глянул я на Йорку, чувствующую себя здесь явно не в своей тарелке.

– Ну… все чужое…

– Удивила. – усмехнулся я. – В этом мире нам все чужое. Все неправильное. Все извращенное! Но вот что странно – никто этого не замечает. Все радостно приняли навязанные уродские правила и просто живут, пугливо шмыгая по сумрачным тропкам и удивительно легко совершая подлости.

– Ты норм? – за линзами очков блеснули внимательные глаза Йорки. – Такой… оживленный…

– Норм. – кивнул я, мысленно давая себе приказ быть сдержанней.

В моей крови лишь крохотная доза мемваса. Но наркотик заставлял говорить громче и откровенней. А на картины на стенах я больше не смотрел – казалось, что они оживают.

Мы миновали линию пересекающих коридор напольных решеток, и под ногами захлюпало. Еще несколько шагов, и Рэк первым вошел в льющуюся со стальных небес морось. По капюшону дождевика застучали частые мелких капли, я втянул ладони в рукава плаща.

Дождь быстро стал сильнее, и вскоре мы шагали в белесоватой дымке, частично скрывшей наши фигуры и наполнившей уши белым шумом. В дымке появлялись и исчезали подмигивающие и ухмыляющиеся мне рожи с настенных картин. Лежащая под залитым дождем стеклом безногая кареглазая красотка улыбнулась и приветственно отсалютовала бокалом с золотым шампанским…

Лежащий в луже гоблин пытался плыть, усердно загребая отдающую синевой и зеленью воду. Поняв, что плыть не удается, решил отдохнуть и перевернулся на спину. Счастливо улыбнулся, глядя вверх и ловя широко раскрытым ртом дождевые капли. Мы прошли мимо…

Все дерьмо мира стекается в Дренажтаун. И изливается на головы грешников, обитающих здесь. Дабы не смели они взглянуть в небо, боясь, что едкий дождь выжжет излишне любопытные и пытливые глаза. Опусти голову ниже, гоблин. Опусти голову ниже и работай усердней. Ведь ты добровольно низший, и это твой удел…

Конец второй книги.